

ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021, №1

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (гл. редактор)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (зав. редакцией); Шпорт Ю.А.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation):

ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Branch of science
(in the Russian
Federation):

07.00.00 History and
Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political
Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Luzianin Sergei G., DSc (History); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2021, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Подоба З.С. Энергетическая стратегия и переход к зелёной энергетике в Японии	6
Авилов Р.С. Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.)	25
Бабкова М.В., Коляда М.С., Трубникова Н.Н. Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей»	49
Фёдорова А.А. Волшебный фонарь, кинематограф и их японские имена	64
Мещеряков А.Н. Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи	80
Лебедева И.П. <i>Вименомика</i> : достижения и проблемы	101
Дацышен В.Г. Япония и российское правительство А.В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири	121

Книжная полка

Щепкин В.В. Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения: история, литература, искусство»	141
--	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2021, No. 1

CONTENTS

Podoba Z.S. Energy strategy and transition to green energy in Japan.....	6
Avilov R.S. The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)	25
Babkova M.V., Kolyada M.S., Trubnikova N.N. The variety of Buddhist paths in <i>Konjaku Monogatari-shū</i>	49
Fedorova A.A. Magic lantern, cinema, and their Japanese names.	64
Meshcheryakov A.N. Demographic explosion in Meiji Japan.....	80
Lebedeva I.P. <i>Womenomics</i> : achievements and problems.	101
Datsyshen V.G. Japan and the Russian government of A.V. Kolchak. On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia.....	121

Book Review

Shchepkin V.V. A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova	141
---	-----

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24

Энергетическая стратегия и переход к зелёной энергетике в Японии

З.С. Подоба

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния зелёной энергетики в Японии. Исследование показало, что текущая энергетическая стратегия Японии направлена в первую очередь на ликвидацию дефицита энергоснабжения и во вторую – на «озеленение» сектора. После катастрофы на АЭС «Фукусима-1» Япония признала возобновляемую энергию в качестве средства решения проблемы энергетической безопасности и активизировала государственную политику по стимулированию инвестиций в возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Политические стимулы, прежде всего, введение зелёных тарифов и значительный объём инвестиций привели к увеличению доли ВИЭ, особенно солнечной энергии, в структуре производства электроэнергии, и способствовали снижению выбросов CO₂ после 2013 г., а также повышению энергоэффективности экономики. К концу второго десятилетия XXI в. Япония входила в пятёрку стран, обладающих наибольшими объёмами установленных мощностей возобновляемой энергетики (без учёта гидроэнергии). Однако затраты на установку ВИЭ и стоимость электроэнергии в Японии выше соответствующих показателей других стран. При этом Япония входит в число пяти стран с наибольшим объёмом выбросов CO₂, 90 % которых связаны с энергетикой, и подвергается критике со стороны мирового сообщества за продолжающуюся поддержку использования ископаемого топлива.

В 2020 г. Япония объявила об амбициозных планах по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. за счёт развития солнечной энергетики и технологий по переработке углекислого газа. Одним из важнейших шагов на пути к низкоуглеродной экономике должно стать развитие водородной энергетики. Однако достижение этой цели потребует существенного пересмотра текущего энергетического плана, в соответствии с которым к 2030 г. более половины энергии в стране будут по-прежнему производить станции, работающие на ископаемом топливе.

Несмотря на то, что Япония добилась определённых успехов в продвижении зелёной энергетики, называть тенденцию устойчивой пока преждевременно. В свете низких цен на нефть и экономического спада, вызванного пандемией COVID-19, будущее возобновляемых источников энергии остаётся неопределённым.

Ключевые слова: Япония, зелёная энергетика, возобновляемые источники энергии, эмиссия парниковых газов, энергетическая эффективность.

Автор: Подоба Зоя Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Высшая школа сервиса и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (адрес: 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29). ORCID: 0000-0003-1729-903X; E-mail: zoypodoba@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Подоба З.С. Энергетическая стратегия и переход к зелёной энергетике в Японии // Японские исследования. 2021. № 1. С. 6–24. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24

Energy strategy and transition to green energy in Japan

Z.S. Podoba

Abstract. The paper presents an analysis of the current state of green energy in Japan. The study showcases that Japan's energy strategy focuses primarily on eliminating energy deficit and secondly on greening the sector. After the Fukushima accident, Japan recognized renewable energy as a solution to the energy security problem and intensified government policies to stimulate investment in renewable energy. Policy incentives, primarily the introduction of feed-in tariffs, and massive investments have led to an increase in the share of renewable energy sources, especially solar PV, in the structure of electricity generation, and contributed to CO₂ emissions decline after 2013, as well as the improvement in the energy efficiency of the economy. By the end of the second decade of the 21st century, Japan was among the top-five countries based on installed renewable power capacity (excluding hydropower). However, the costs of electricity have been rising and the costs associated with installing renewables in Japan are very high comparing with other countries. Meanwhile, Japan is among the top-five economies with the highest CO₂ emissions, 90% of which are energy-related, and has been criticized by the international community for its ongoing support for fossil fuels.

In 2020, Japan has announced an ambitious plan to achieve carbon neutrality by 2050 by speeding up the development of key technologies such as next generation solar batteries and carbon recycling. The promotion of 'hydrogen society' is called one of the most important steps towards a low-carbon economy in Japan. Achieving the goal will require a significant revision of the current energy plan, according to which, by 2030, more than half of the country's energy will continue to be produced by fossil fuel plants.

Japan has made some progress in its green energy policy, but whether it is sustainable remains to be seen. In addition, in light of low oil prices and the COVID-19 recession, the future of renewable energy sources remains uncertain.

Keywords: Japan, green energy, renewable energy, greenhouse gases emissions, energy efficiency.

Author: Podoba Zoia S., PhD (Economics), Associate Professor, Graduate School of Service and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (address: 29 Polytechnicheskaya Str., Saint-Petersburg, 195251, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1729-903; E-mail: zoyapodoba@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Podoba Z.S. (2021). Energeticheskaya strategiya i perekhod k zelyonoy energetike v Yaponii [Energy strategy and transition to green energy in Japan], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 2021, 1, 6–24. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-6-24

Введение

В современных условиях глобальной нестабильности всё более остро встает проблема выбора пути дальнейшего развития мировой экономики. Несмотря на то, что преобладающая ранее экономическая система дала определённые результаты в повышении жизненного уровня населения, негативные последствия функционирования этой системы, называемой «коричневой экономикой», значительны. Для выживания и развития человечества требуется переход к новой парадигме развития, которая не будет подвергать будущие поколения воздействию значительных экологических рисков.

Сформировавшаяся в последние десятилетия концепция зелёной экономики нацелена на более гармоничное согласование экономических и экологических вопросов. Глобальный

интерес к зелёной экономике значительно возрос с момента первого упоминания этого термина в 1989 г. [Pearce D., Markandya A., Barbier E.R., 1989, p. 192]. После начала реализации экологической программы ООН «Инициатива зелёной экономики» (Green Economy Initiative) эта концепция стала общепризнанной. ЮНЕП определяет зелёную экономику как способствующую «повышению благосостояния людей и социального равенства и существенному сокращению экологических рисков и экологических проблем», как «экономику с низкими выбросами углеродных соединений, эффективно использующую ресурсы и отвечающую интересам всего общества» [ЮНЕП 2011].

Именно энергетическое направление рассматривается как одно из важнейших на пути формирования новой модели экономики, принимая во внимание тот факт, что энергетический сектор является крупнейшим источником выбросов углекислого газа. Доказательством признания значения этого направления является тот факт, что две из 17 Целей в области устойчивого развития на период до 2030 г. связаны с развитием зелёной энергетики (7. Недорогостоящая и чистая энергия и 13. Борьба с изменением климата).

Несмотря на то, что в литературе отсутствует единая точка зрения относительно понятия зелёной энергетики, большинство специалистов подразумевают под ним переход к использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ), рассматриваемых как более устойчивые по сравнению с исчерпаемыми минеральными ресурсами [Reilly J.M., 2012, p. S85]. Однако особенности и противоречия развития современной мировой энергетической системы свидетельствуют о том, что понятие зелёного аспекта в этом секторе экономики является гораздо более многогранным. Эта точка зрения представлена в публикациях ОЭСР [OECD 2011, p. 106], в которых отмечается, что зелёная энергетика предполагает не только рост инвестиций в ВИЭ и повышение их доли в структуре производства и потребления наряду со сворачиванием капиталовложений в ископаемые виды топлива, но и обязательное сокращение эмиссии диоксида углерода и других парниковых газов (ПГ). Также в качестве важных показателей развития зелёной энергетики выступают повышение энергоэффективности экономики, число проектов и патентов в данной области, меры государственной поддержки.

Развитие низкоуглеродной энергетики имеет особое значение для Японии как страны, сталкивающейся с необходимостью решения проблемы энергетической безопасности, имеющей высокую степень зависимости от ископаемых видов топлива и являющейся одним из крупнейших производителей парниковых газов, 90% которых создаёт энергетический сектор.

Вопросы, связанные с эволюцией энергетической политики Японии, нашли наиболее полное отражение в работах сотрудников Института экономики энергетики Японии (The Institute of Energy Economics, Japan), а также в тематических исследованиях ряда российских авторов ([Пипия Л.К., Дорогокупец В.С. 2017, 38 с.; Корнеев К.А., Попов С.П., 2019, с. 44–53] и др.). В отечественной и зарубежной литературе существует ряд публикаций, посвящённых развитию в Японии зелёной экономики ([Стрельцов Д.В. 2012; Carozza I. 2011] и др.). В то же время переход к зелёной энергетике в этой стране остаётся недостаточно освещённым.

В данной работе проведён анализ современного состояния зелёной энергетики в Японии на основе определения ОЭСР, в результате которого сделаны выводы о её перспективах и об энергоэффективности экономики.

Эволюция энергетической политики Японии и роль ВИЭ

В литературе можно найти множество определений возобновляемой энергии. Так или иначе все они подчёркивают, что это энергия, получаемая из природных процессов, способных к восстановлению. Существует несколько форм возобновляемой энергии, включая энергию, вырабатываемую из таких источников, как солнце, ветер, биомасса, а также геотермальные, гидроэнергетические ресурсы, биогаз и жидкие виды биотоплива.

Атомная энергия, как и энергия ветра и солнца, не наносит вреда климату с точки зрения выбросов CO₂. Однако угрозы безопасности и проблема утилизации радиоактивных отходов не позволяют ей встать на одну ступень с ВИЭ. Вопрос отнесения атомной энергии к разряду зелёной остаётся дискуссионным.

Приступая к анализу эволюции энергетической политики Японии, следует отметить, что географические и климатические факторы сформировали в стране консервативный подход к любым значимым нововведениям. Изменение энергетической стратегии в стране происходило в основном в результате чрезвычайных ситуаций: экономических (нефтяной кризис 1970-х годов, затяжная рецессия 1990-х годов), природно-климатических (стихийные бедствия и вызванные ими разрушения энергетической инфраструктуры), технологических (авария на АЭС «Фукусима»).

Вскоре после Второй мировой войны страна вступила в период высоких темпов экономического роста, который называют японским «экономическим чудом». Его реализация была бы вряд ли возможна, если бы в 1960-е годы не были открыты богатейшие запасы нефти на Ближнем Востоке. Нефть, как весьма удобный при добыче, и особенно при транспортировке, энергоресурс, позволяла быстро наращивать энергопроизводство за счёт тепловых электростанций (ТЭС) и сменила уголь в качестве важнейшего вида топлива в энергобалансе страны. Жизнеспособность такой стратегии обеспечивалась и во многом оправдывалась низкими ценами на этот вид топлива (номинальная стоимость нефти оставалась практически неизменной в течение длительного периода времени в середине XX в., поскольку искусственно удерживалась картелем вертикально-интегрированных международных нефтяных компаний, получившим название «семь сестёр»). Доля «чёрного золота» в структуре потребления первичных энергоресурсов в Японии в 1970-е годы превышала 75 % (рис. 1). Бóльшая часть поставлялась из стран Персидского залива. При этом уровень самообеспеченности энергетическими ресурсами в Японии составлял всего 15 % [Japan's Agency for Natural Resources and Energy 2020].

«Нефтяные шоки» 1970-х выявили высокую степень энергосырьевой уязвимости японской экономики и обусловили необходимость коренных изменений в энергетической стратегии страны [Япония: смена модели экономического роста 1990, с. 3]. Именно тогда в Японии начали разрабатываться основы политики обеспечения энергетической безопасности. Долгосрочными приоритетами были названы энергосбережение, сокращение импорта нефти и поощрение использования альтернативных источников энергии. Однако ставка была сделана не на ВИЭ, а, прежде всего, на использование атомной энергии, а также угля и сжиженного природного газа (СПГ).

Благодаря этой политике, удалось снизить зависимость от нефти: в 2003 г. Япония достигла знакового рубежа – доля этого вида топлива в общем потреблении первичных энергоресурсов сократилась до 50 %. К началу второго десятилетия XXI в. около 40 %

энергетических потребностей Японии покрывалось за счёт нефти, и эта пропорция по оценкам японских экономистов вряд ли существенно изменится в ближайшие годы (рис. 1).

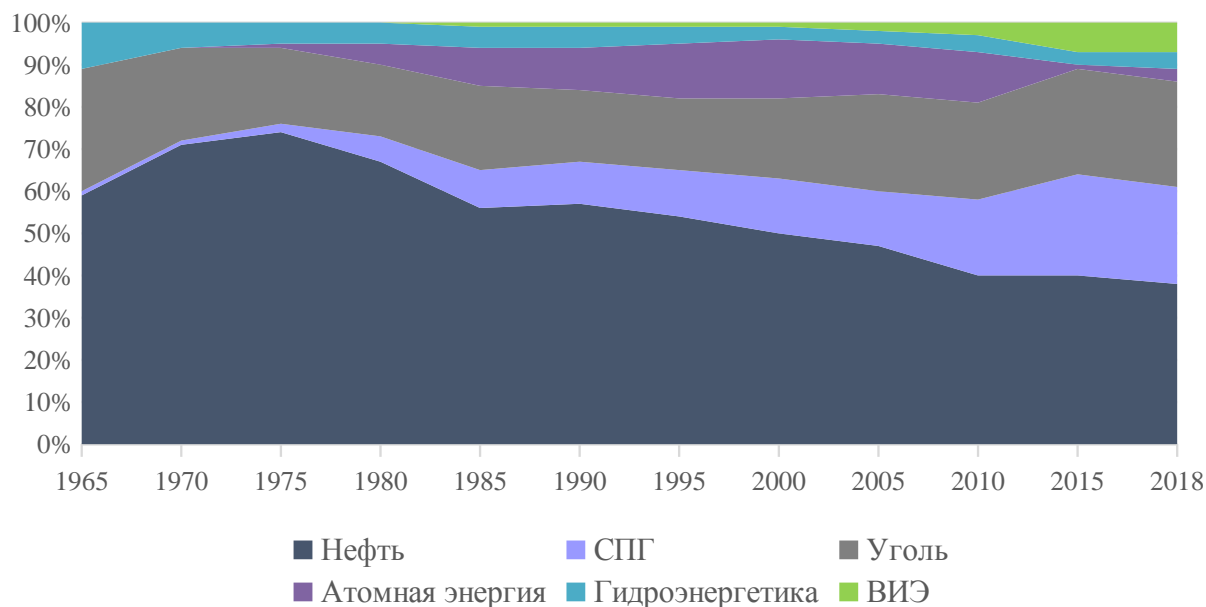

Рис. 1. Структура поставок первичных источников энергии в Японии.

Источник: составлено по данным Japan's Agency for Natural Resources and Energy.

Катастрофа на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. привела к пересмотру отношения к атомной энергии как к экологичному, дешёвому и безопасному энергетическому ресурсу не только в Японии, но и во многих странах мира. До аварии в Японии работало 54 ядерных реактора (третье место в мире после США и Франции), которые обеспечивали более четверти электроэнергии страны (рис. 2)¹. Последствия аварии заставили Японию модифицировать свою стратегию по обеспечению энергетической и экологической безопасности и временно отказаться от ядерной энергетики. Именно после событий 2011 г. значение ВИЭ в энергобалансе страны начало заметно возрастать (рис.1). Однако наряду с этим ещё больше увеличилось использование угля и природного газа. Зависимость экономики Японии от минерального топлива повысилась с 81 % в 2010 г. до 87 % к 2017 г. [Japan's Agency for Natural resources and Energy 2020].

В отличие от Германии, где было принято решение об отказе от АЭС к концу 2022 г., а также от использования угля к 2038 г. в пользу ВИЭ, по прошествии нескольких лет после остановки реакторов японское правительство взялось за восстановление атомной энергетики, несмотря на отсутствие поддержки со стороны населения. К концу 2019 г. реакторы на пяти станциях были признаны соответствующими новым стандартам безопасности и возобновили работу.

¹ Япония является четвёртой страной в мире по объёмам потребления электричества после Китая, США и Индии. При этом основная часть электроэнергии вырабатывается с использованием минерального топлива.

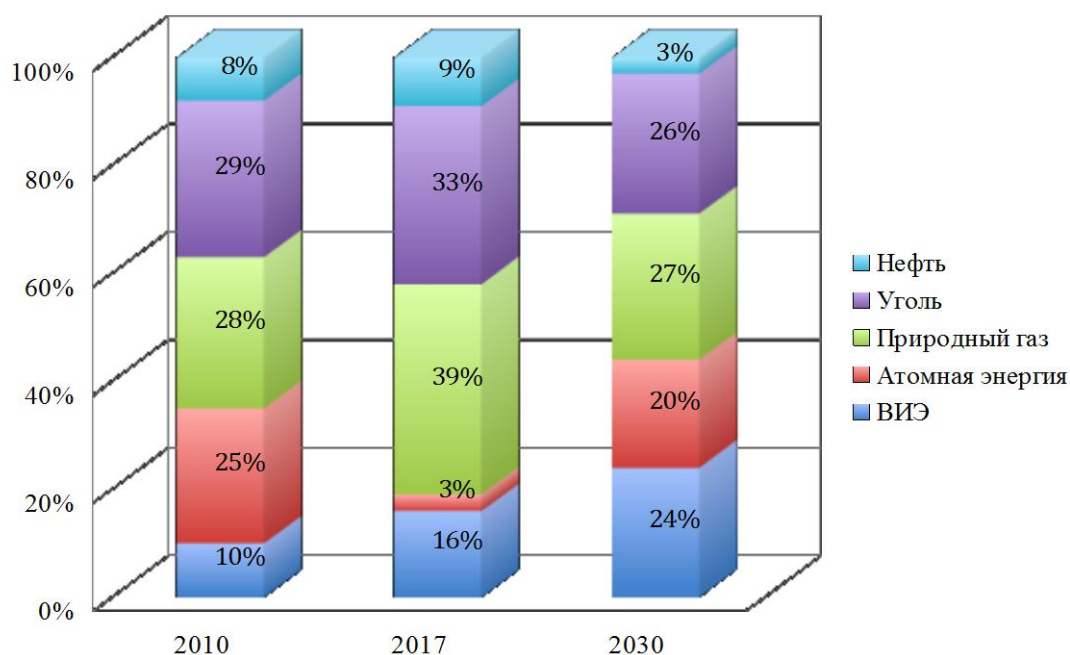

Рис. 2. Структура электрогенерации в Японии.

Источник: Agency for Natural Resources and Energy.

Современная энергетическая политика Японии опирается на четыре базовых принципа, которые получили название 3E + S: Energy Security («Энергетическая безопасность»), Economic Efficiency («Экономическая эффективность»), Environment («Окружающая среда»), Safety («Безопасность») [Japan's Strategic Energy Plan 2018].

Изменения в энергетической стратегии Японии отражаются в среднесрочных энергетических программах правительства. Обязательность их принятия была закреплена законом 2002 г. «Об основах энергетической политики», который предписывал составлять базовые энергетические планы с перспективой на пять лет. В 2018 г. был утверждён Пятый энергетический план, в котором впервые было указано, что ВИЭ должны превратиться в один из основных источников электроэнергии к 2050 г. Однако документ не содержит конкретных мер для решения этой задачи. Кроме того, в зафиксированной в плане структуре энергетики на промежуточный 2030 г. доля возобновляемой генерации в общей выработке электроэнергии хотя и увеличится до 21–24 %, но будет уступать доле ТЭС, работающих на газе, угле и нефти (54–56 %). На атомную энергию будет приходиться до 15–20 %, немногим меньше, чем до аварии на АЭС «Фукусима-1» (рис. 2).

В конце второго десятилетия XXI в. наибольшая доля электричества, вырабатываемого с использованием ВИЭ в Японии, приходилась на гидроэнергию (7,9 %), на втором месте находилась солнечная энергия (5,2 %), на третьем – биомасса (2,1 %), далее – ветряная (0,6 %) и геотермальная (0,2 %) энергии. Согласно планам правительства, к 2030 г. значение каждого из перечисленных ВИЭ повысится, и структура выработки электроэнергии с использованием ВИЭ будет выглядеть следующим образом: гидроэнергетика – 8,8–9,2 %, солнечная энергия – 7 %, биомасса – 3,7–4,6 %, ветряная энергия – 1,7 %, геотермальная энергия – 1,0–1,1 % [Japan's Strategic Energy Plan 2018].

По итогам 2019 г. Япония входила в пятёрку стран, обладающих наибольшими объёмами установленных мощностей возобновляемой энергетики (без учёта гидроэнергии).

Кроме того, Япония находилась на десятом месте по мощностям геотермальных электростанций (ГеоТЭС), девятом – гидроэлектростанций (ГЭС), третьем – солнечных фотоэлектрических установок. Именно эти направления получили наибольшее развитие в Японии [REN21 Renewables 2020 Global Status Report, 2020].

Следует отметить, что японская возобновляемая энергетика работает не слишком эффективно с экономической точки зрения. Капитальные затраты в солнечной энергетике являются самыми высокими в мире, а один киловатт-час солнечной и ветровой электроэнергии стоит дороже, чем в европейских странах. Так, в 2018 г. затраты на установку солнечных фотоэлектрических модулей промышленного масштаба в Японии составили 2 101 долл./кВт. Для сравнения: в Соединенных Штатах и Австралии они не превышают 1 500 долл./кВт, а в Китае, Индии, Италии составляют менее 1 000 долл./кВт. Среди стран G20 более высокие издержки только у России (2 302) и Канады (2 427) [IRENA 2019]. Высокие затраты в Японии связаны с повышенными требованиями к соблюдению мер безопасности и высоким уровнем оплаты труда (по среднему уровню заработной платы в 2020 г. Япония находилась на 18-м месте в мире; оплата труда в Японии в 1,6 раз превышает уровень Италии, в 2,7 раза – уровень Китая, в 5,7 раза – уровень России, в 6 раз – уровень Индии [Picodi 2020]).

Инвестиции в возобновляемые источники энергии и ископаемые виды топлива в Японии

Одним из наиболее важных показателей развития зелёной энергетики является объём инвестиций, направленных на создание и поддержание соответствующих мощностей, внедрение зелёных технологий, разработку проектов в этих областях. Глобальные инвестиции в ВИЭ в 2019 г. (не включая затраты на малые ГЭС мощностью менее 50 МВт) составили 282,2 млрд долл. (рис. 3). Капиталовложения в новые установки с использованием ВИЭ в три раза превысили объём инвестиций в создание новых мощностей, работающих на угле, природном газе и атомной энергии, что свидетельствует о смене приоритетов в развитии мировой энергетики [REN21 Renewables 2020 Global Status Report 2020].

По видам источников наиболее привлекательным для вложений направлением впервые с 2010 г. стали ветровые установки, на которые пришлось 49 % инвестиций, чему способствовало дальнейшее снижение капитальных затрат и замедление роста рынка фотоэлектрических систем в Китае. На солнечную энергетику пришлось 46,5 % всех инвестиций. Остальные ВИЭ показали менее впечатляющие результаты [Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF 2020].

Япония является одним из крупнейших инвесторов в ВИЭ, в период 2010–2019 гг. она занимала третье место в мире после Китая и США. Японские инвестиции выросли с 7 млрд долл. в 2010 г. до 16,6 млрд долл. в 2019 г., но пик в 36,2 млрд долл. был достигнут в 2015 г. (рис. 3).

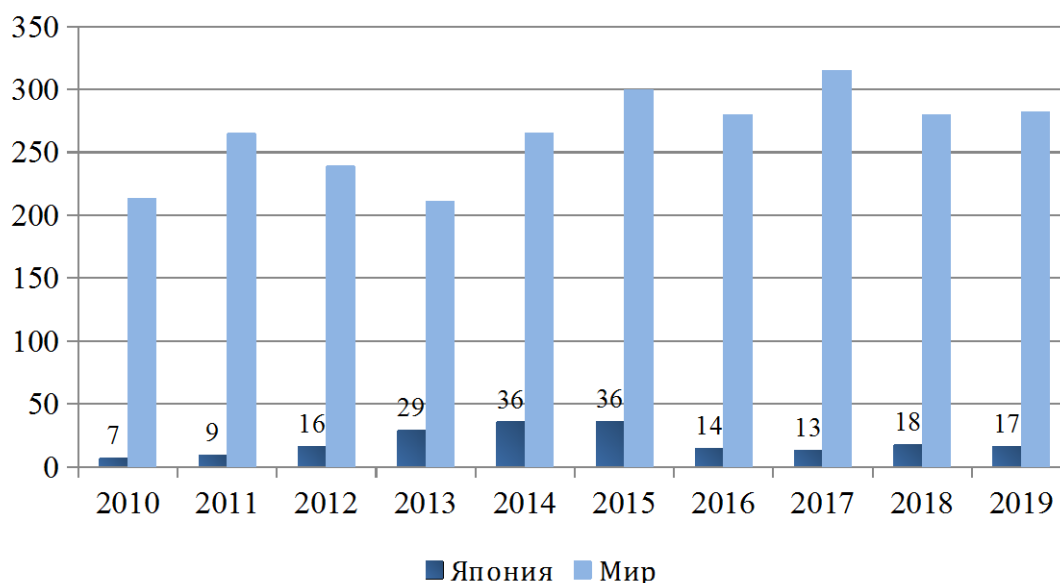

Рис. 3. Инвестиции в ВИЭ, млрд долл.

Источник: Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF.

Для привлечения инвестиций в ВИЭ в Японии, как и во многих других странах, была введена система так называемых зелёных тарифов (feed-in tariff, FIT), обязавших крупнейшие энергокомпании выкупать киловатт-часы у производителей возобновляемой энергии, включая мини-ГЭС, по фиксированной цене. Однако в 2020 г. началась постепенная трансформация системы государственной поддержки возобновляемой энергетики в Японии. Ключевые изменения связаны с введением механизма зелёных премий (feed-in premium, FIP), стимулирующего производителей электроэнергии за счёт надбавки к рыночной цене. Предусматриваются два метода определения надбавки: (а) по рекомендации Комитета по расчёту закупочных цен, как в случае с зелёными тарифами, и (b) с использованием системы торгов. При этом справочная цена будет колебаться в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке. Подобный переход соответствует общемировой практике, так как зелёные тарифы подвергаются критике за то, что возлагают чрезмерную нагрузку на потребителей и налогоплательщиков, поскольку фиксированная цена препятствует конкуренции.

Следует отметить, что введение зелёных тарифов оказало значительное влияние на развитие ВИЭ в Японии. Мощности по производству солнечной энергии выросли более чем в 150 раз – с 370 МВт в 2010 г. до 63 ГВт в 2019 г., а доля солнечной энергии в электрогенерации достигла 6,6 %.

При этом на пути к зелёной энергетике Япония сталкивается со следующими вызовами:

1. Высокие издержки. Увеличение использования возобновляемых источников энергии напрямую зависит от снижения затрат на её производство. Они должны быть доведены до уровня, сопоставимого с затратами на производство электроэнергии из других источников.
2. Отрицательное отношение к ВИЭ со стороны местных жителей. Граждане зачастую не воспринимают их в качестве надежного и стабильного источника энергии и высказывают опасения относительно безопасности и утилизации установок, чей срок службы подошёл к концу.

3. Сложности, связанные с интеграцией ВИЭ в национальную энергосистему. С одной стороны, система энергоснабжения в Японии (включая генерацию и линии электропередач) не всегда охватывает районы, пригодные для выработки возобновляемой энергии (например, области с хорошими условиями для развития ветроэнергетики). С другой стороны, массовое внедрение возобновляемой энергии сталкивается с сетевыми ограничениями.

4. Нестабильный характер производства электроэнергии из возобновляемых источников. Объём выработки электроэнергии из ВИЭ, таких как солнечная энергия и ветер, трудно контролировать, поскольку на него влияют сезонные и погодные условия. Это может приводить к избытку или недостатку выработки электроэнергии, которые необходимо компенсировать использованием минерального топлива.

5. Необходимость новых инвестиций, в том числе со стороны иностранных инвесторов.

Согласно Индексу привлекательности стран для инвестиций в возобновляемую энергетику, рассчитываемому Ernst&Young², среди 40 стран в мае 2020 г. Япония находилась на 10-м месте [EY RECAI 2020].

Следует отметить, что инвестиции в ископаемые виды топлива в Японии пока ещё значительно превышают капиталовложения, связанные с ВИЭ. Япония продолжает оказывать поддержку развитию проектов с использованием нефти, газа и угля как внутри страны, так и за рубежом посредством фискальной политики и механизмов государственного финансирования. Несмотря на то, что Япония присоединилась к обязательствам по снижению субсидирования, таким как декларация G7 о поэтапном отказе от субсидий на ископаемое топливо к 2025 г., правительство страны не отличается прозрачностью в плане предоставления информации о достигнутом прогрессе в этой области.

Согласно некоторым исследованиям, после 2025 г. для японских операторов может стать более рентабельным инвестировать в возобновляемые источники энергии, такие как ветровая или солнечная, чем в эксплуатацию угольных электростанций [Gray, M., Takamura, Yu., et al., 2019]. Однако правительство Японии поощряет инвестиции в ископаемое топливо, чтобы поддерживать диверсифицированный набор источников энергии.

Япония планирует построить 22 новые ТЭС, работающие на угле в ближайшие пять лет. И хотя это будут электростанции нового типа, характеризующиеся более высокими показателями энергоэффективности, они будут ежегодно выделять почти столько же углекислого газа, сколько легковые автомобили, продаваемые ежегодно в Соединенных Штатах Америки, и больше, чем совокупный объём выбросов таких стран, как Норвегия или Швеция.

Политика Японии в этой области отличается от действий других развитых стран. Так, например, Великобритания намерена отказаться от угольной энергетики к 2025 г., а Франция заявила, что закроет угольные электростанции ещё раньше, к 2022 г. [Tabuchi, H., 2020]. Япония остаётся единственной страной «Большой семёрки», продолжающей строительство угольных электростанций внутри страны, и крупнейшим инвестором в аналогичные проекты за рубежом.

Три крупнейших банка Японии – Mitsubishi UFJ (MUFG), Mizuho и Sumitomo Mitsui (SMBC) – в 2016–2019 гг. направили 281 млрд долл. в проекты, связанные с освоением

² Индекс учитывает изменения в приоритетах энергетической политики стран, реформы, направленные на улучшение инвестиционного климата, экологическую политику, участие частного сектора в проектах по возобновляемой энергетике и др.

ископаемого топлива по всему миру. При этом из года в год объём этих инвестиций только увеличивается [Banking on Climate Change 2019].

Япония занимает третье место среди стран G20 после Китая и Индии по объёмам субсидирования угольной генерации. За ней следуют Южная Африка, Южная Корея, Индонезия и США. Кроме того, Япония также находится на втором месте среди стран G20 (после Китая) по объёму государственных инвестиций в зарубежные угольные проекты. Основными получателями японских капиталовложений являются Вьетнам, Индонезия, Бангладеш [ODI, G20 coal subsidies 2019].

Несмотря на то, что в 2019 г. ряд торговых домов Японии, включая Itochu, Marubeni, Mitsui и Sojitz, которые являлись одними из крупнейших мировых инвесторов в ТЭС, работающих на угле, объявили о планах отказаться или ограничить инвестирование в угольные проекты, к этим заявлениям следует относиться с осторожностью. Они не относятся к реализации уже действующих проектов и к проектам, предложенным ранее и находящимся на рассмотрении. Более того, эти планы не касаются угольных электростанций с ультра-сверхкритической технологией (новейшие технологии угольных электростанций, которые имеют самую низкую интенсивность выбросов среди всех угольных электростанций при расходе менее 750 г CO₂/(кВтч)) [ODI, G20 coal subsidies 2019].

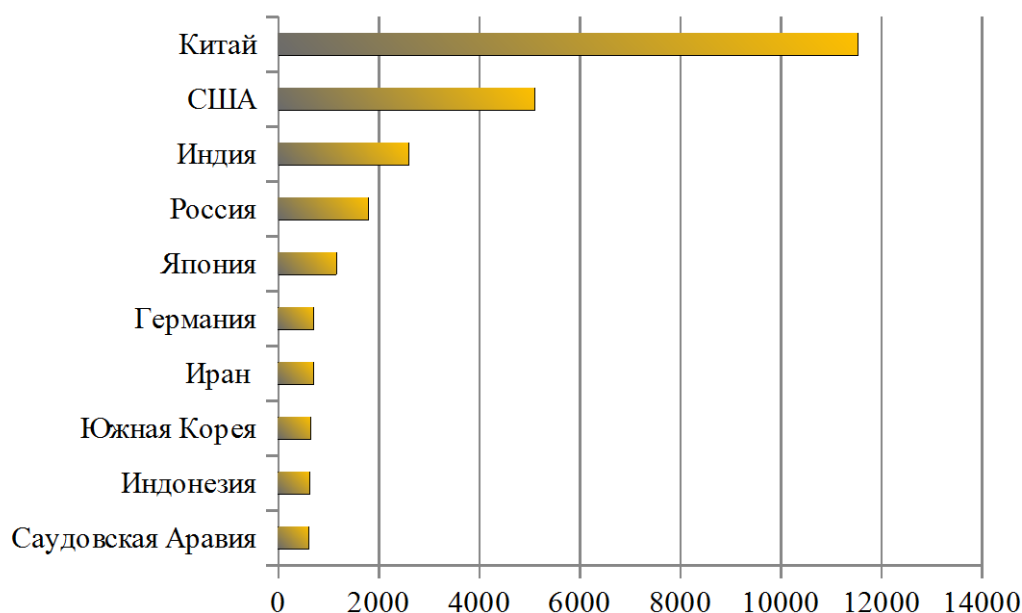
Эмиссия парниковых газов в Японии

Одним из самых важных вопросов, связанных с зелёной энергетикой, является сокращение эмиссии диоксида углерода (CO₂), концентрация которого в атмосфере заметно возросла за последнее столетие и превышает уровень середины 1800-х годов на 4 %. Среди всех сфер деятельности человека именно энергетика является крупнейшим эмитентом ПГ, отвечая за более чем 70 % выбросов [Ritchie, H. and Roser, M., 2020].

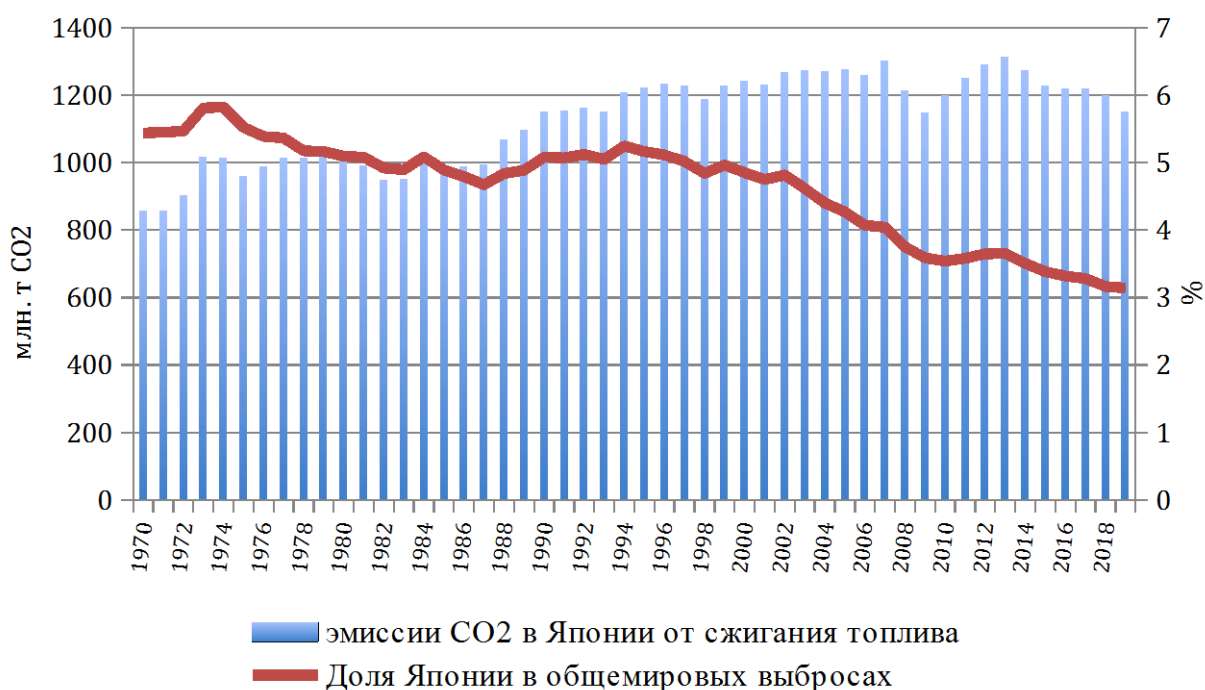
Китай, США, Индия, ЕС, Россия и Япония – крупнейшие в мире эмитенты CO₂. На эти страны приходится 2/3 общемирового объёма эмиссии при сжигании ископаемого топлива (по данным за 2019 г.). Доля Японии составляет 3 % мировых выбросов (рис. 4). 90 % выбросов в Японии связаны с энергетикой.

Объёмы эмиссии парниковых газов в Японии увеличивались до 2013 г., когда был зафиксирован исторический максимум, после чего началось их постепенное снижение. Наиболее существенное сокращение выбросов наблюдалось в 2018–2019 гг. и было связано с возобновлением эксплуатации АЭС, а также с расширением использования ВИЭ (рис. 5).

Большое значение в борьбе с изменением климата придаётся объединению усилий всех стран. Международные переговоры по вопросам изменения климата проводятся в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), направленной на согласование мер, предпринимаемых для борьбы с глобальным потеплением, вызванным деятельностью человека. РКИК ООН была принята в 1992 г. и ратифицирована в 1994 г. К конвенции присоединилось большинство государств мира, включая Японию.

Рис. 4. Крупнейшие страны-эмитенты CO₂ в 2019 г., млн т.

Источник: EDGAR.

Рис. 5. Объём эмиссии CO₂ от сжигания топлива в Японии.

Источник: EDGAR, IEA.

РКИК ООН предусматривает применение принципа общей, но дифференцированной ответственности, учитывающий различный уровень социально-экономического развития стран. Признётся, что основную роль в борьбе с изменением климата и его отрицательными последствиями должны играть промышленно развитые страны и страны с переходной экономикой, которые в процессе своего экономического развития внесли наибольший вклад

в совокупный объём антропогенных выбросов парниковых газов (принцип исторической ответственности).

Понимая необходимость введения более жёстких мер для решения проблемы изменения климата, в 1997 г. в дополнение к РКИК ООН международным сообществом был принят Киотский протокол (КП). Япония выступила в качестве страны-инициатора этого крупного международного соглашения по вопросам борьбы с глобальным потеплением. Киотский протокол подразумевал закрепление за каждой из стран, перечисленных в Приложении I РКИК ООН, количественных обязательств по сокращению и ограничению антропогенных выбросов парниковых газов. Эти государства в период 2008–2012 гг. должны были обеспечить сокращение эмиссии парниковых газов по меньшей мере на 5 % по сравнению с уровнем 1990 г.

В целях минимизации экономических затрат, связанных с исполнением странами обязательств по ограничению и сокращению выбросов, Киотским протоколом была предусмотрена система «гибких механизмов»: механизм чистого развития, механизм совместного осуществления проектов, механизм торговли выбросами³. Параллельно с развитием этих механизмов стали формироваться и другие схемы. При этом последний механизм приобрёл наибольшую популярность, причём даже среди тех стран, которые не брали на себя количественных обязательств по сокращению. По сути, он положил начало формированию нового сегмента мировой торговли – углеродного рынка. Основным драйвером на нём является Европейская схема торговли выбросами (EU ETS). Активно развивается национальная система торговли выбросами в Китае. В настоящее время в мире существует несколько систем торговли эмиссионными квотами различного уровня: международные, национальные, региональные [Подоба З., Крышнёва Д., 2018].

В Японии был запущен так называемый Совместный механизм кредитования (the Joint Crediting Mechanism, JCM). Он представляет собой систему соглашений Японии с развивающимися странами о мерах по сокращению выбросов парниковых газов, при этом результат этого сокращения оценивается как вклад и стран-партнёров, и Японии. Содействуя распространению передовых низкоуглеродных технологий через JCM, Япония стремится способствовать решению проблемы изменения климата в глобальном масштабе. Этот механизм был предложен премьер-министром С. Абэ на Конференции по климату в Париже (COP21) в 2015 г. Документ о партнёрстве по линии JCM подписан с 17-ю странами Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и малыми островными развивающимися экономиками [The Joint Crediting Mechanism 2020].

В 2012 г. действие Киотского протокола было продлено до 2020 г. Но Япония, наряду с Россией и Канадой, посчитала дальнейшее участие в этом проекте нецелесообразным. Стоит напомнить, что США вообще не ратифицировали КП, а Китай не брал на себя никаких обязательств, имея статус развивающейся экономики.

Несмотря на достаточно широкое применение механизмов Киотского протокола, он превратился в неэффективный инструмент. В декабре 2015 г. в рамках РКИК ООН было заключено Парижское соглашение по климату, которое вступило в силу в ноябре 2016 г. и после 2020 г. должно прийти на смену Киотскому протоколу. Соглашение направлено на

³ Подробнее о механизмах КП и о развитии «зелёной энергетике» в странах БРИКС см. [Подоба З., Крышнёва Д., 2018].

усиление глобального реагирования на угрозу изменения климата, в том числе посредством удержания прироста глобальной средней температуры в пределах 2°C (и приложения усилий в целях ограничения роста до 1,5°C) по отношению к доиндустриальному уровню⁴. Япония ратифицировала Соглашение в 2016 г., Россия – в 2019 г.

Документ предусматривает предоставление всеми странами национальных планов по преодолению последствий глобального изменения климата, которые должны обновляться каждые 5 лет (Nationally Determined Contribution, *NDC*). В соответствии с предварительным вариантом, представленным в 2015 г., Япония взяла на себя обязательства сократить выбросы ПГ на 26 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 2013 г. (на 25,4 % по сравнению с 2005 г.) [Japan's INDC 2015, p. 1]. Достижение указанных целей предполагает в том числе и использование механизма JCM. Согласно требованиям Парижского соглашения, в 2020 г. Японии подтвердила приверженность обнародованным ранее планам [Japan's NDC 2020, p. 4].

Примечательно, что целевые ориентиры по сокращению выбросов в Японии представлены по отношению к уровню 2013 г., в то время как США проводят сравнение с уровнем 2005 г., а ЕС – с уровнем 1990 г. Если провести сравнение целевых показателей указанных стран с уровнем 2013 г., то можно заметить, что целевой ориентир Японии выше, чем в других ведущих развитых странах (табл. 1).

Таблица 1. Целевые ориентиры по сокращению парниковых газов к 2030 г.

Страна	Сравнение с 1990 г.	Сравнение с 2005 г.	Сравнение с 2013 г.
Япония	▲ 18,0 %	▲ 25,4 %	▲ 26,0 % (к 2030 г.)*
США	▲ 14,0–16,0 %	▲ 26,0–28,0 % (к 2030 г.)*	▲ 18,0–21,0 %
ЕС	▲ 40,0 % (к 2030 г.)*	▲ 35,0 %	▲ 24,0 %

* Целевой ориентир, указанный в национальном вкладе.

Источник: Japan's Agency for Natural Resources and Energy. Japan's Energy 2019.

Кроме того, в 2019 г. Правительство Японии подготовило новый документ под названием «Долгосрочная стратегия», в котором построение «декарбонизованного общества» во второй половине текущего столетия, а также принятие мер по сокращению выбросов ПГ на 80 % к середине текущего столетия провозглашаются важнейшей целью японского общества. В качестве элементов реализации стратегии указаны достижение Целей устойчивого развития, совместное создание инноваций, формирование Общества 5.0, экономики замкнутого цикла и экологически ответственной экономики. В области энергетики для декарбонизации будут использоваться все возможные средства: повышение энергоэффективности, увеличение использования ВИЭ, снижение зависимости от ископаемого топлива, развитие водородной энергетики, технологий улавливания и захоронения углерода (carbon capture and storage technology, CCS), а также поглощения

⁴ Парижское соглашение по климату. 2015, с. 2. https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

и утилизации углерода (carbon capture and utilization, CCU), систем хранения энергии с использованием аккумуляторных батарей и др. [The Government of Japan. The Long-term Strategy under the Paris Agreement. June 2019].

Отдельно следует выделить поставленную несколько лет назад в Японии задачу создать «общество, основанное на водороде» (hydrogen society). Развитие водородной энергетики рассматривается не только как путь к низкоуглеродной экономике, но и в качестве ключевого средства повышения энергетической безопасности. К 2025 г. в стране планируется создать 320 водородных заправочных станций, увеличится число транспортных средств на водородных двигателях. В последующем Япония рассчитывает стать мировым лидером в области водородной энергетики. Японские корпорации уже начали строительство глобальной сети производства и поставки водорода как источника энергии.

Осенью 2020 г. премьер-министр Ё. Суга объявил, что Япония должна стать углеродно-нейтральной уже к 2050 г.

Энергетическая эффективность экономики Японии

Меры по повышению энергоэффективности обычно являются наиболее рациональным способом «озеленения» энергетического сектора. Однако многие страны уделяют этому направлению гораздо меньше внимания чем, например, использованию ВИЭ.

В наиболее распространенной интерпретации энергоэффективность представляет собой отношение некоего экономического результата (ВВП, выпуск продукции компаний и т.д.) к затратам в энергетических единицах (потребление энергоресурсов, производство электроэнергии, её затраты на предприятия и т.д.). Следует отметить, что в международной практике гораздо чаще используется обратный по отношению к энергоэффективности показатель – энергоёмкость экономики.

Япония приступила к выработке и реализации политики энергосбережения и снижения потребности в ископаемых видах топлива после «нефтяных шоков» 1970-х годов и добилась значительных успехов на этом направлении. Так, за период 1970–1990 гг. энергоэффективность экономики возросла на 35 %, и Япония достигла самых высоких в мире показателей энергоэффективности практически во всех отраслях промышленности. Однако с 1990 по 2010 г. процесс замедлился. В этот период на передний план в политике энергосбережения выходят вопросы защиты окружающей среды и проблемы глобального потепления климата. Смещение приоритетов в государственной политике было связано, во-первых, с тем, что традиционная политика энергосбережения, основанная на снижении удельных показателей энергопотребления, во многом исчерпала себя; во-вторых, с тем, что на повестку дня встал вопрос о реализации мер по снижению выбросов парниковых газов. Последнее напрямую зависело от успехов страны в энергосбережении, а также от усилий по перестройке энергетического баланса. Таким образом, со второй половины 1990-х годов произошло объединение целей политики в энергетической и экологической областях [Стрельцов Д.В., 2011, с. 19–20].

Энергоёмкость японской экономики является одной из самых низких в мире. В 2019 г. показатель Японии был в 2,7 раза ниже показателя России, в 2,2 раза – показателя США, в 1,6 раза – показателя Китая. Предпринимаемые японским правительством шаги по увеличению доли ВИЭ и повышению энергоэффективности привели к тому, что

интенсивность использования энергии на единицу ВВП во втором десятилетии XXI в. демонстрировала тенденцию к снижению. Однако результаты Японии оказались скромнее аналогичных показателей некоторых европейских стран, в частности, Германии (рис. 6).

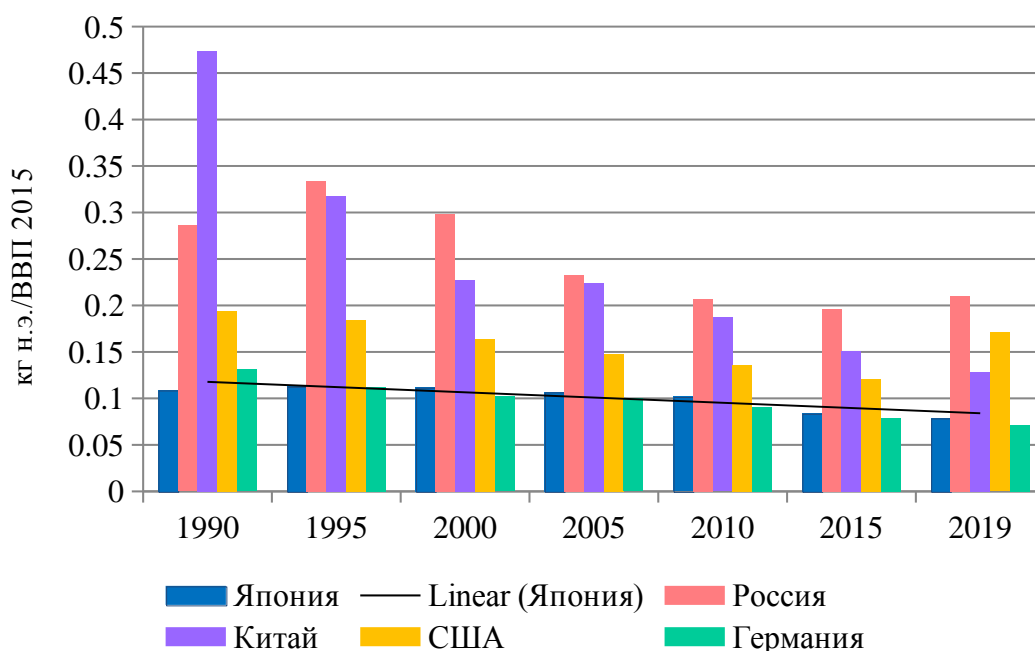

Рис. 6. Интенсивность использования энергии на единицу ВВП.

Источник: Enerdata.

В Японии политика в области энергосбережения реализуется путём поощрения исследований и разработок в этой области, использования системы налоговых стимулов и льготного субсидирования. Так, например, от одной трети до половины инвестиционных затрат предприятий на внедрение энергосберегающего оборудования и технологий может субсидироваться. Право на получение таких субсидий имеют и компании с участием иностранного капитала (в 2017 г. на эти цели Министерство экономики, торговли и промышленности Японии выделило около 700 млн иен [METI 2020]).

В Японии не устанавливаются минимальные стандарты энергоэффективности, но существует программа стандартов «Промышленный лидер» (Top Runner), призванная содействовать продвижению энергоэффективной продукции. В рамках программы устанавливаются целевые значения энергоэффективности единицы продукции на следующий год, исходя из анализа средневзвешенных показателей за текущий период. Продукция, демонстрирующая лучшие показатели, получает поддержку (продвижение в СМИ, специальная маркировка и др.). В программу включены следующие товары: автомобили, кондиционеры, телевизоры, компьютеры, холодильники и др. (всего более 30 наименований).

Намечены меры по увеличению энергоэффективности в строительной отрасли и сфере эксплуатации зданий и сооружений, поскольку большая часть жилых помещений неэффективно расходуют энергию. Так, правительство Японии продвигает инициативу строительства зданий с нулевым потреблением энергии (Zero Energy House, ZEH). Экономии энергии при сохранении комфортной среды обитания можно достичь за счёт лучшей теплоизоляции, высокоэффективного оборудования и использования ВИЭ.

Наконец, для повышения энергоэффективности экономики и устойчивости энергетической системы планируется создание нового типа децентрализованной электроэнергетической системы, в которой будет реализовано интеллектуальное распределённое управление, осуществляемое за счёт энергетических транзакций между её пользователями. Эта система получила название «интернет энергии» (Internet of Energy) и включает три составляющие: 1) распределённые источники энергии, большая часть которых будет основана на использовании ВИЭ; 2) конечные потребители, владеющие распределённой малой и микрогенерацией, накопителями энергии и готовые регулировать потребление управляемых ими объектов; 3) «умные сети», сочетающие более совершенные способы передачи энергии с более эффективными механизмами её распределения.

Заключение

Текущая энергетическая политика и финансирование энергетики Японии направлены в первую очередь на ликвидацию дефицита энергоснабжения и во вторую – на комплексное развитие зелёной энергетики. После катастрофы на АЭС «Фукусима-1» Япония стала рассматривать возобновляемую энергию в качестве средства решения проблемы энергетической нестабильности и активизировала государственную политику по стимулированию инвестиций в ВИЭ. Политические стимулы, такие как введение зелёных тарифов, и значительный объём инвестиций привели к увеличению доли возобновляемых источников энергии, особенно солнечной, в структуре производства электроэнергии и способствовали снижению выбросов CO₂ после 2013 г., а также повышению энергоэффективности. Однако затраты на установку возобновляемых источников энергии в Японии очень высоки по сравнению с другими странами, и стоимость электроэнергии значительно выросла. Всё это ложится бременем на плечи потребителей, снижая потенциал экономического роста.

В последние десятилетия политика Японии стала тесно увязываться с международными правилами. В целом она стремится выполнять взятые на себя по международным договорам обязательства и объявила об амбициозных планах по снижению объёма выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения, превосходящих намерения других крупнейших экономик мира. В 2020 г. была поставлена цель по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. Её достижение потребует существенного пересмотра текущего энергетического плана, в соответствии с которым к 2030 г. более половины энергии в стране будут по-прежнему производить станции, работающие на ископаемом топливе.

Несмотря на то, что Япония добилась определённых успехов в продвижении зелёной энергетики, пока неясно, является ли эта тенденция устойчивой. Согласно последней редакции национального плана развития сектора, доля ядерной энергии увеличится и будет сопоставима с долей возобновляемой энергии. Кроме того, Япония продолжает вкладывать большие средства в ископаемое топливо, и в свете низких цен на нефть и экономического спада, вызванного пандемией COVID-19, будущее возобновляемых источников энергии остается неопределённым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Корнеев К.А., Попов С.П. Проблемы формирования энергетической политики Японии // Энергетическая политика. № 2. 2019. С. 44–53.

Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур. Москва: ЮНЕП. 2011. <https://www.unep.org/greenconomy> (дата обращения: 01.02.2020).

Пипия Л.К., Дорогокупец В.С. Энергетическая политика Японии // Серия «Наука за рубежом» Института проблем развития науки РАН. № 60. Апрель 2017. 38 с.

Подоба З., Крышнёва Д. «Зеленая энергетика» в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 2. С. 17–27. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-2-17-27>

Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере энергосбережения: исторические и правовые аспекты // Япония 2011. Ежегодник. Москва: АИРО-XXI. 2011. С. 17–37.

Стрельцов Д.В. Япония как «зелёная сверхдержава»: монография. Москва: МГИМО Университет. 2012. 212 с.

Япония: смена модели экономического роста / отв. ред. И.П. Лебедева, А.И. Кравцевич. Москва. 1990.

REFERENCES

Korneev, K.A. & Popov, S.P. (2019). Problemy formirovaniya energeticheskoi politiki Yaponii [Problems of Japan's energy policy formation]. *Energeticheskaya politika*, 2, 44-53 (In Russian).

Lebedeva, I.P. & Kravcevic, A. I. (Eds.). (1990). *Yaponiya: smena modeli ekonomicheskogo rosta* [Japan: Changing the Model of Economic Growth]. Moscow. (In Russian).

Pipiya, L. K. & Dorogokupets, V. S. (2017). *Energeticheskaya politika Yaponii* [Energy policy of Japan]. Seriya «Nauka za rubezhom» Instituta problem razvitiya nauki RAN, 60. (In Russian).

Podoba, Z. & Kryshneva, D. (2018). “Zelenaya energetika” v stranakh BRIKS. [Green energy in the BRICS]. *World Economy and International Relations*, 62(2), 17–27. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-2-17-27> (In Russian).

Streltsov, D.V. (2011). *Politika Yaponii v sfere energosberezheniya: istoricheskiye i pravovyye aspekty* [Japan's Energy Saving Policy: Historical and Legal Aspects]. *Yearbook Japan*. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2012). *Yaponiya kak «zelenaya sverkhderzhava» : monografiya* [Japan as a Green Superpower : A monograph]. Moscow: MGIMO Universitet. (In Russian).

UNEP. (2011). *Navstrechu «zelenoi» ekonomike: puti k ustoichivomu razvitiyu i iskoreneniyu bednosti – obobshchayushchii doklad dlya predstavitelei vlastnykh struktur* [Towards a “Green” Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers]. Retrieved October 1, 2020, from www.unep.org/greenconomy (In Russian).

* * *

Agency for Natural resources and Energy, Japan. (n.d.) Retrieved October 1, 2020, from <http://www.enecho.meti.go.jp/en/>

- Banking on Climate Change*. (2019). Fossil fuel finance report card. Retrieved October 1, 2020, from https://www.ran.org/wp-content/uploads/2019/03/Banking_on_Climate_Change_2019_vFINAL1.pdf
- Capozza, I. (2011). *Greening Growth in Japan*. *OECD Environment Working Papers*, 28. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/5kggc0rpw55l-en>
- EY Renewable Energy Country Attractiveness Index (RECAI)*. (2020). 55th edition. Retrieved October 1, 2020, from https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/power-and-utilities/power-and-utilities-pdf/ey-renewable-energy-country-attractiveness-index-v1.pdf
- Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. (2020). *Global Trends in Renewable Energy Investment 2020*. Retrieved October 1, 2020, from https://www.fs-unep-centre.org/wp-content/uploads/2020/06/GTR_2020.pdf
- G20 coal subsidies. (2019). *Tracking government support to a fading industry*. Retrieved October 1, 2020, from <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12744.pdf>
- Gray, M., Takamura, Yu., Morisawa, M., D'souza, D., Josephand, M., & González-Jiménez, N. (2019). *Land of the rising sun and offshore wind. The financial risks and economic viability of coal power in Japan*. The Carbon Tracker Initiative Report. Retrieved October 1, 2020, from <https://carbontracker.org/reports/land-of-the-rising-sun/>
- IRENA. (2019). *Renewable Power Generation Costs in 2018*. International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi.
- Japan's Strategic Energy Plan*. (2018). Retrieved October 1, 2020, from https://www.meti.go.jp/english/press/2018/pdf/0703_002c.pdf
- Kanekiyo, K. (2010). *Basic Energy Plan drafted for 2010 revision*. Japan Energy Brief, No. 7. Retrieved October 1, 2020, from <https://eneken.ieej.or.jp/en/jeb/1005.pdf>
- METI. (2020). *Energy Efficiency and Conservation*. Retrieved October 1, 2020, from https://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/energy_efficiency/index.html
- OECD. (2011). *Green Growth Studies: Energy*. Paris.
- Pearce, D., Markandya, A., & Barbier, E. R. (1989). *Blueprint for a Green Economy*. London: Earthscan Publications Ltd.
- Picodi. (2020) *Average wages: in which country people earn the most?* Retrieved November 4, 2020, from <https://www.picodi.com/ph/bargain-hunting/average-wages>
- Reilly, J.M. (2012). Green growth and the efficient use of natural resources. *Energy Policy*, 34, S85-S93.
- REN21 Renewables. (2020). *Global Status Report*. Retrieved October 1, 2020, from <https://www.ren21.net/gsr-2020/>
- Ritchie, H. & Roser, M. (2020). Emissions by sector. *Our World in Data*. Retrieved October 1, 2020, from <https://ourworldindata.org/emissions-by-sector/>
- Submission of Japan's Intended Nationally Determined Contribution (INDC). (2015) Retrieved October 1, 2020, from https://www4.unfccc.int/sites/submissions/INDC/Published%20Documents/Japan/1/20150717_Japan's%20INDC.pdf
- Submission of Japan's Nationally Determined Contribution (NDC). (n.d.). Retrieved October 1, 2020, from [https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Japan%20First/SUBMISSION%20OF%20JAPAN'S%20NATIONALLY%20DETERMINED%20CONTRIBUTION%20\(NDC\).PDF](https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Japan%20First/SUBMISSION%20OF%20JAPAN'S%20NATIONALLY%20DETERMINED%20CONTRIBUTION%20(NDC).PDF)

Tabuchi, H. (2020, February 3) Japan Races to Build New Coal-Burning Power Plants, Despite the Climate Risks. *New York Times*. Retrieved October 1, 2020, from <https://www.nytimes.com/2020/02/03/climate/japan-coal-fukushima.html>

The Government of Japan. The Long-term Strategy under the Paris Agreement. (2019). Cabinet decision, June 11, 2019. Retrieved October 1, 2020, from <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/The%20Long-term%20Strategy%20under%20the%20Paris%20Agreement.pdf/>

The Joint Crediting Mechanism (JCM). (2020). Retrieved October 1, 2020, from <https://www.jcm.go.jp/>

Поступила в редакцию 22.10.2020

Received 22 October 2020

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.)

Р.С. Авилов

Аннотация. В статье, на основе впервые введенных в научный оборот документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), исследуется история работы русской финансовой разведки на японском направлении в 1909 г. Получивший широкое распространение накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. тезис о невозможности для Японии вести войну с Россией из-за недостатка средств оказался ошибочным. Это обусловило рост внимания России к состоянию японских финансов уже в послевоенный период. Установлено, что с подписанием в 1907 г. серии русско-японских соглашений интерес к состоянию японских финансов только возрос. Возобновивший работу в стране в 1906 г. военный агент В.К. Самойлов фиксировал планомерную реализацию новых военных программ и проводимые в армии преобразования. В связи с этим, для оценки финансовых возможностей Японии по своевременному завершению этих программ и вступлению в новую войну, в страну был направлен агент министерства финансов в Китае Л.В. фон Гойер. Установлено, что он работал в тесной координации с В.К. Самойловым и имел доступ ко всей полученной им военной информации. В статье рассмотрена методика анализа им японского бюджета и финансовых документов. Сделан вывод о хорошем знании русским финансистом японской экономики, финансовой системы и общества. Высокое качество проведенного им анализа обусловило точность выводов. Констатировано, что два вывода Л.В. фон Гойера имели большое значение для оборонной политики России и подготовки империи к Первой мировой войне. Он доложил министру финансов и будущему премьер-министру В.Н. Коковцову, что утверждение о сокращении финансирования военных и военно-морских программ с высокой долей вероятности является ошибочным, однако до их завершения в 1914–1915 гг. Япония в новую войну не вступит. Эти данные позволили русскому военному и внешнеполитическому ведомствам сбалансировать оборонную политику империи на западных и восточных границах.

Ключевые слова: Япония, Дальний Восток, финансовая разведка, Л.В. фон Гойер, В.К. Самойлов, В.Н. Коковцов, Приамурский военный округ, Первая мировая война.

Автор: Авилов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (адрес: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авилов Р.С. Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.) // Японские исследования. 2021. № 1. С. 25–48. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)

R.S. Avilov

Abstract. This article is based on a large body of unpublished documents from the State Archive of Russian Federation (SARF). The author analyzes the history of the work of the Russian financial intelligence in Japan in 1909. The position concerning the impossibility for Japan to fight with Russia for the financial reasons was very popular in Russia before the Russo-Japanese War of 1904–1905, but was wrong. It caused the special interest in Russia to the Japanese financial system after the war. The conclusive series of Russo-Japanese agreements in 1907 just augment this interest. The Russian military attaché in Japan Colonel Vladimir K. Samoylov recommenced his service in Japan in 1906, and found in Japan a systematic realization of the postwar military program and reforms. Consequently, the Russian financial agent in China Lev W. von Goyer was delivered to Japan to investigate the possibilities of its realization in time and a Japanese capability to participate in new war. He worked in close coordination with Vladimir K. Samoylov and had access to whole his military information. The article explored how von Goyer investigated the Japanese budget and other financial documents. The analyses of his report gave a possibility to conclude his high level of knowledge about Japanese economy, financial system and society. The top quality of his researches determined the accuracy of the conclusions. Two of them had a great importance for the Russian defense policy and the Empire preparation to the World War I. He reported to the Minister of Finance and future Prime Minister Vladimir N. Kokovtsov, that the opinion of reduction funding the Japanese military and naval program is wrong with a high probability. However, Japan will not enter in a new war before it will be finished in 1914–1915. This information let Russian War Ministry and Ministry of Foreign Affairs to balance the defense policy of the Empire on west and east borders.

Keywords: Japan, Far East, financial intelligence, Lev V. von Goyer, Vladimir K. Samoylov, Vladimir N. Kokovtsov, Priamur Military District, World War I.

Author: Avilov Roman S., PhD (History), Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS (address: 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Avilov R.S. (2021). Opyt raboty russkoy finansovoy razvedki v Yaponii (po materialam poyezdki L.V. fon Goyera v 1909 g.) [The experience of the work of Russian financial intelligence in Japan (based on the materials of a visit of Lev V. von Goyer in 1909)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*. 2021, 1, 25–48. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-25-48

Постановка проблемы

Вступая в ночь с 26 на 27 января 1904 г. в Русско-японскую войну, в оценке финансов противника ошиблись обе страны: и Япония, и Россия. В Японии, даже в печатных изданиях общества *Кокурюкай*, указывалось, что «финансовое положение России печально», «далеко не удовлетворительно», и в целом «русские финансы шатки». Русская разведка об этом факте знала ещё в 1901 г.¹ В свою очередь русские военные аналитики оценивали японские

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 283 об.–284.

финансы не менее пессимистично: «В настоящее время экономическое положение Японии далеко не может быть признано блестящим. Правительство нуждается в деньгах, больших капиталов нет и у частных лиц. Если доселе бюджет Японии и обходился без большого дефицита, не смотря на громадные расходы, то только благодаря Китайской контрибуции и сделанному в прошлом году займу»². Из этого в русском Военном министерстве, а вслед за этим и в остальных верхних эшелонах власти, долгое время делался ошибочный вывод, что до восстановления финансовой стабильности империя Микадо воевать с Россией не сможет. При этом возможность эффективного ведения войны в кредит не рассматривалась обеими сторонами. Впоследствии России пришлось восстанавливать пошатнувшееся финансовое положение займом во Франции номинальной стоимостью в 2250 млн франков [Игнатьев А.В., 1989, с. 289; Коковцов В.Н., 2004, с. 125–144]. Япония же, как оказалось, тоже провела войну с Россией, в значительной степени на внешние заимствования, в том числе в банках США, причём только за время войны общее количество займов достигло 1 млрд 263 млн иен [Шулатов Я.А., 2008, с. 111–112], что стало для русского Министерства финансов неприятным сюрпризом.

Очевидно, что после столь серьёзной ошибки в России должны были весьма пристально следить за финансовым положением Японии, её бюджетной политикой, ходом финансирования военных и военно-морских программ. Однако ни одного специального исследования этой проблемы в отечественной, равно как и в зарубежной историографии, до сих пор нет. Ответ на этот вопрос не дают ни работы отечественных специалистов по истории русско-японских отношений [Кутаков Л.Н., 1988; Маринов В.А., 1974; Молодяков В.Э., 2005; Молодяков В.Э., 2012; Подалко П.Э., 2004; Саркисов К.О., 2015], ни исследования по истории русской разведки [Алексеев М.Ю., 1998], ни уж тем более работы зарубежных авторов, подавляющее большинство которых не имеет возможности систематически работать в российских архивах. Единственным исключением является работа Я.А. Шулатова, специально занимавшегося изучением «японской угрозы» глазами российских военных и дипломатов и эволюцией восприятия Японии военно-политической элитой России в 1905–1914 гг. Однако и он рассматривает вопросы сбора и анализа информации о Японии русским Министерством финансов только для периода 1904–1906 гг. (на основании донесений агента Министерства финансов в Шанхае Н.А. Распопова, а со второй половины 1906 г. – агента того же министерства в Японии Г.А. Виленкина), т.е. до получения Японией во Франции в 1907 г. крупного займа на 300 млн франков и заключения русско-японской общеполитической конвенции 17 (30) июля 1907 г. Для более позднего периода он анализирует лишь финансовые данные, собранные русским военно-морским агентом в Японии А.Н. Воскресенским за 1912–1914 гг. [Шулатов Я.А., 2008, с. 39–40, 111–114, 222–224, 232–233]. Несмотря на высочайший научный уровень этих работ, ни в одной из них имя Л.В. фон Гойера даже не упоминается. Таким образом, цель этой статьи – осветить итоги работы русской финансовой разведки на японском направлении к 1909 г., как имеющие большое значение для оценки военной политики Японии и понимания глубинных причин постепенной эволюции взглядов Петербурга на русско-японские отношения.

² ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 1. Л. 123–125.

Л.В. фон Гойер и трудности сбора финансовой информации

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. работа по сбору имевшей военное значение информации непосредственно на территории Японии была возобновлена в 1906 г., одновременно с возвращением в эту страну русского военного агента полковника В.К. Самойлова [Подалко П.Э., 2001, с. 78–79; Подалко П.Э., 2002, с. 366–367; Подалко П.Э., 2004, с. 84–85]. Параллельно продолжала функционировать и созданная А.И. Павловым в годы войны шанхайская агентура, японская часть которой к 1909 г. курировалась агентом русского министерства финансов в Китае³.

Несмотря на недостаточное финансирование, и периодически демонстрируемое центральным аппаратом Военного министерства полное непонимание специфики работы в Японии, В.К. Самойлов развил в стране достаточно бурную деятельность, снабжая Петербург ценными военными сведениями [Подалко П.Э., 2001, с. 73–109; Подалко П.Э., 2002, с. 366–387; Подалко П.Э., 2004, с. 84–115]. Особый интерес он проявлял к финансовой политике Японии, поскольку, во-первых, знал о предвоенной ошибке, а во-вторых, часть финансовой документации публиковалась в открытой печати, что позволяло делать определённые выводы о военной политике. Японцы об этом знали и проявляли чудеса изворотливости в вопросах публикации «цифровых данных», анализ которых требовал хорошей экономической подготовки. У русского военного агента такой подготовки не было.

Тем не менее, к 1909 г. даже В.К. Самойлову стало очевидно, что в вопросах бюджетной политики японцы ведут двойную бухгалтерию, но чтобы разобраться в её тонкостях, нужен был не генштабист, а финансист. Причём хорошо знавший страны Дальнего Востока, имевший опыт работы в регионе (в идеале – в Японии) и в разведке. Последнее предполагало умение анализировать неполные, противоречивые, и, с высокой долей вероятности, частично недостоверные данные таким образом, чтобы результат более-менее отражал реальное положение дел, а не сводился к набору сомнительных предположений, которые невозможно проверить. Таких людей в империи были единицы. Одним из них был Лев Викторович фон Гойер.

Биография этого человека разработана до крайности слабо, а энциклопедические справки о нём содержат большие хронологические лакуны и множество белых пятен. Он родился 27 января 1875 г. в Минске. В 1899 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1903 г. – состоял на службе в Министерстве финансов. Работал на разных должностях в Китае и Японии. В феврале 1911 г. назначен чиновником особых поручений Министерства финансов и представителем Русско-Азиатского банка в Китае, в 1916 г. – в Китае и Японии, в декабре 1918 г. – в Сибири и Средней Азии. Директор Шанхайского отделения и член правления Русско-Азиатского банка. С июля 1919 г. – член Государственного экономического совещания. С августа по ноябрь 1919 г. занимал должность министра финансов Омского правительства А.В. Колчака. Второй министр финансов в правительстве А.В. Колчака. После Гражданской войны жил в эмиграции в Шанхае, затем в Париже, где и скончался в 1939 г. [Алексеев М.Ю., Печкалов А.В., 2019, с. 243–244; Шишкин В.И., 2009, с. 394].

³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

Между тем к началу Русско-японской войны 1904–1905 гг. он уже успел поработать несколько лет в Японии вместе с Л.Ф. Давыдовым, во время войны, будучи титулярным советником, работал в шанхайской агентуре А.И. Павлова, где прекрасно себя зарекомендовал. Специалисты по истории разведки очень высоко оценивают его записку с описанием техники работы японской разведки в Шанхае. Тогда же он лично познакомился с Н.А. Распоповым [Павлов Д.Б., 2005, с. 53–72; Павлов Д.Б., 2004, с. 297–298, 300–357, 428–447]. В мае 1906 г. сохранившаяся после войны шанхайская агентура А.И. Павлова была передана под контроль Л.В. фон Гойера [Павлов Д.Б., 2004, с. 356–357], и управлялась им как минимум до 1909 г.⁴ В 1908–1910 гг. он был агентом Министерства финансов в Китае, где достаточно успешно занимался сбором разного рода сведений, далеко не только финансового характера, о Китае и Японии в интересах своего ведомства.

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. агент Министерства финансов Л.В. фон Гойер ездил в Японию как минимум дважды. Первый раз в августе 1908 г., однако об этом визите каких-либо сведений разыскать пока не удалось, а затем в апреле 1909 г. По итогам второго визита он написал подробнейший отчёт министру финансов Российской империи В.Н. Коковцову, датированный 28 мая 1909 г. Причин поездки было две. Во-первых, перед отъездом в разрешённый В.Н. Коковцовым отпуск он хотел встретиться с русским послом в Токио Н.А. Малевским-Малевиным, чтобы испросить указания относительно постановки работы японской части шанхайской агентуры во время его отсутствия и «для ликвидации таковой в случае временной приостановки её функций». Во-вторых, воспользоваться «своим пребыванием в Японии для проверки на месте ряда сведений, полученных с разных сторон за последнее полугодие, и для проведения на основании также и личных наблюдений общего итога всем материалам и данным, рисующим политическое, финансовое и военное положение Японии в настоящее время». Он оценивал эту страну как политически молодую, с высокой интенсивностью жизни и необычайно быстрым течением событий⁵.

Для анализа ситуации в Японии он использовал как собранные через собственную агентуру сведения, так и данные, предоставленные в его распоряжение В.К. Самойловым, с которым он встретился сразу по прибытии⁶. За время его визита в Японию была проведена серьёзная аналитическая работа по самому широкому спектру вопросов: инвестиционный климат, внешние займы, бюджетная политика, настроения масс и социальные прогнозы, военные программы и расходы, внешнеполитические задачи.

Социально-экономическая ситуация в Японии

В первую очередь Л.В. фон Гойер занялся оценкой социально-экономической ситуации в стране. Его общее впечатление сводилось к тому, что «всё население почти без различия классов удручено не прекращающимся экономическим кризисом и встревожено тем, что жизнь дорожает с каждым днём и средства к существованию не увеличиваются». Разговоры о торговом застое и безденежье он слышал почти повсеместно, что вполне соотносилось с имевшимися в его распоряжении данными. Японский экспорт всё ещё не мог восстановиться. Продолжался торгово-промышленный застой, вызванный отсутствием

⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5 об.

в стране свободных денег, а также взаимным недоверием торговых и промышленных кругов друг к другу. По мнению русского финансиста и то и другое было результатом неосторожных и отчасти дутых операций в эпоху последовавшего после войны всеобщего подъёма. «Деньги, занятые Правительством за границей во время войны и перешедшие в руки народа были зря проспекулированы, и следствием этого явилось ясно ныне обозначившееся чувство недоверия ко всяким новым торгово-промышленным планам и предприятиям. То обстоятельство, что даже чисто государственные фонды стоят лучше за последнее время, в сущности находит себе объяснение в том, что запуганный обыватель не доверяющий иным помещениям, предпочитает хранить свои деньги в верхних банках и получать по ним хотя бы и скромный процент, банки же, принуждённые уплачивать эти проценты и не имеющие возможности совершать выгодные и в то же время обеспеченные операции вследствие общего делового застоя, прибегают к покупке государственных бумаг»⁷. Страну продолжали сотрясать скандалы, такие как разоблачение злоупотреблений Общества токийских железных дорог, или случившееся незадолго до приезда Л.В. фон Гойера банкротство компании японских сахарных заводов.

С одной стороны, всё это в глазах общества было доказательством недобросовестности крупнейших японских предпринимателей и общественных деятелей, подкупности членов Парламента и явно не способствовало восстановлению несколько пошатнувшегося доверия общества к элитам. С другой – снижало инвестиционную привлекательность Японии в глазах иностранных предпринимателей, наглядно показывая, что пока ещё не настало время для вложения денег в японские торгово-промышленные предприятия, и что настанет оно лишь тогда, «когда коммерческая этика японцев поднимется до уровня европейских торговых стран, и когда коренным образом изменится их отношение к иностранцам, то и другое вероятно совершится, но скоро ли»⁸? Проживший много лет на востоке чиновник русского Министерства финансов отчётливо ощущал, что Япония ещё не могла отрешиться от наследия более чем полувекового прошлого – отношение к иностранцам оставалось враждебным и подозрительным. Иностранцы отвечали на это взаимностью.

При этом, с одной стороны, страна более чем когда-либо прежде испытывала потребность в приливе иностранных капиталов для дальнейшего развития промышленности и урегулирования расчётного баланса государства. С другой, рассчитывать на частные инвестиции крупных европейских и американских промышленников не приходилось. Русские специалисты отчётливо зафиксировали действия японских властей в этой ситуации. Ряд цифр и операций Л.В. фон Гойер знал точно. Пользуясь тем, что государственный кредит Японии в 1909 г. стоял сравнительно выше, чем в предыдущие годы (это объяснялось, главным образом, проведённым правящим кабинетом Кацура Таро мнимым упорядочением государственного хозяйства страны посредством сокращения в бюджете непроизводительных расходов), был совершён ряд иностранных займов. Однако сделаны они были не Министерством финансов, а местными городскими муниципалитетами, т.е. носили полуправительственный характер. Всего только три города заняли около 40 млн иен. В свою очередь Правительство, воспользовавшись удобным моментом на лондонском рынке, стало усиленно выводить бонды казначейства и реализовать их там. За предшествовавшие поездке

⁷ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об.

⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 1 об.–2.

Л.В. фон Гойера месяцы, бондов было вывезено на сумму более 20 млн иен. Параллельно с приведёнными займами было совершено и несколько внутренних займов на сумму около 20 млн, в чём многие усмотрели признак улучшения финансового состояния внутреннего рынка. Русский финансист в этом сильно сомневался, «ибо с одной стороны дают деньги банки, в которых, как выше было указано, иммобилизованы деньги не предприимчивых капиталистов, и дают они их в частности таким крупным и известным фирмам и предприятиям, как паровой фирме Осака Шозен Кайша, Хоккайдовской колонизационной компании, бумагопрядильным и ткацким заводам Фудзи и Ниссин, дают в размере около двух миллионов из семи, восьми процентов, что более всего указывает на стеснённое положение этих крупных фирм»⁹. Тем не менее, много лет следивший за положением дел в Китае Л.В. фон Гойер понимал, что рынки Поднебесной и Страны восходящего солнца сильно связаны, и раз дела пошли лучше в Китае, значит улучшение в скором времени можно ожидать и в Японии.

Ощутимо влияя на настроения в японском обществе, усталость страны от продолжительного кризиса играла России только на руку. «Последний, – отмечал фон Гойер, – впрочем, имел благоприятные результаты: не ему ли следует отчасти приписать то более мирное, и я сказал бы, более оседлое настроение, какое ныне ощущается среди населения. Ибо от внимательного наблюдателя не может ускользнуть такая разница в настроении масс, какая сказывается ныне в сравнении с тем, что было в пятилетие до войны и сейчас после окончания кампании. Насколько в то время чувствовалось, что всё внимание и все силы страны были обращены в сторону предстоящей неизбежной войны, что всё население, забыв остальные дела и заботы, сосредоточилось на мысли о роковой борьбе за существование, настолько теперь становится всё яснее, что народ стряхнул с себя кровавый кошмар войны и с чувством удовлетворённого самолюбия стал жить вновь жизнью нормальной, обывательской. Я не хочу этим сказать, что в стране не чувствовался бы больше дух милитаризма, нет, военные приготовления идут своим чередом, но это только милитаризм сверху, с пока дружелюбной пассивностью снизу»¹⁰.

В этом русский финансист видел принципиально новое и самое интересное явление последнего времени в Японии: «Правительство упорно и неукоснительно идёт по пути дальнейших вооружений и в целях политических тщательно скрывает это не только от иностранцев, но и от своего народа. Последний, быть может, под давлением тяжёлых экономических условий, явно проникся более мирным духом, и как будто желал бы, чтобы, покончив с эпохой лихорадочного напряжения, жизнь страны вошла в обыденные рамки. Это течение в народе настолько сильно, что большинство иностранцев, поддаваясь этому настроению, пришли к довольно ошибочному заключению “о миролюбивых планах Японии” и об окончании воинственной эры Империи. Правительство от своей политики не отказалось, оно не отказалось от намеченных задач...»¹¹. Вероятность того, что со временем это приведёт к изменению социальной структуры японского общества с постепенным переходом власти под контроль «внеклановой буржуазии», что будет иметь последствием упадок милитаризма и сближение Японии с Россией, существовала, но лишь как перспектива весьма отдалённого будущего. «Пока же будет существовать нынешний олигархический режим

⁹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 2–2 об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3.

¹¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3–3 об.

нельзя ожидать, чтобы Япония искренне протянула нам руку. Она будет продолжать свою “континентальную политику”, которая неминуемо приведёт к новому столкновению с Китаем и Россией. И Правительство ясно сознаёт это и потому так усердно вооружается, стараясь в то же время усыпить внимание иностранных держав»¹².

Военные расходы: проблема анализа

После заключения к 1907 г. серии русско-японских договоров [Кутаков Л.Н., 1988, с. 288–306; Молодяков В.Э., 2005, с. 121–133; Саркисов К.О., 2015, с. 336–375; Шулатов Я.А., 2008, с. 130–138] дискуссии в русской элите по проблеме усиления обороноспособности России на Дальнем Востоке были очень жёсткими. Военные, как и накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг., категорически не хотели конфликта с Японией, но и не желали снова оказаться к нему неготовыми, если вдруг Япония опять нападёт первой. Поступавшие от военной и военно-морской разведки данные свидетельствовали о планомерной реализации Страной восходящего солнца принятых сразу после войны военных и военно-морских программ¹³, что сильно напоминало ситуацию 1896–1903 гг. [Добычина Е.В., 2003, с. 54–56, 100–113, 156–179]. Дать убедительные разъяснения о целях усиления сухопутной армии Японии до заложенных в программе параметров русский МИД не мог. Для военных действий в Китае и противодействия угрозе со стороны США такое количество сухопутных войск считалось избыточным, и только отвлекавшим на своё формирование и содержание средства, которые могли бы быть пущены на развитие ВМФ. Одним из немногих аргументов в пользу миролюбия Японии был периодически мелькавший в делопроизводственных документах тезис о сокращении этой страной военных расходов в связи с плачевным финансовым состоянием [Шулатов Я.А., 2008, с. 111–114, 222–224].

Русский агент Министерства финансов в Китае был с этим тезисом категорически не согласен и разъяснял своему начальнику, министру В.Н. Коковцову: «Я доносил уже и ещё раз повторяю: Японское Правительство не только не отказалось от намеченного тотчас после последней войны грандиозного плана вооружений, цель которого состояла в том, чтобы удвоить количественно и качественно свои сухопутные силы и устроить морские в виду того, что имевшаяся армия оказалась недостаточной для того чтобы нанести России решительный удар, но даже продолжает, по мере того как обнаруживаются новые потребности, постепенно развивать и дополнять его»¹⁴.

Он аргументировано доказывал, что к такому выводу можно было прийти только от неумения работать с японской финансовой документацией, называл сокращение расходов «кажущимся» и объяснял его тремя причинами.

1. При составлении в 1906 г. программы вся тяжесть расходов должна была лечь на первые годы, с тем чтобы затем, по истечении 5–6 лет сократиться до 2–3 млн в год. Предусмотренные новые формирования, перевооружение и укрепления в основном должны были быть готовыми в 1911 г., т.е. в максимально короткий срок, а уже затем «приступили бы к отделке деталей». Поэтому вполне закономерно, что, истратив громадные суммы на вооружение в 1907–1909 гг., правительство, согласно выработанному плану и в соответствии

¹² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 3 об.–5.

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 118. Л. 78–86.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5.

с уже выполненными работами, «а вовсе не вследствие новых миролюбивых течений», имеет теперь возможность ассигновать менее крупные суммы на чрезвычайные военные издержки.

2. Из-за бюджетных проблем и ввиду «проявления крайнего миролюбия России», японское правительство действительно нашло возможным разложить некоторые менее важные расходы на большее число лет, не выходя при этом из рамок общего срока программы. С точки зрения готовности армии это вело лишь к тому, что меры, которые планировалось завершить к 1911 г., будут реализованы к 1913 г., но сроки реализации программы в целом от этого не изменятся.

3. Далеко не все, кто брался судить о финансовом положении Японии, имели реальное представление об особенностях её бюджетной политики, сильно отличавшейся от норм, принятых в европейских странах, поскольку в стране не было даже единого бюджета в западном понимании этого слова. «В Японии существует, кроме общеизвестного бюджета обыкновенных и чрезвычайных расходов ещё ряд дополнительных бюджетов, подробный отчёт которых не публикуется, и о которых лишь вкратце упоминается, что “расход покрывается приходом” и вот во многих случаях из этих бюджетов черпают то, что сокращается в общей росписи, так например, достаточно сказать, что в общем бюджете текущего года фигурируют следующие цифры военных издержек обыкновенных – 72 миллиона, чрезвычайных 15 миллионов, иначе говоря всего 87 миллионов иен, а истрачено в действительности было согласно мнению всех военных агентов [в] Японии – 147 миллионов»¹⁵. Таким образом, чтобы разобраться в финансовой политике государства, Л.В. фон Гойеру требовалось скрупулезно проанализировать все бюджеты, а не только государственную роспись доходов и расходов.

Последняя была сбалансирована в 1909 г. в сумме 516 млн против 554 млн расходов и 583 млн доходов 1908 г. Поверхностное знакомство с общими росписями на 1909 и 1908 гг. показало, что из документа на 1909 г. был исключён бюджет железных дорог, который год назад там ещё был. Поэтому при сравнительном анализе двух документов фон Гойер выделил его, для большей наглядности, и из бюджета 1908 г. По базовым цифрам получалось, что на 1909 г. обыкновенные расходы сократили на 38 млн, однако это было не так, поскольку помимо этих 516 млн (401 – обыкновенных и 115 – чрезвычайных) в 1909 г. расходовались ещё 11 911 021 иен, отложенных с прошлого года по невыполненной программе 14 103 000 иен «отложенных длительных расходов». Пополнялись они из остатка с предшествующего года в размере 25 914 000 иен. Следовательно весь бюджет 1909 г., помимо дополнительных особых бюджетов, достигал 542 млн расходов в сравнении с 554 млн прошлого года, что составляло всего на 12 млн меньше.

Наибольший интерес представляли именно чрезвычайные расходы, так как большинство их шло на сухопутные и морские вооружения. При сопоставлении этих показателей за 2 года оказалось, что в 1909 г. они составили 115 млн, а в 1908 г. – 159 млн, из чего напрашивалось заключение о сокращении таких расходов сразу на 44 млн. «Это однако то же было бы ошибочно, ибо чрезвычайные расходы заключаются почти исключительно из программных расходов, которые Правительство видоизменяет, откладывает и развёрстывает на большее число лет, но от которых оно отнюдь не отказывается, а также отчасти из расходов, которые Правительство легко может перевести в один из дополнительных или

¹⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5–5 об.

специальных бюджетов без того, чтобы это бросалось в глаза. В Японии нет единства кассы – вот что так затрудняет контролирование государственных расходов и что так облегчает Правительству мистификацию как иностранцев, так и самого народа», – мрачно констатировал Л.В. фон Гойер¹⁶. Значит, пропавшие миллионы нужно было искать где-то в другом месте.

Он принялся анализировать всю известную к этому времени русской разведке документацию по финансированию японской послевоенной программы усиления армии и флота¹⁷, двух её видоизменений и знакомиться с некоторыми из «запутанных специальных бюджетов». В целом картина получалась следующая. После окончания войны, в 1906 г. Правительство, приняло программу предстоящих чрезвычайных расходов на разные нужды общей суммой в 543 438 238 иен, к которой были прибавлены ещё старые невыполненные работы на сумму в 108 429 153 иен. Вся полученная таким образом сумма в 651 867 391 иен была распределена на 15 лет. Затем, израсходовав в течение первых двух лет без малого половину этой суммы на важнейшие нужды, Правительство, с одной стороны, нашло возможным дважды изменить эту программу «в смысле более равного распределения оставшейся суммы на предстоящие 12 лет», а также «в виду обнаружившихся новых нужд, нашло нужным увеличить программу» на 10 463 012 иен в 1908 г. и на 10 744 846 в 1909 г. (табл. 1, 2 и 3). «Поэтому, – заключал русский финансист, – несмотря на установившееся почти во всем мире, благодаря контролируемой японцами печати, мнение о сокращении программы расходов, пока следует говорить лишь об увеличении программы расходов на 21 миллион и о более равномерном распределении их на тот же 15 летний срок»¹⁸.

Таблица 1. Первоначальная программа 1906 г.

Год	Новые расходы	Старые невыполненные	Итог
1907	88 322 400	25 140 539	113 763 939
1908	88 377 035	21 318 025	109 695 060
1909	86 554 938	16 995 555	103 450 488
1910	76 445 551	14 990 093	90 435 644
1911	68 884 440	13 475 008	82 359 448
1912	55 416 249	11 430 916	66 847 165
1913	45 559 787	55 072 915	50 632 732
1914	6 459 201	–	6 459 201
1915	6 120 236	–	6 120 236
1916	6 963 864	–	6 963 864
1917	5 635 028	–	5 635 028
1918	2 562 119	–	2 562 119
1919	2 592 119	–	2 592 119
1920	2 329 788	–	2 329 788
1921	1 983 788	–	1 983 788
Всего:	543 438 338	108 429 053	651 897 397

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6 об.–7.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 5 об.–6.

¹⁷ В документах Министерства финансов, реже – Военного министерства именуется «пост беллум-программа».

¹⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6–6 об.

Таблица 2. Первая изменённая программа 1908 г.

Год	Видоизменённая	Новые 10 млн	Итог
1907	Исполнено	–	–
1908	97 445 354	2 802 354	100 247 708
1909	73 312 931	2 653 766	75 966 697
1910	58 731 683	1 371 259	60 102 942
1911	83 922 688	926 179	84 848 867
1912	66 477 218	761 999	67 239 227
1913	56 382 757	647 879	57 030 636
1914	45 158 915	647 876	45 804 794
1915	32 271 799	–	32 271 799
1916	5 405 657	–	5 405 657
1917	5 027 621	–	5 027 621
1918	1 983 921	–	1 983 921
1919	1 983 921	–	1 983 921
1920	то же самое	–	”
1921	то же самое	–	”
Всего:	530 967 612	10 463 612	541 436 592

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 7.

Таблица 3. Вторая изменённая программа 1909 г.

Год	Видоизменённая	Новые 10 млн	Итог
1907	Исполнено	–	–
1908	Исполнено	–	–
1909	61 542 769	1 970 418	62 513 187
1910	51 114 904	1 175 041	52 289 945
1911	55 404 144	1 609 938	57 014 082
1912	51 957 880	2 276 770	54 234 650
1913	48 238 858	475 772	48 714 628
1914	46 250 397	396 745	46 647 142
1915	53 945 297	369 817	54 315 114
1916	27 570 782	458 496	28 029 278
1917	13 754 041	458 496	13 754 041
1918	10 661 706	458 496	11 120 212
1919	10 548 440	497 873	11 048 313
1920	1 983 912	597 014	2 580 926
1921	1 638 912	–	1 638 912
Всего:	434 148 545	10 744 876	444 893 421

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 7 об.

Анализ всех трёх программ по имевшимся к 1909 г. данным показывал, что итоги второй и третьей программы меньше первой, так как в них уже исполнены: в первой – мероприятия, запланированные на 1907 г., а в последней – ещё и на 1908 г. Сама же программа увеличена на 21 208 488 иен, и должна была быть закончена к тому же 1921 г., только сметы более равномерно распределены по бюджетным годам.

Для дальнейшего выяснения вопроса о японских вооружениях Л.В. фон Гойер подготовил 3 сравнительные таблицы: одну – показывающую, какая часть расходов «пост-беллум программы» была предназначена непосредственно на военные нужды, а две другие – сравнительные таблицы первоначальной и изменённой программы военного и морского ведомств (табл. 4, 5, 6)¹⁹.

Таблица 4. Сравнение всей программы с расходами на военные и морские нужды²⁰

Год	Вся сумма	Военные и морские нужды
1909	63 513 187	50 839 368
1910	52 289 945	39 093 654
1911	57 014 082	44 257 802
1912	54 234 650	44 076 928
1913	48 714 628	33 036 281
1914	46 647 142	37 118 057
1915	54 315 114	44 312 950
1916	28 029 278	21 265 600
1917	13 754 041	9 327 370
1918	11 120 212	6 961 838
1919	11 048 313	6 894 776
1920	2 580 926	Окончена
1921	1 633 912	–
Всего:	444 893 421	337 684 452

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8.

Таблица 5. Сравнительная таблица первоначальной и изменённой программы военного ведомства

Год	Основная	Изменения 1908 г.	Изменения 1909 г.	Итог изменения	Изменения программы
1907	38 433 439	–	–	–	–
1908	39 198 008	3 182 991	–	–	36 016 017
1909	36 382 245	14 800 000	7 907 572	22 707 572	13 974 673
1910	24 833 761	19 900 000	602 509	20 592 509	4 241 252
1911	18 522 474	13 600 000	17 963 633	4 363 653	14 158 821
1912	5 066 884	10 000 000	4 966 888	5 038 112	10 104 996
1913	2 202 136	8 945 579	128 846	9 074 425	11 276 561
1914	1 967 093	5 054 431	365 763	4 688 653	7 655 746
1915	1 923 128	272 991	4 386 915	4 669 906	6 593 034
1916	1 916 481	–	6 645 582	–	8 562 063
1917	2 710 345	–	6 617 041	–	9 327 390
1918	–	–	6 861 838	–	6 861 938
1919	–	–	6 894 776	–	6 894 776

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8–8 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 6 об.–7 об.

²⁰ Сюда следовало бы прибавить для полноты картины 85 095 734 иены, израсходованные на те же цели в 1907 г. из общей суммы в 113 768 939 иен, и 79 792 017 иен из суммы в 100 247 708 иен в 1908 г.

Таблица 6. Сравнительная таблица первоначальной и изменённой программы морского ведомства

Год	Основная	Изменения 1908 г.	Изменения 1909 г.	Итог изменения	Изменения программы
1907	46 662 295	—	—	—	—
1908	48 744 536	4 967 971	—	—	43 776 565
1909	48 808 084	11 383 389	1 250 000	12 633 389	36 164 695
1910	48 192 104	9 373 300	2 866 602	12 239 902	35 852 202
1911	49 272 239	11 953 133	7 220 115	19 173 248	30 098 981
1912	52 320 140	11 244 969	7 103 239	18 463 084	33 931 932
1913	35 939 586	4 812 496	9 366 370	14 179 876	21 759 720
1914	—	28 954 900	1 507 406	30 462 306	30 462 306
1915	—	23 780 248	13 449 666	38 229 924	38 229 924
1916	—	—	12 703 577	—	12 703 577

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8 об.

Изучив финансовую составляющую программ и их изменений, он сделал следующие выводы:

1. «Изменение размеров программы пока выражается только в ежегодном увеличении её приблизительно на десять миллионов иен».

2. Более равномерное распределение расходов отразится на военных приготовлениях в том смысле, что флот будет готов на три года позже, чем первоначально предполагалось, т.е. не в 1913 г., а в 1916 г., а армия – на два года позже – в 1919 г., а не в 1917 г. При этом он подчёркивал, что по мнению специалистов, т.е. В.К. Самойлова, «существенные части армии будут готовы к 1913–14 г. (ранее предполагалось к 1911), а потом предстоит лишь отделка менее важных деталей».

3. «Из сопоставления этих программ и их видоизменений с специальными бюджетами, можно заключить, что часто то, что откладывается по общему бюджету, выполняется по дополнительному»²¹.

А значит без знакомства с японскими специальными бюджетами, а также «с курьёзной перетасовкой расходов по разным ведомствам» обойтись было невозможно. Таких бюджетов было сравнительно много, но для получения важнейших данных хватало и изучения основных, к которым относились: «Бюджет железных дорог, выделенный в прошлом году, Формоза, Квантун, Сахалин, Концессия в Китае, затем Монетный двор, Сберегательные кассы, университеты, лесоводство, сталелитейный завод Вакамацу, военные и морские арсеналы». Доходы в них в теории должны были балансироваться, а дефициты покрываться особыми займами. Русская разведка знала, что по этим специальным бюджетам тоже была составлена особая «пост-беллум программа», в сумме – 133 758 729 иен, исполнение которой также рассчитано на 15 лет. Таким образом, вся предстоящая программа в комплексе исчислялась в сумме 578 652 160 иен.

Работа с этими документами была на порядок сложнее, чем с основным бюджетом. Во многих случаях Л.В. фон Гойеру приходилось проявлять чудеса финансовой грамотности,

²¹ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 8 об.–9.

чтобы хотя бы разобраться, откуда берутся деньги и куда они исчезают. Огромную роль здесь сыграла и эрудиция В.К. Самойлова, прекрасно изучившего к этому времени японские военные реалии. В этом отношении показательна история с бюджетом арсеналов. «В официальном отчёте сказано: Арсенал в Токио, доход 18 620 000; расход 18 505 000. Арсенал в Осаке: доход 13 838 000, расход 13 228 000 иен. Какие же могут быть доходы? Всем известно, что арсеналы эти работают днём и ночью для исполнения заказов военного ведомства и частных работ не исполняют почти никаких. Морские арсеналы действительно окупают до известной степени свои расходы благодаря частному судостроению, что же касается военных арсеналов, то по сведениям нашего военного агента, они за весь год исполнили лишь несколько ничтожных заказов, как-то выделку железных решёток и тому подобные изделия, суммой на несколько сот тысяч иен. Частные заказы, вероятно, и дали тот излишек доходов над расходами, т.е. 725 000 иен; остальные 32 миллиона были взяты из кассы военного ведомства, но не показаны по общему бюджету»²².

В итоге удалось разобраться, что бюджет крайне запутывался «вследствие отнесения некоторых расходов в графу несоответствующего ведомства», причём делалось это явно намеренно. И тогда Л.В. фон Гойер, работавший в аппарате русского Министерства финансов в Маньчжурии ещё при С.Ю. Витте (имело собственные железные дороги, войска и т.д.), и В.К. Самойлов принялись собирать бюджет военного ведомства по всем доступным им статьям и бюджетам. В общем бюджете, «составленном для публики», фигурировали лишь 72 млн обыкновенных и 15 млн чрезвычайных расходов. Восстановленная же ими действительная смета выглядела следующим образом: 72 291 842 иен – обыкновенные расходы, 15 440 223 – чрезвычайные расходы, 36 978 824 – арсеналы и суконная фабрика Сендзю (по отдельному бюджету), 11 911 034 – отложенные с 1908 г. по невыполненной программе (покрывались из остатков прошлого года), 7 286 800 – по отдельному бюджету из сметы будущего года, 3 630 000 – на содержание войсковых команд в Корее (показано в смете Министерства финансов). Всего получилось 147 538 013 иен, а не 87 млн, как явствовало из общего бюджета, т.е. почти в 2 раза больше. В представленном министру финансов В.Н. Коковцову отчёте было указано, что «эта цифра совершенно достоверна». Столь категоричные утверждения встречаются в документах, связанных с работой русской разведки на Дальнем Востоке, до крайности редко, что говорит об абсолютной уверенности двух аналитиков в точности проведённых расчётов. Как сотрудника Министерства финансов, Л.В. фон Гойера смущало только то, что цифра получилась не круглая. Поэтому он указал, что вероятно к ней следует прибавить стоимость содержания 6 батальонов охранной стражи в Маньчжурии – ещё 1 668 710 иен, «которые хотя и показаны в общей смете Военного Министерства, всё же вероятно, согласно первоначальному условию, возмещается ему Южно-Маньчжурской дорогой и мы тогда получим круглую сумму в полтора миллиона расходованных в текущем году на нужды армии».

Получалось, что за войска в Корее платит Министерство финансов, а за войска в Маньчжурии – дорога. В бюджет Морского министерства почему-то не был внесён дефицит сталелитейного казённого завода Вакамацу, работающего на него, а дефицит этот в сумме 1 800 000 иен отыскан в смете Министерства земледелия и торговли. «Одним словом суммы, касающиеся исключительно Военного и Морского ведомств заносятся в сметы

²² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 9.

других Министерств. Кроме того существует ряд специальных бюджетов и наконец прибегают к дополнительным расходам якобы из сбережений предыдущего года и ещё захватывают вперёд кредиты предстоящих лет. Такими жонглированиями настолько запутывается бюджет, что сбита с толку публика начинает действительно верить в сокращение расходов и направление их в сторону культурного производительных целей»²³.

Несколько «курьёзных совпадений» Л.В. фон Гойер описал для своего начальника достаточно подробно. Согласно последней изменённой программе (табл. 5) в 1909 г. «всего отложено военных расходов на 22 707 572 иен; не странно ли это совпадение, что не фигурирующие в общем бюджете Военного Министерства и израсходованные помимо него, как видно из приведённого выше полного военного бюджета, 11 900 000 плюс 7 200 000 плюс 3 600 000 иен составляют как раз 22 700 000 иен. Не значит ли это, что они только для вида отложены, а в действительности израсходованы, не значит ли это даже, что программа на соответствующую сумму увеличена, так как, когда согласно развёрстке наступит время их израсходования, Военное Ведомство едва ли откажется от своих кредитов»? Не менее показательным был и другой пример. В подробной смете отложенных расходов Военного министерства фигурировала цифра – 900 000 иен на покупку земли под казармы. Из чего можно было заключить, что постройка казарм до отпуска этих денег откладывается. На деле же казармы уже строились, а вот земля под ними была приобретена с платежом в рассрочку. «Таким образом, – заключал Л.В. фон Гойер, – я утверждаю, что Военное Ведомство никаких расходов не сократило, ни от каких расходов не отказалось – в крайнем случае отложило готовность армии на два года, и что это ещё под большим сомнением»²⁴.

Источники военных расходов и гипотеза о тайном фонде

Скрупулёзное изучение военных расходов Японии позволило фон Гойеру сделать ещё один немаловажный вывод – на осуществление не покрываемых общим бюджетом военных расходов требовался особый негласный источник дохода. Например, в подробной смете Военного министерства, занимающей несколько страниц, была проставлена чуть ли не каждая пуговица на солдатском мундире, но вовсе не упоминалось о постройке крепости в Гензане, о постройке складов и казарм на северо-востоке Кореи, о работах в порте Чончжин. «На какие же средства производятся эта грандиозные вооружения? На какие средства финансируются и субсидируются плеяды японских негласных агентов в Китае, всей Восточной Азии и даже в Европе?» – резонно ставил вопрос русский финансовый агент в Китае²⁵. Тот факт, что откуда-то поступают секретные средства, был совершенно очевиден. Оставалось только найти, откуда.

Чтобы получить ответ, ему снова пришлось углубиться в исследование общей картины японских финансов, только на этот раз с упором не на расходные статьи, а на доходные. В России знали, что до 1908 г. средства на различные экстраординарные расходы черпались из особого военного фонда, который на основании особых императорских указов был открыт 1 октября 1903 г. и закрыт 1 апреля 1907 г., а всего разрешён в сумме 1 746 421 841 иен. Из

²³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 9 об.–10.

²⁴ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10.

²⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10–10 об.

них израсходовано было до его закрытия 1 508 472 838 иен, 100 млн изъято на покрытие дефицита 1907 г. и ещё 137 млн осталось.

На следующее десятилетие Министерство финансов составило план государственной росписи доходов и расходов, т.е. бюджетную программу, на основании которой актив и пассив должны были сбалансироваться без дефицита (табл. 7, 8). За весь 11-летний период превышение доходов над расходами должно было составить сумму в 154 981 889 иен, которую предполагалось израсходовать по особой программе, составляющей как бы особый бюджет (табл. 9). Таким образом, ещё оставались неизрасходованными 61 500 843 иен, которые предполагалось использовать на покрытие непредвиденных расходов, которые могли возникнуть в течение этого десятилетия²⁶.

Таблица 7. Бюджетная программа на 1909–1919 гг.

Доходы			
Год	Обыкновенные	Чрезвычайные	Всего
1909	470 667 970	34 777 830	505 445 800
1910	471 826 739	24 654 565	496 481 304
1911	480 661 681	25 213 452	505 880 133
1912	485 643 917	24 854 815	510 498 732
1913	485 744 417	24 419 662	510 164 079
1914	485 744 417	23 223 467	508 972 884
1915	485 744 917	22 523 447	508 167 864
1916	485 743 626	22 171 067	507 914 693
1917	485 739 072	21 084 491	506 823 563
1918	485 739 072	21 003 491	506 742 563
1919	485 739 072	20 998 401	506 737 473
Расходы			
1909	400 912 102	115 288 693	516 200 795
1910	408 832 777	94 352 853	503 185 630
1911	411 926 909	96 282 446	508 209 355
1912	410 452 247	86 910 410	497 362 657
1913	412 103 257	81 760 789	493 864 048
1914	412 764 371	87 289 248	500 153 619
1915	415 082 732	93 849 452	508 932 134
1916	416 592 390	66 470 670	483 063 060
1917	417 993 560	52 353 569	470 347 129
1918	418 783 864	49 692 480	468 476 354
1919	419 556 992	49 595 328	469 152 320

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10 об.–11.

²⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 10 об.–11 об.

Таблица 8. Разница между доходами и расходами по бюджетной программе на 1909–1919 гг.

1909	10 754 995	1915	664 370
1910	6 704 326	1916	24 851 633
1911	2 329 222	1917	36 476 454
1912	13 136 075	1918	38 266 209
1913	16 300 033	1919	37 585 753
1914	5 819 265	—	—

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11.

Таблица 9. Программа расходования части суммы превышения доходов над расходами, полученной по бюджетной программе на 1909–1919 гг.

Год	Отложенные длительные	Чрезвычайные	Всего
1909	14 103 803	11 911 024	25 014 827
1910	6 890 943	7 504 188	14 395 121
1911	5 785 000	1 650 000	7 435 000
1912	2 415 000	3 981 983	6 396 983
1913	635 000	—	635 000
1914	650 000	3 000 000	3 650 000
1915	100 000	5 257 009	5 357 009
1916	—	7 399 274	7 399 274
1917	—	то же самое	то же самое
1918	—	”	”
1919	—	”	”
Всего:	30 579 746	62 901 300	93 481 046

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11 об.

В общем план получался достаточно стройный, но не без странностей. Повышение обыкновенных доходов с 438 до 470 млн объяснялось новыми поступлениями с табачной монополии и с сакэ, дальнейшее возрастание после 1912 г. – пересмотром в этом году таможенных договоров с иностранными державами; чрезвычайные доходы в размере около 20 млн также представлялись нормальными. Однако всё это не объясняло источника специальных и секретных расходов.

«Точных и вполне достоверных указаний, – отмечал Л.В. фон Гойер, – и быть не может, ибо это дело секретное, но можно делать более или менее хорошо обоснованные предположения. К числу таковых принадлежит мнение, разделяемое некоторыми компетентными иностранными агентами, будто Правительство постоянно показывает доходы в несколько уменьшенном размере, а разницу тратит на секретные нужды»²⁷. В связи с этим его очень заинтересовала статья, появившаяся в марте 1909 г. «в серьёзном финансово-экономическом журнале “Июкохама Бозэки”, в которой подробно исчисляется остаток, остававшийся каждый год за последние 18 лет, приводится то что из него израсходовано и что должно было остаться». Остатки приводились от всех доходов, включая займы и военный фонд (табл. 10).

²⁷ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 11 об.

Таблица 10. Ежегодный бюджетный остаток и непредвиденные расходы за 1890–1908 гг.

Год	Остаток	Расходы непредвиденные
1890	24 343 950	–
1891	19 675 597	197 716
1892	24 727 171	–
1893	5 748 422	6 001 686
1894	20 041 385	2 252 310
1895	33 115 541	719 217
1896	18 162 914	2
1897	2 711 278	5 252 645
1898	296 558	1 723 418
1899	88 956	–
1900	3 104 809	748 165
1901	7 502 224	–
1902	8 114 693	3 465 908
1903	10 624 626	5 868 949
1904	50 411 253	11 251 720
1905	57 160 585	36 254 931
1906	65 975 497	9 474 950
1907	254 680 133	6 976 056
1908	–	5 366 787
Всего:	606 485 622	95 553 597

Источник: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 12.

Разница между бюджетными остатками и непредвиденными расходами получалась в 510 932 025 иен. 100 млн из них были взяты на покрытие бюджетного дефицита 1907 г., 137 млн осталось от военного фонда (по данным из французских источников 65 млн – наличными и 72 млн – в разрешённых, но ещё не выпущенных займах).

Ответа на вопрос, где же остальные 273 млн, ни документы, имевшиеся в распоряжении русского агента Министерства финансов в Китае, ни В.К. Самойлов, ни французские союзники дать не могли. Основываясь на косвенных данных, Л.В. фон Гойер предположил, что деньги эти составляют тот золотой фонд, который Правительство держит в Лондоне. Сомнений в самом наличии фонда у него не было, поскольку слухи об этом ходили давно, а в 1908 г. товарищ министра финансов Японии, в ответ на прямой запрос оппозиции, не стал оспаривать факт существования фонда (сведения об этом просочились в прессу). Размеры его неоднократно определялись в сумме от 200 до 300 млн иен, поэтому цифра 250–270 млн воспринималась русским финансистом как недалёкая от истины. «Вот из этого-то фонда, – докладывал он В.Н. Коковцову, – а также из сумм, проистекающих от излишка действительных доходов над показываемыми, Японское Правительство черпает необходимые на покрытие расходов по негласным сметам и в частности деньги на производство разных работ и сооружений с целью усиления своей военной мощи, которые оно желает сохранить в секрете. И результат получился тот, что весь мир проникся идеей о японских миролюбивых планах и намерениях, и о серьёзном стремлении её привести в порядок своё финансовое хозяйство; от этого поднялся её кредит и в то же время усыплено было внимание держав, а Япония между тем уже в полтора раза сильнее чем была в прошлую кампанию и будет

в два раза сильнее по истечении пяти лет. Она тогда будет фактическим хозяином Дальнего Востока и можно ли предположить, что она удовольствуется абстрактным сознанием своего превосходства. Можно ли ожидать, что имея тогда возможность диктовать свои условия, она будет спокойно выжидать пока мы заселим и укрепим ныне беззащитную дальневосточную окраину?»²⁸

Против кого вооружается Япония?

В отличие от своего начальника, министра финансов В.Н. Коковцова, побывавшего на Дальнем Востоке в том же 1909 г. и считавшего, что с опасениями местных властей и населения об угрозе со стороны Японии нужно бороться²⁹ [Авилов Р.С., 2016, с. 38–47; Авиллов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2016, ч. III, с. 27–35], Л.В. фон Гойер полагал, что такая угроза действительно существует. Совместная работа с В.К. Самойловым, талантливым офицером Генерального Штаба, прекрасным военным аналитиком и, кстати, большим ценителем Японии, лишь укрепила его убеждения. Вместе они в деталях разобрали уже проведённые Страной восходящего солнца в рамках послевоенной программы меры по усилению армии и военно-морского флота. Проанализировали численный состав войск, вооружение, стратегическое положение страны на континенте и состав военно-морского флота³⁰. Все эти данные легли в обобщённом виде на стол будущему (с 1911 г.) премьер-министру В.Н. Коковцову. То, что Япония была уже в полтора раза сильнее, чем накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. и будет в два раза сильнее в 1913–1914 гг., было очевидно.

«Итак Япония, несмотря на скудное финансовое положение, продолжает вооружаться с неослабной энергией и делает всё возможное для того, чтобы в ближайшем будущем иметь сильнейшую армию и грозный флот. Против кого же направлены эти вооружения? Для того чтобы защититься от совершенно невероятного нападения со стороны Англии, Германии, Франции, Америки, Австрии такая сухопутная армия была не нужна – в крайнем случае нужен флот, который у Японии был и продолжал строиться. Нападать на эти страны Япония также не собиралась и не могла, вследствие географических условий; «для нападения же на их колонии Филиппины, Индо-Китай, Киау-чау и десятой части имеющейся армии довольно». Из этого делался вывод, что объектом применения японских вооружений может быть только Россия или Китай. Однако для войны с Китаем осадный парк с суммарной численностью в 1000 орудий³¹ (по данным русской военной разведки в Японии их предполагалось иметь к концу 1914 г.) был не нужен – таких крепостей там просто не было³². Не нужен он был и для операций против европейских или американских колоний на Тихом океане, тоже не имевших крепостей с мощным сухопутным фронтом. Единственной крепостью в зоне досягаемости японской армии и флота, обладавшей не только серьёзной

²⁸ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 12–12 об.

²⁹ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 35–36, 41 об.

³⁰ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 13–14.

³¹ В сохранившейся в ГА РФ машинописной копии отчета Л.В. фон Гойера указано 2000 орудий [ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 15], что является явной опечаткой. В 1910–1914 гг. в документах центрального аппарата Военного министерства и штаба Приамурского военного округа стабильно фигурирует цифра около 1000 осадных орудий. См., напр.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 220. Л. 45.

³² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 14 об.–15.

береговой обороной, но и значительным сухопутным фронтом, взятие которой требовало от противника продолжительной осады с применением тяжёлой артиллерии, был Владивосток. Построенные там накануне и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. береговые и сухопутные укрепления заметно превосходили по силе Порт-Артурские [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2013, ч. I, с. 122–281], с которыми японцам пришлось возиться 328 дней, сняв для этого 11-дюймовые (280 мм) гаубицы с береговых батарей г. Осака [Kirchner, p. 88–101]. Вряд ли является совпадением, что в первой половине того же 1909 г. японский посол в Петербурге Мотоно Итиро упорно отговаривал Николая II от строительства новых оборонительных сооружений во Владивостоке, демонстрируя фантастическую осведомленность о состоянии крепости и текущих работ по её усилению и, указывая, что «государь имеет полную возможность вовсе не строить укрепления, поскольку Япония и не помышляет о каких бы то ни было действиях» [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2014, ч. II, с. 101; Коковцов В.Н., 2004, с. 324–327]! Эффект, правда, оказался прямо противоположный – Владивосток за 1910–1914 гг. превратился из «брата Порт-Артура» в одну из сильнейших приморских крепостей мира с мощнейшим сухопутным обводом [Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., 2014, ч. II, с. 101–297; ч. III, с. 233–497].

Не остался незамеченным Л.В. фон Гойером и В.К. Самойловым и процесс замены в японских дивизиях горных орудий полевыми, который указывал на приспособление армии к будущему театру военных действий – Северной Маньчжурии, а также на уверенность в успехе наступательной кампании, с перенесением сферы действий в русскую зону. Это было очевидно, поскольку для ведения боевых действий в Южной Маньчжурии и Корее нужны были не полевые, а наоборот горные орудия³³. При этом накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые предполагалось вести на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии, в Японии, в отличие от России, наблюдался обратный процесс: в армии активно развивали в первую очередь именно горную артиллерию. Тогда эта информация была своевременно доставлена военной разведкой, но интереса у военного министра А.Н. Куропаткина не вызвала³⁴.

Все эти данные наглядно свидетельствовали, что даже если японские политики и не рассматривают более Россию в качестве основного и наиболее вероятного противника Японии в регионе, то военные круги однозначно продолжают готовить армию к войне именно с Россией. Это значило, что угроза военного конфликта между странами всё ещё не исчезла. Оставался лишь вопрос: когда он возможен и при каких обстоятельствах? И тогда Л.В. фон Гойер, на основе всех имевшихся в его распоряжении финансовых и военных документов, а также многолетнего опыта аналитической работы в регионе, делает два вывода:

1. «Из всего сказанного, а также из общего настроения масс в Японии можно заключить, что нам не угрожает немедленная опасность войны. Японскому характеру свойственна аккуратность, щепетильность и некоторая доля педантизма. Он должен в точности выполнить намеченное, выработанное. К 1914 году страна будет совсем готова и к тому времени вероятно Правительство заговорит. Разумеется обстоятельства могут сложиться так, что Япония возвысит свой голос и раньше; блестящую оказию из-за педантизма

³³ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 15.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 271. Карт. 11. Ед. хр. 1. Л. 77–79, 174.

она не пропустит – но я имею в виду нормальный ход событий»³⁵. Иными словами, он категорически утверждал, что до 1914 г. Япония на Россию точно не нападёт, если русские политики опять не наделают роковых ошибок.

2. Отвечая на вопрос, какими мерами России следует реагировать на военные приготовления Японии и складывающуюся на Дальнем Востоке внешнеполитическую ситуацию, он писал: «Мне кажется на это можно дать два ответа. Первый: надо быть сильным на Востоке, противопоставив японским вооружениям свои вооружения. Япония слишком осторожна, чтобы пускаться в рискованные авантюры и ставить на карту своё существование; она идёт только наперёд. Не надо только вводить её в искушение. Естественное то, чтобы Япония в преследовании своей экспансивной политики шла в сторону наименьшего сопротивления, если бы Россия стала грозной военной Державой на Востоке, то быть может ещё наступательное движение Японии могло бы быть отвлечено в иную сторону, быть может этим удалось бы направить японскую энергию в другое русло»³⁶.

Первый вывод имел огромное значение для подготовки Российской империи к «большой Европейской войне». Второй – вообще оказался пророческим, точно определив характер отношений между двумя странами до 1945 г. Оба вместе – формулировали общую концепцию, как вести оборонную политику в регионе, чтобы российский Дальний Восток по-прежнему оставался российским, а не стал внезапно японским.

Выводы

Дальнейший ход русско-японских отношений и характер подготовки России к Первой мировой войне и возможной новой войне на Дальнем Востоке показал, что эти советы не остались без внимания. Основные силы империи были брошены на укрепление оборонного потенциала на западных границах, однако и на Дальнем Востоке была выстроена могучая Владивостокская крепость, на постоянной основе находилась группировка войск, минимально достаточная для удержания важнейших пунктов региона до подхода подкреплений из Сибири, а при необходимости – и Европейской России. Таким образом, регион не оттягивал на свою оборону избыточные финансовые средства, но и лёгкой добычей ни при каких обстоятельствах стать не мог.

Следует подчеркнуть, что для исследования русской политической и военной линии в отношении Японии наибольшее значение имеет не сколько реальная обстановка в этой стране, столько то, как эта обстановка описывалась, анализировалась и оценивалась в поступающих в Петербург донесениях. Именно на их основе принимались решения в области как внешней, так и оборонной политики России на Дальнем Востоке. После Русско-японской войны 1904–1905 гг. в русском Военном и Морском министерствах наконец усвоили, что Япония начинает войны только после полного завершения очередных военных и военно-морских программ. По окончании первого этапа военного строительства 1881–1894 гг. началась Японо-китайская война 1894–1895 гг., второго 1895–1904 гг. – Русско-японская война 1904–1905 гг., а значит следующая начнётся не ранее завершения очередного, третьего, этапа.

³⁵ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 14 об.

³⁶ ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 182. Л. 17–17 об.

Поэтому получаемые от русской финансовой разведки сведения, что, с высокой долей вероятности, Япония будет «совсем готова» к новому конфликту не ранее 1914–1915 гг., имели огромное значение. Дипломатам они позволили сосредоточиться на улучшении двусторонних отношений, военным – на повышении обороноспособности не только азиатских, но и европейских военных округов, правильно распределив силы и ресурсы между Дальневосточным ТВД, где новая война с Японией оценивалась как в перспективе возможная, и Европейским, где «большая война» считалась в ближайшем будущем неизбежной. Концентрация основных усилий именно на подготовке к войне в Европе, курс на более тесные дружеские отношения с Японией, получивший в историографии название «золотого века русско-японских отношений», и разработка планов переброски войск Приамурского военного округа на Европейский ТВД в случае необходимости, базировались не только на проведённом русскими дипломатами скрупулёзном анализе внешнеполитической ситуации в регионе, но и на тонком расчёте финансовых возможностей империи Микадо, выполненном в 1909 г. при тесном взаимодействии российского военного и финансового ведомств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авилов Р.С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 38–49. DOI:10.17223/15617793/405/5

Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I–IV. Владивосток: Дальнаука. 2013–2016.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. II. Москва: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. 608 с.

Алексеев М.Ю., Печкалов А.В. Министры финансов: от Российской империи до наших дней. 2-е изд. Москва: Альпина Паблишер. 2019. 572 с.

Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Москва. 2003. 213 с.

Игнатьев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. Москва: Междунар. отношения, 1989. 336 с.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест. 2004. 896 с.

Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Москва: Наука. 1988. 383 с.

Маринов В.А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 гг.). Москва: Наука. 1974. 152 с.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. Москва: АИРО-XXI. 2012. 656 с.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). Москва: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство Астрель». 2005. 369 с.

Павлов Д. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica. 2005. Tomus 22. P. 53–72.

Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. Москва: Материк. 2004. 464 с.

Подалко П.Э. Военный агент в Японии генерал В.К. Самойлов (1903–1916 гг.) – из истории российской дипломатии XX века // *Japanese Slavic and East European Studies*. 2001. Vol. 22. P. 73–109.

Подалко П.Э. Из истории российской военно-дипломатической службы в Японии (1906–1913 гг.) // *Ежегодник Японии*. 2001–2002. Москва: «МАКС-Пресс». 2002. С. 362–387.

Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+. 2004. 352 с.

Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). Москва: ОЛМА Медиа Групп. 2015. 704 с.

Шишкин В.И. Гойер Лев Викторович // *Историческая энциклопедия Сибири*: в 3 т. Новосибирск: Ист. наследие Сибири. 2009. Т. 1. С. 394.

Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск – Москва: Институт востоковедения РАН. 2008. 320 с.

REFERENCES

Alekseev, M. (1998). *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II. Kn. II*. [Russian military intelligence from Rurik to Nicholas II. Vol. II]. Moscow: Izdatel'skii dom «Russkaya razvedka», ИА «Evrazya+». (In Russian).

Alekseyev, M. Yu., & Pechkalov, A. V. (2019). *Ministry finansov: ot Rossiiskoi imperii do nashikh dnei* [Ministers of Finance; from the Russian Empire to present days] (2nd ed.). Moscow: Al'pina Publisher. (In Russian).

Avilov, R. S. (2016). Po Transsibu na Vostok. Vizit ministra finansov V.N. Kokovtsova v Priamurskii voennyi okrug v 1909 g. [By the Trans-Siberian Railway to the East: the visit of Minister of Finance V.N. Kokovtsov to the Priamur Military District in 1909]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 405, 38–49. (In Russian).

Avilov, R. S., Ajushin, N. B., & Kalinin, V. I. (2013–2016). *Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. Ch. I–IV* [Vladivostok Fortress: troops, defenses, events, persons. Part I–IV]. Vladivostok: Dal'nauka. (In Russian).

Dobychina, E. V. (2003). *Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian foreign intelligence in the Far East, 1895–1904. Candidate of History Dissertation]. Moscow. (In Russian).

Ignat'yev, A. V. (1989). *S.Yu. Vitte – diplomat* [S.Yu. Vitte as diplomat]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russian).

Kokovtsov, V. N. (2004). *Iz moego proshlogo (1903–1919): Vospominaniya. Memuary* [From my past; recollections (1903–1919): Memoirs]. Minsk: Kharvest. (In Russian).

Kutakov, L. N. (1988). *Rossiya i Yaponiya* [Russia and Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Marinov, V. A. (1974). *Rossiya i Yaponiya pered pervoi mirovoi voinoi (1905–1914 gg.)* [Russia and Japan before World War I (1905–1914)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2005). *Rossiya i Yaponiya: poverkh bar'erov: neizvestnye i zabytye stranitsy rossiisko-yaponskikh otnoshenii (1899–1929)* [Russia and Japan: overflowing the barriers: unknown and forgotten pages of Russo-Japanese Relations (1899–1929)]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST», ООО «Izdatel'stvo Astrel'». (In Russian).

Molodyakov, V. E. (2012). *Rossiya i Yaponiya: v poiskakh soglasiya (1905–1945). Geopolitika. Diplomatiya. Lyudi i idei* [Russia and Japan in search of concordance (1905–1945). Geopolitics. Diplomacy. Peoples and ideas]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Pavlov, D. (2005). Kitai, 1904–1905: russko-yaponskoe ideino-propagandistskoe protivostoyanie [China, 1904–1905: Russo-Japan ideological and propaganda rivalry]. *Acta Slavica Iaponica*, 22, 53–72. (In Russian).

Pavlov, D. B. (2004). *Russko-yaponskaya voyna 1904–1905 gg.: Sekretnye operatsii na sushe i na more* [Russo-Japanese War of 1904–1905: Secret operations on land and on sea]. Moscow: Materik. (In Russian).

Podalko, P. E. (2001). Voyennyi agent v Yaponii general V.K. Samoilov (1903–1916 gg.) – iz istorii rossiiskoy diplomatii XX veka [Russian Military Agents in Japan – General V.K. Samoiloff (1903–1916) – from the history of Russian diplomacy of the 20th century]. *Japanese Slavic and East European Studies*, 22, 73–109. (In Russian).

Podalko, P. E. (2002). Iz istorii rossiiskoi voenno-diplomaticheskoi sluzhby v Yaponii (1906–1913 gg.) [From the history of Russian Military-Diplomatic Service in Japan (1906–1913)]. In *Yearbook Japan* (pp. 362–287). Moscow: Izdatel'stvo «MAKS-Press». (In Russian).

Podalko, P. E. (2004). *Yaponiya v sud'bach rossiyan: Ocherki istorii tsarskoi diplomatii i rossiiskoi diaspory v Yaponii v kontse XIX – nachale XX veka* [Japan in the destiny of Russians: essays on Tsarist diplomacy and Russian diaspora in Japan in late 19th – early 20th century]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Sarkisov, K. O. (2015). *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenii (1817–1917)* [Russia and Japan. Hundred years of relations (1817–1917)]. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russian).

Shishkin, V. I. (2009). Goier Lev Viktorovich [Goyer Lev Viktorovich]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Siberian Historical Encyclopedia. In 3 vol.]. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. Vol. 1, 394. (In Russian).

Shulatov, Ya. A. (2008). *Na puti k sotrudnichestvu: rossiisko-yaponskie otnosheniya v 1905–1914 gg.* [The way to partnership: Russo-Japanese relations in 1905–1914]. Khabarovsk–Moscow: Izd-vo Instituta vostokovedeniya RAN. (In Russian).

* * *

Kirchner, D. P. (1998). Guarding Osaka: the Yura Fortress. *The Coast Defense Study Group Journal*, 12 (1), 88–101.

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей»)

М.В. Бабкова, М.С. Коляда, Н.Н. Трубникова

Аннотация. В статье подводятся итоги религиоведческого и историко-философского исследования «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е годы). Этот самый крупный свод поучительных рассказов сэцува даёт энциклопедическую картину буддизма, каким его знали в Японии к началу XII в. История Закона Будды, показанная в серии рассказов, прослеживается на протяжении веков, от самого начала и до недавней поры, охватывает Индию и Китай и продолжается в Японии; одни и те же вопросы, важные для буддийской общины, с разных сторон освещаются во всех трёх частях собрания. С точки зрения повествователя «Кондзяку», следовать за Буддой в непостоянном мире возможно разными путями: монах в общине, монах-отшельник, мирянин-праведник и мирянин-грешник каждый по-своему движутся к освобождению, и для всех них главной оказывается милосердная забота о других. Всевозможные обряды, основанные на почитании священных книг, повторении имён будд и бодхисаттв, поднесении даров общине и др. служат не только для установления связей с высшими силами, но и для укрепления добрых связей между людьми и избавления от дурных связей. Но к тому же самому ведут и многие мирские обыкновения, казалось бы, далекие от буддийского благочестия: двигаться к освобождению можно по пути правителя, царедворца, воина, богача и бедняка. Любые события, от повседневных до чудесных, можно истолковать исходя из учения о воздании и тем самым найти в них поучительный смысл.

Ключевые слова: японский буддизм, «Кондзяку моногатари-сю:», монахи, миряне, воздаяние, страсти, освобождение.

Авторы:

Бабкова Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: maya.babkova@gmail.com

Коляда Мария Сергеевна, редактор журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1); научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1); ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

(адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 ««Собрание стародавних повестей» (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

Для цитирования: Бабкова М.В., Коляда М.С., Трубникова Н.Н. Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 49–63. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

The variety of Buddhist paths in *Konjaku Monogatari-shū*

M.V. Babkova, M.S. Kolyada, N.N. Trubnikova

Abstract. The article summarizes the results of the religious-studies and historical-philosophical research based on the *Konjaku monogatari-shū* (1120s). This largest set of didactic *setsuwa* tales provides an encyclopedic picture of Buddhism as it was known in Japan at the beginning of the 12th century. The history of the Buddha Law, shown in the series of stories, is traced through the centuries, from the very beginning until recently, spanning India and China and continuing in Japan; the same issues that are important for the Buddhist community are covered from different angles in all three parts of the collection. From the perspective of the *Konjaku* narrator, people can follow Buddha in different ways: a monk in a community, a hermit monk, a righteous layperson, and a sinner layperson – all of them move in their own ways towards liberation, and for all of them the main thing is compassionate concern for others. All kinds of rituals based on the veneration of sacred books, repeating the names of Buddhas and bodhisattvas, presenting gifts to the community, etc. serve not only to establish connections with higher powers, but also to strengthen good ties between people and get rid of bad ties. Many worldly habits, seemingly far from Buddhist piety, lead to the same thing: one can move towards liberation along the path of ruler, courtier, warrior, rich man, and poor man. Any event, from common to miraculous, can be interpreted in terms of the doctrine of retribution and thus one can find an instructive meaning in it.

Keywords: Japanese Buddhism, *Konjaku Monogatari-shū*, monks, laity, retribution, passions, liberation.

Authors:

Babkova Maya V., PhD (Philosophy), Research Fellow, IOS RAS (address: 12, Rozhdestvenka Str, Moscow, 107031, Russian Federation); Senior Research Fellow, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: maya.babkova@gmail.com

Kolyada Maria S., editor, Voprosy Filosofii journal, Institute of Philosophy (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation); Russian Academy of Sciences; researcher, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), deputy chief editor, Voprosy Filosofii journal, Institute of Philosophy (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation); Russian Academy of Sciences; leading researcher, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa) (address: 84,

Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “Konjaku monogatari shū in the history of Japanese religious philosophy”.

For citation: Babkova M.V., Kolyada M.S., Trubnikova N.N. (2021). Mnogoobraziye buddiyskikh putey v “Sobranii starodavnikh povestey” [The variety of Buddhist paths in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 49–63. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

Введение

В 2018–2020 гг. авторы этой статьи работали над исследованием одного из самых крупных памятников японской словесности – «*Кондзяку моногатари-сю*», собрания поучительных рассказов *сэцува* конца эпохи Хэйан [Трубникова, Бабкова, Коляда]. Нашей задачей было рассмотреть «*Кондзяку*» не столько как литературный памятник, сколько как источник по истории религий и религиозно-философских учений. При этом мы исходили из того, что каждый отдельный рассказ или серия рассказов из «*Кондзяку*», как бы они ни были интересны сами по себе, могут быть верно поняты только в контексте всего собрания, с учётом многообразных связей с другими рассказами. Разумеется, изучение «*Кондзяку*» ещё отнюдь не завершено, и все-таки нам хотелось бы подвести предварительные итоги. В этой статье мы постараемся ответить на вопрос о буддийском содержании собрания: какие способы быть буддистом в нём представлены, как они соотносятся между собой и из какой трактовки учения исходят. Обсудить всё, что относится к этой обширной теме, мы не сможем, но обозначим основные, на наш взгляд, положения.

Мы пользуемся изданиями [Konjaku monogatari-shu 1993–1999; Konjaku monogatari-shu 2014–2018]. «*Кондзяку*» делится на 31 свиток, из них 8-й, 18-й и 21-й не сохранились или не были составлены, но для них предусмотрено место в структуре собрания. При ссылках на собрание первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нём.

Рассказы об Индии (свитки с 1-го по 5-й, 185 рассказов)

Как и в других странах буддийского мира, в Японии жизненный путь Будды Шакьямуни (Сякамуни), основателя учения, мыслится как неповторимый – ибо такой благой кармы не накопил и не накопит больше никто, только прежние будды и будущий будда Майтрейя (Мироку) близки к этому. Однако путь Будды служит образцом для каждого буддиста, ибо «стать буддой» в широком смысле слова, обрести освобождение, может каждый.

Будда в «*Кондзяку*» не начинает традицию, а продолжает её: он действует как преемник прежних будд, проповедует их Закон, а не свой. С самого рождения в мире людей Будду сопровождают боги, и когда царь, его отец, совершает благодарственный обряд после рождения сына, божество говорит: «Не приходи с ним поклоняться мне. Это я буду поклоняться ему!» (1–2). Божество показывает царевичу старика, больного, умершего и нищего странника, побуждая уйти из дому; в «*Кондзяку*» царевич видит не сами страдания, а

их образы, созданные чарами (1–3); боги помогают царевичу и на пути к просветлению, и позже. Таким образом, путь Будды и путь богов не противоположны друг другу, а когда люди их противопоставляют, это вызывает гнев самих богов. Вообще индийские божества, *тэн*, в японских текстах отличаются от японских *ками*, но в «*Кондзяку*» и те и другие обозначаются как *дзинги*, «боги неба и земли». Итак, единство почитания богов и будд возводится ко временам Шакьямуни, а японские *ками* причисляются к некому единому сообществу богов, населяющих все страны мира.

Важнейшее место в «*Кондзяку*» занимают отношения Будды с родными: отцом, матерью (она умерла вскоре после рождения сына, возродилась на небесах, но и оттуда не оставляет сына своими заботами), с тёткой (она же приемная мать), с единокровным братом, кузенами, женой, сыном и всем родом шакьев. «Уход из дому» не означает разрыва родственных связей; в кругу ближайших учеников Будды немало его родичей, а когда в войне с соседом шакьи терпят сокрушительное поражение, живы остаются лишь несколько человек, в том числе те, кто пошёл за Буддой (2–28). Эти рассказы опровергают известный китайский довод против буддизма: что монахи, «уходя из дома», отрекаются от сыновней преданности, от заботы о родных. Но в этих же рассказах можно увидеть и ответ на упреки, нередкие в хэйанской Японии: что высшие должности в буддийской общине занимают люди из знатных семей и продолжают больше времени уделять домашним делам и политике, чем вере и благочестию. Эта семейственность в буддийской общине, согласно «*Кондзяку*», тоже восходит к веку Будды.

Будда не одинок ещё и в том смысле, что в своём веке он – лишь один из множества проповедников, и «иноверцы», *гэдо*., постоянно спорят с ним. Но свою правоту он и его ученики доказывают чаще не словами, а делом, чудесами (1–12 и др.). Так же, делом, они обращают людей к учению. Несколько раз в «*Кондзяку*» описано чудо с дверями: они кажутся открытыми, но когда человек пробует в них войти, закрываются, ибо он движется к неверной цели (1–18, 3–19 и др.). Истинное учение не существует само по себе, но только в окружении иных учений; истинное и ложное предполагают друг друга, решается же их спор в практике, причем скорее обрядовой, чем какой-либо другой.

Будда в рассказах почти не проповедует для всех сразу, но очень часто предсказывает будущую участь конкретного человека или сообщает о его делах в прежних жизнях. Этому подражать невозможно (у людей такого знания нет), но можно понять принцип, как за что воздается. Путь самого Будды в прошлых жизнях – это путь самопожертвования: ради Закона, или ради родителей, или ради кого-то, кто страдает (5–7 – 5–14). Но и грехи в прежних жизнях он совершал (по глупости, из жадности и т.д.), а другие люди были милостивы к нему (2–3, 2–28, 3–14, 3–28).

Рассказы об уходе Будды (3–28 – 3–35), как кажется, имеют в основном «исторический» смысл: сожжение тела Шакьямуни и разделение его праха между народами Индии дают начало передаче традиции, которая через века дойдёт до Японии. Но в какой-то мере эти же рассказы учат тому, как держаться в смертный час: Будда не умирает, а уходит в нирвану, но до последнего остается учителем, отцом, почтительным сыном (даже из гроба он встаёт, чтобы проститься с матерью, 3–33).

Чтобы подражать Шакьямуни, надо «уйти из дому». Как ещё можно следовать по тому же монашескому пути, видно на примерах учеников Будды. Рассказчик отмечает, что среди них Ананда был самым внимательным слушателем, Шарипутра – самым мудрым

наставником для новичков, Маудгальяна – самым сильным чудотворцем, а Пиндола изобретал самые хитрые «уловки». В общине каждый из них может заниматься тем, к чему имеет способности. Есть примеры и других учеников, пошедших в монахи от бедности, от отчаяния или даже по ошибке; все они проходят путь к освобождению.

В рассказе 4–9 странник обходит несколько индийских храмов и встречается в них монахов-безумцев (один непрестанно суетится, другой кричит по ночам, третий и четвёртый всё время проводят за игрой в шашки): все они, как выясняется, ведут себя так вполне сознательно, исходя из своего, весьма глубокого понимания Закона. Примеры Асанги, Васубандху, Нагарджуны, Арьядевы и других знаменитых наставников махаяны отчасти тоже сводятся к тому, что мудрость и безумие относительны; этим людям бывали не чужды и сильные страсти, в том числе страсть к истине, а она тоже сбивает с пути (4–24 и далее). Их парадоксальные истории отчасти отсылают к традиции Дзэн.

Путь для мирян в этой части «*Кондзяку*» – это прежде всего путь щедрости. Много говорится о ценности малого подаяния: щедрым может быть даже бедняк (1–31 – 1–36; 2–6 – 2–13, 4–15). Из других путей упоминаются: слушание сутр, повторение слов «ищу себе прибежища у Будды, Учения и Общины», соблюдение заповедей и др. Особое место отводится строительству и починке пагод, изготовлению и почитанию изображений будд. Дело здесь не только в том, что пагоды и статуи сохраняются веками, обеспечивая прямую преемственность традиции (рассказчик не раз упоминает, что их воочию видел в Индии китайский паломник Сюань-цзан). Дело ещё и в том, что построить пагоду, создать статую и т.д. – дело, исполняемое не в одиночку; оно завязывает добрые связи между людьми на много жизней вперёд (2–15 и др.). Точно так же возникают дурные связи от совместных грехов. О пути, ведущем к дурным рождениям, тоже говорится немало: чтобы избежать его, нужно воздерживаться от убийства, не лгать, не обижать монахов. Любопытно, что рассказ о самом страшном грешнике Махадеве, убившем отца, мать, праведника, внесшего раздор в общину, обрывается на полуслове (4–23); возможно, для рассказчика важно, что преступления Махадевы следуют одно из другого, и читатель сам может представить себе дальнейшее, примерить на себя его ужасную судьбу.

В индийской части «*Кондзяку*» есть герои-миряне, на чьих примерах показаны пути правителей (цари Прасенаджит, Аджаташатру, Вирудхака, Ашока – могущественные, но подверженные порой разрушительному гневу); богачей (Судатта, несколько раз за свою долгую жизнь успевший разориться и вновь нажить огромное богатство); врачей (Дживака, не просто лекарь, но ещё и мудрый советчик). Завершают индийскую часть рассказы о пути животных, где олени, слоны, обезьяны, лисицы, черепахи, змеи и прочие поддаются тем же страстям, что и люди, а порой бывают и мудрыми, и милосердными. Любопытно, что несколько выше говорится, что почитание Амиабхи (Амида) люди переняли от птиц и диковинных рыб, повторявших имя этого будды (4–36, 4–37).

Рассказы о Китае (свитки с 6-го по 10-й, 174 рассказа)

Для композиции «*Кондзяку*» характерен принцип матрёшки, когда и на уровне всего собрания, и на уровне отдельных свитков большие темы, затронутые в первых историях, впоследствии рассматриваются подробнее, взгляд повествователя становится более узким, но и более внимательным, более точно направленным. Так, первые два свитка китайской части

(6-й и 7-й), с одной стороны, продолжают индийскую часть. В них говорится о распространении Закона Будды, о том, кто и как первым начал проповедовать истинное учение в Китае, с какими препятствиями пришлось столкнуться, как начиналось почитание священных текстов, статуй и *шарира* – чудодейственных останков будд. Первая попытка оказывается неудачной, циньский Ши Хуан-ди заточил приезжих монахов в темницу, так что Будде пришлось лично явиться туда, выломать двери и спасти узников (6–1). Потом уже, при Хань, появились и проповедники, и сутры, изображения и останки будд. С другой стороны, в свитках раскрывается намеченная раньше тема – бытование в земном мире зримых атрибутов Закона Будды. Как и раньше, истинность учения и способность буддизма освободить людей от страданий подтверждаются делом: в первую очередь чудесами. Их творят статуи (6–12 – 6–15, 6–7 – 6–25 и др.), рисованные изображения будд, мандалы (6–16, 6–30) и буддийские книги. Почитание священных текстов (или, напротив, пренебрежение к ним) становится, в свою очередь, темой для отдельного, более подробного обозрения. Семнадцать рассказов из второй части 6-го свитка и весь 7-й свиток посвящены воздаянию благом и злом в этой жизни или сразу после смерти за хорошее и дурное обращение с буддийскими книгами. Рассказы «*Кондзяку*» подтверждают важность почитания «Лотосовой сутры», особенно чтимой в Японии: ей посвящена примерно половина рассказов 7-го свитка.

Можно построить шкалу деяний: от дурных поступков, наказанием за которые становятся неизмеримо долгие мучения в подземных темницах, к благим, влекущим за собой перерождение в Чистой земле. Самые страшные преступления, которым противятся и будды, и боги, – непочтительность к священным предметам, книгам, статуям. Но жуткие картины возмездия за прегрешения даются как фон, на котором разворачивается действие. Сами герои чаще всего спасаются, хоть и совершают путешествие в загробное царство и воочию убеждаются в том, что ждёт людей, виновных в преступлениях против буддизма (6–11, 6–18, 6–38, 7–32, 7–45 и др.). При этом к случайным, бытовым грехам, составители «*Кондзяку*» относятся снисходительно, не считают их поводом для наказания. Так, в рассказе 7–26 мужчина чудом вспомнил свою прошлую жизнь в теле женщины: он говорит, что в прежние времена она проглотила листы «Лотосовой сутры», которую всё время читала и читала. Она собиралась переписать сутру, да позабыла, и это никак не осуждается: рассказчик, наоборот, заключает, что память о прошлой жизни дана герою как награда за почитание «Лотосовой сутры».

Если же человек чтит священные тексты, бережно хранит их, регулярно читает вслух или про себя, а лучше всего – переписывает, распространяет учение, он непременно уберёжёт себя и близких от беды и после смерти возродится в Чистой земле. Как и в других историях жанра *сэцува* и во многих махаянских текстах, сознательность здесь – условие благое, но вовсе не обязательное. Например, женщина, ненавидящая всё, что связано с буддизмом, зайдя случайно на территорию храма и услышав от тамошних монахов название «Махапраджняпарамита-сутры», скорей побежала к реке и омыла себе уши, бранясь: «Ах, какие нехорошие слова... я слышала!» Позже, на посмертном суде то, что она в сердцах произнесла название сутры, оказалось достаточным основанием, чтобы она спаслась от мучений в аду и возродилась на небесах (7–3). Очень часто герои совершают благие дела ради того, чтобы спасти своих близких, знакомых или просто случайных встречных (6–18, 6–31, 6–38, 6–45, 7–8, 7–10, 7–17, 7–19, 7–21, 7–46 и др.). Так оказывается, что не только обрести освобождение может каждый,

но и возвращать в себе милосердие, важнейшее свойство бодхисаттв, может и должен каждый человек, даже если он не подчиняет всю свою жизнь следованию путём праведника.

Среди мирских установлений, которыми знаменит Китай и которые постарались усвоить японцы, когда приобщились к его книжности, главное место занимает «забота о старших»,

ко:ё:, – прежде всего о родителях, но также и о начальниках, благодетелях и др. В 9-м свитке собраны знаменитые истории почтительных сыновей и дочерей (о ростках бамбука, добытых из-под снега для больной матери, и т.п.). К ним добавлена ещё одна серия рассказов о загробном суде. Здесь сильнее смерти оказываются не только связи между родителями и детьми, но и связи между начальниками и подчинёнными, старшими и младшими по службе. Другая тема этих рассказов – нехватка кадров в мире мёртвых: людей призывают в помощники загробным судьям, и на «Тёмной дороге» воспроизводятся бюрократические порядки мира живых. Пристрастность – родственная, товарищеская, земляческая – казалось бы, должна вовлекать человека всё глубже в круговорот страданий, но в «Кондзяку» она же служит движущей силой добрых дел. А значит, быть хорошим родичем и чиновником – один из способов следовать по пути милосердия. Без заботы о старших человек жить не может, как показано в рассказе 9–46, где случайные попутчики договариваются быть друг другу «отцом» и «сыновьями»; человек естественно, не задумываясь, выстраивает для себя иерархию связей с другими людьми и тем самым хотя бы отчасти чувствует всеобщую связь, заданную законом воздаяния.

В рассказах по китайской мирской истории свитка 10-го та же мысль получает развитие: здесь говорится о связях между правителем и подданным, между супругами, друзьями, учителями и учениками. Верность и предательство, праведность и злодейство в конечном счете относительны: история Китая учит, что порой приходится менять династии, ради пользы дела нарушать договоры, что любящие расстаются, а нелюбовь связывает людей на долгие годы. Из книг мудрецов известно, что порой и Конфуция, и Чжуан-цзы ставили в тупик слова и поступки обычных людей (10–9 и далее); часто люди считают кого-то смешным и странным, а время доказывает его правоту (10–36 и др.); стало быть, мудрость и глупость относительны. Таким образом, изучение исторических преданий помогает подойти к усвоению буддийского учения о «пустоте», относительности любых истин в мире всеобщей взаимообусловленности.

«Буддийские» рассказы о Японии (свитки с 11-го по 20-й, 390 рассказов)

Первый рассказ японской части, о царевиче Сётоку (11–1), намечает сразу несколько путей: это почитание буддийских книг, соблюдение поста, борьба с врагами Закона, строительство храмов и перенос в Японию останков Будды, поддержание традиции, переданной из Китая. Важно, что эти пути доступны и монаху, и мирянину, и основателем японской общины выступает как раз мирянин. В следующих рассказах (11–2 – 11–12) речь идёт о знаменитых подвижниках VIII–IX вв., все они за одним исключением – монахи, каждый выступает в одной из ролей: проповедник (Гёки), чудотворец (мирянин Эн-но Одзуну), книжник (Досё), мастер диспута (Додзи), советник при дворе (Гэмбо), провидец (Бодай, индеец), хранитель заповедей (Гандзин, китаец), мастер кисти (Кукай), ваятель (Сайтё), странник (Эннин), хранитель традиции в целом (Энтин). Далее следуют предания о знаменитых храмах, их можно понять и в историческом ключе, и как примеры того, какие

трудности и какие чудеса ожидают людей на пути строительства храмов. Велик храм или мал, дело его создания – не для одного человека: оно помогает завязать связи и с местными божествами, и с подвижниками прошлых веков (теми, кто открыл святое место, но храма не построил), и с общинами иных стран (в рассказе 11–15 храм переносят сначала из Индии в Корею, а затем в Японию). В нескольких рассказах основание храма оказывается общей заслугой человека и животного (верного коня и др.). Рассказы делятся на две группы: в случае древних храмов их строители в основном заняты воспроизведением уже существующего образца, земного или небесного, а для строителей храмов эпохи Хэйан важнее оказывается освоение места, отмеченного святостью.

Исторический подход преобладает и в начале 12-го свитка, где рассказано, когда и как в Японии впервые стали проводить важнейшие буддийские обряды, прежде всего чтения сутр. Вокруг каждого из них возникает своя субтрадиция, хотя один и тот же человек может участвовать в разных обрядах. Общая тема этих рассказов – взаимоотношения монашеской общины с божествами *ками* и с мирянами, главным образом государями и их приближёнными; каждый обряд – способ умиротворить богов и направить благочестивое рвение мирян в то русло, где их усилия принесут наибольшие заслуги всей стране. Коль скоро нужды у страны в разное время разные, то и обрядов должно быть несколько, а обеспечивается это многообразие различными наставлениями, которые давал в своё время Будда и которые записаны в сутрах, служащих основой для того или иного обряда. В свою очередь, разные сутры дают случай монахам проявить себя с разных сторон, включают в систему государственной обрядности людей с различными задатками и склонностями. В итоге ритуалы образуют годовой цикл, хотя в «*Кондзяку*» и не все обряды этого цикла обсуждаются одинаково подробно. Вместе с тем обряды взаимозаменяемы, коль скоро каждая сутра по-своему отражает всю полноту Закона.

Как по-разному можно чтить одну и ту же сутру и какую пользу из нее извлекать, показано в следующих рассказах 12-го свитка и в свитке 13-м. Путь почитателя «Лотосовой сутры» – это путь исполнения содержащихся в ней предсказаний: подвижники переживают суровые испытания (13–10, 13–22 и далее), однако им помогают боги, демоны, звери, и тем самым сутра объединяет обитателей разных миров; подобно тому как в сутре говорится, что Будда вечен, подвижник обретает долголетие или сохраняет способность читать сутру и после смерти (13–29, 13–30); он никого не презирает, «ибо все пройдут путь бодхисаттвы и станут буддами», и получает то же самое в ответ: на этом пути нет презренных людей, какими бы они ни были бедняками, грешниками и т.д. В свитке 14-м появляется целая череда героев, которые не справляются с самим почитанием сутры: стараются, но не могут выучить какую-то её часть, не способны проповедовать из-за телесных недостатков и пр. Каждая такая неудача имеет причины в прежних жизнях, но все они оказываются преодолимы (14–12 – 14–24). Пути почитания других сутр отчасти такие же, но в рассказах о них во второй половине 14-го свитка возникает мотив соперничества: выбирая одну из книг канона в качестве главной, человек делом старается доказать её превосходство над другими, ищет и добивается чудес, и даже если ему самому эти чудеса нужны как подтверждение его выбора, другим людям они как правило приносят какую-то пользу. Как и в случае с «Лотосовой сутрой», пути почитателей других книг ведут к парадоксу: сказанное в сутрах истинно, и поэтому должно быть доказано сознательным усилием человека, хотя эта истина в доказательствах не нуждается. Дело в том, что сам выбор главной книги определяется

прежними деяниями, и усилия подвижника по сути направлены на то, чтобы осознанно исполнять свою карму, а значит, достичь той свободы, какая только и возможна в здешнем мире. То же самое верно и для других путей, но в случае с путём книжников проявляется особенно наглядно.

Совсем иначе, казалось бы, устроен путь почитания будды Амида и Чистой земли: здесь достаточно довериться «силе Другого», доказывать ничего не нужно. Однако в свитке 15-м подвижники-амидаисты не ограничиваются верой и молитвой: они творят обряды, читают и переписывают сутры о Чистой земле, сосредоточенно созерцают её, воспевают в стихах и изображают на картинах. В «*Кондзяку*» равенство всех людей на пути Амида подчёркивается тем, что кончина монахов и мирян, праведников и грешников, мужчин и женщин описана почти одними и теми же словами: «сидя прямо, лицом к западу», они повторяют молитву, и к каждому приходит «толпа святых», чтобы с почётом проводить в буддийский рай. Равенство выражается ещё и в том, что люди одну и ту же веру осуществляют каждый по-своему, сообразно своему положению в земном мире.

В следующих двух свитках картина снова меняется: здесь люди условия своего существования не принимают со смирением, не радуются им как испытаниям, а восстают против них: пытаются избавиться от бедности, спастись от врагов, вырваться из круга семейных несчастий. Не случайно в свитке 16-м, где говорится о чудесах бодхисаттвы Каннон, много рассказов о разбойниках – нарушителях принятого порядка, и просто о дерзких, храбрых людях. Путь неприятия страданий, своих и чужих, тоже может быть буддийским путём: всеохватное милосердие бодхисаттвы помогает каждому человеку преодолеть именно те беды, какие для него горше всего, и тем самым ведёт к осознанию причин страдания, а некоторые люди сами встают на путь милосердной заботы о ближних, подражая бодхисаттве. И в 16-м свитке, и в 17-м, где речь идёт о других бодхисаттвах, важны также мотив «подмены тела», *мигавари* (когда статуя бодхисаттвы принимает на себя раны, наносимые человеку: 16–3, 16–5, 17–3 и др.) и мотив явления бодхисаттв в образах людей. Общий итог этих рассказов такой: хотя у каждого свои страдания и своя ответственность по закону воздаяния, разные существа в здешнем мире взаимозаменяемы, а значит, внутренне едины друг с другом.

Между первыми свитками японской буддийской части (с 11-го по 17-й) и заключительным, 19-м, образуется разрыв из-за отсутствия 18-го свитка. Вполне вероятно, что разрыв этот не случаен. До сих пор уже не раз в «*Кондзяку*» встречались размышления о том, как лучше чтить Будду, и хотя мирской путь подчас бывает столь же плодотворен, как и монашеский, этот последний всё равно надёжнее и вернее. Пожалуй, так можно сформулировать основную мысль 19-го свитка, посвящённого теме выхода из дому и тому, что происходит с монахами и мирянами. Постриг – событие, важность которого в буддийском мире сложно переоценить, и в 19-м свитке половина историй (20 из 44) посвящены ему. Принять решение пойти путём Будды Шакьямуни никогда не поздно. В рассказе 19–12 божества слетаются в храм почтить глубокого старика, который просит монаха обрить ему голову.

Уйти в монахи может каждый, будь то бедняк, которому нечем кормить семью (19–6), или принцесса (19–17, 19–18). Если в прежних рассказах «*Кондзяку*», особенно в китайской части, связи с родными оказывались вполне совместимыми с буддийским благочестием, то в начале 19-го свитка акценты расставлены иначе. Здесь в рассказах о постриге чувства,

обуревающие людей, трактуются однозначно отрицательно. Каждый раз, когда героям удаётся их преодолеть, оставить в миру родителей, возлюбленную, жену и детей, повествователь оказывается на стороне бесстрастия. В рассказе 19–10 у человека умерла жена, которую он безмерно любил. Герой отказался от жизни в миру и ушёл в монахи, не слушая рыданий маленькой дочери, и повествователь, сочувствуя его горю, полностью принимает его решение: в тексте нет и намека на осуждение его поступка. Правда, в следующих историях рассматриваются самые разные ситуации с различным итогом. Составители вспоминают о почтении к родителям (19–25 – 19–27), животные и умершие отдают человеку долг благодарности, простые люди сталкиваются с демонами *тэнгу* и с ворами. А заключительные рассказы снова возвращают к ценности милосердия: женщина заботится о ребёнке беднячки (19–43), а брошенного младенца вскармливает собака (19–44).

Как и в индийской и китайской частях, здесь в «*Кондзяку*» проводится грань между «уходом из дому» (принятием монашества) и «пробуждением сердца», *хоссин*, сознательным обращением на путь Будды. Для монаха, прошедшего долгий путь храмового ученичества, по сути дело ещё не решено: если сердце его не пробудится, он с точки зрения будущей его судьбы остаётся в том же положении, что и миряне. С другой стороны, сердце может пробудиться и у мирянина, в том числе грешного, и в этом смысле примеры из 19-го свитка особенно важны: здесь речь идёт о выборе монашества как пути к освобождению, а не как одной из жизненных стратегий. В этом смысле «*Кондзяку*» до некоторой степени предвосхищает тот поворот в японском буддизме, который совершится на рубеже XII–XIII вв., когда роль властителей дум в общине перейдёт от служилых храмовых монахов к отшельникам *тонсэй* [Matsuo 1997].

20-й свиток, пограничный между буддийским и мирским разделами, с разных сторон подводит к ответу на вопрос, что значит быть человеком в буддийском смысле слова. Здесь люди встречают обитателей иных миров: *тэнгу*, лисиц, кабанов и прочих животных, способных наводить чары, узников «подземных темниц» и др. Встречи со всеми этими существами позволяют понять, чем путь людей отличается от других путей перерождения: страдания и страсти на нём не настолько сильны, как на других путях, и хотя могущество людей тоже невелико по сравнению, скажем, с демонами, именно людям легче всего вступить на путь Будды – срединный между крайностями. При этом «только того, кто помнит о долге перед другими, себя не бережёт, а за милость воздаёт, зовут человеком» (20–44), это видно из рассказов, где люди помогают и животным, и узникам ада, из историй о должниках (20–25 и далее) и о праведниках (20–39 и далее). Вести себя по-человечески в обычном смысле слова уже означает двигаться по буддийскому пути.

«Мирские» рассказы о Японии (свитки с 22-го по 31-й, 291 рассказ)

Хотя следующие свитки и называются мирскими, а истории, в них вошедшие, отличаются поразительным тематическим разнообразием, когда подчас поучительный мотив каждого отдельного рассказа очевиден не сразу, мы считаем, что и эти разделы по сути можно считать «буддийскими». «*Кондзяку*», таким образом, не делится на две половины, «буддийскую» и «светскую», а представляет собой единое произведение с целостным замыслом. Собранные в «мирском» разделе истории дополняют буддийскую картину мироздания, показывая другие стороны его бытия. Отдельные рассказы могут не иметь очевидной связи с буддийскими воззрениями, однако их поучительный смысл, внятный для

читателя XII в., будучи предельно простым, строился на тех же принципах, побуждая людей стремиться к праведной жизни [Konishi 1991, p. 129].

Если в 20-м свитке путь человека соотносился с судьбой других существ, то в рассказах свитков с 22-го по 25-ый показано, какими вообще бывают человеческие дороги, не только в религиозном смысле, но в обыденном.

Отсутствующий 21-ый свиток (возможно, умышленно опущенный) мог быть посвящён японским государям. 22-ой свиток рассказывает о судьбах сановников из рода Фудзивара, наиболее могущественного в стране. С историями их жизней составители обращаются по-своему, иначе, чем в исторических произведениях, подбор биографий и способ их изложения не всегда ожидаемые, но в итоге весь свиток становится похож на один большой поучительный рассказ, где главный герой – не отдельный человек, а целый род. Он не восхваляется безмерно и не принижается, а изображается как пример реализации воздаяния, тем более яркий, что персонажи – люди родовитые, известные, но при всей исключительности их положения (заслуженной в прежних рожденьях), подвержены действию универсальных законов точно так же, как и прочие смертные.

В 23-м свитке тоже говорится о людях исключительных, только теперь преуспевших не на политическом поприще. Здесь собраны рассказы о героях, одарённых необыкновенной силой, причём сила эта не всегда физическая. О том, что человеческая мощь – следствие заслуг из прошлых жизней, составитель напоминает, помещая в свиток рассказы о богатырях, и в заключение второго из них говорит: люди гадали, какие заслуги этой женщины в прошлом могли привести к тому, что она родилась столь могучей.

Аналогичным образом и в предыдущем свитке с помощью послесловий к рассказам составитель несколько раз возвращает читателя к буддийской трактовке событий. В рассказе 22–5 он замечает, что процветание или упадок рода, успехи потомков – следствие воздаяния за дела прошлых рождений. В рассказе 22–7 юноша из рода Фудзивара случайно встречается с бедной девушкой, и этот союз принесёт им большую славу, их дочь однажды станет матерью государя, а рассказчик объясняет: такие чудесные совпадения происходят из-за клятвы из прежних рождений. Связи, которые в данный момент определяют успех человека, могли быть завязаны ещё в его прошлых жизнях. Но в нынешней жизни будут завязаны новые связи, и их качество будет зависеть от поступков человека: молодой Фудзивара мог сделать иной выбор и никогда не вернуться к случайной знакомой, не узнать о собственной дочери, не стать дедом государя...

В 24-ом свитке продолжается тема выдающихся способностей, только не просто таланта «случайного», побочного, а такого, который стал основой мастерства героев, часто – делом их жизни. Многообразие путей человеческого мастерства – это и многообразие путей к спасению тоже, потому что разные действия человека создают связи дурные и благие. Так, в рассказе

24–19 музыкант случайно встречает людей, читающих стихи-гатхи во славу бодхисаттвы Фугэн, играет для них на флейте – и благодаря этому доброму делу остаётся жив, хотя срок его жизни уже подходил к концу. Герои 24-го свитка – самые разные люди в разных обстоятельствах, но каждый из них в чём-то может оказаться исключительным человеком: не раз в этом разделе возникает мотив недопустимости презрения к другим, ведь другой всегда может превзойти нас на пути какого-либо мастерства. Эта идея созвучна иной: в каждом есть природа будды. При этом люди, даже будучи гениальными в чём-то одном, вовсе не

обязательно безупречны и в других сферах жизни. В этом тема «мирского» мастерства отчасти перекликается с индийской частью: даже великие наставники грешили, даже выдающийся мастер может оступиться, но это не умаляет их способностей и достижений, а отсюда следует, что никогда не надо отчаиваться на пути спасения. Никто не совершенен, у каждого человека своя сила и свои слабости, каждый может найти свою дорогу в жизни – и дорогу к Будде.

Даже воины – им посвящён 25-й свиток собрания – не исключаются из этой картины мира. Их связанное с насилием ремесло здесь даже не порицается открыто, просто мир устроен так, что часть людей рождается воинами. Воины тоже могут быть безупречны в своем ремесле. На этом пути есть свои добродетели, такие как мужество или предусмотрительность, и свои злодеяния: например, воин хорош, пока он служит установлению порядка в стране, но если он обращает свою силу против государя – это несправедливый поступок. Так заслужил адские муки знаменитый мятежник Тайра-но Масакадо (ум. 940 г.), история о его смуте открывает свиток. Хорошо, когда воины обладают общечеловеческими добродетелями, милосердием или справедливостью. Также ничто не мешает воину покаяться в грехах и всё же прийти к вере – это мы знаем из рассказов буддийской части *«Кондзяку»*. И если воин обратится за помощью к бодхисаттве – он её получит, как и любой другой человек. И всё же по своему желанию, а не по рождению, избирать такую профессию, видимо, не стоит: так можно понять слова рассказчика об одном из знаменитейших хэйанских воинов, Фудзивара-но Ясумаса (958–1036), о котором в свете судачили, будто Ясумаса не имел потомков по той причине, что он был не из воинского рода, но не пошел по стопам предков (25–7).

Рассказы этих «мирских» свитков можно считать своего рода «уловками», призванными донести всё те же истины иным способом, кому-то из читателей более понятным, с использованием множества красочных и разнообразных примеров.

Тема 26-го свитка – «воздаяние за поступки, совершённые в прошлых жизнях». Если считать недостающий 21-й свиток, то 26-й – центральный в японской «мирской» части, и тогда его место в книге согласуется с той точкой зрения, что буддийские представления (в данном случае, о непреложности закона воздаяния) лежат в основе всех рассказов *«Кондзяку»*. Правда, рассказы в этом свитке таковы, что распознать в событиях воздаяние можно либо по прямым указаниям рассказчика (26–1, 26–3, 26–4, 26–22), либо по косвенным признакам. Где-то упоминаются прошлые жизни, как, например, в рассказе 26–13 о том, как чиновник случайно разбогател, забрав из дома одной старухи слиток серебра. Старуха думала, что избавляется от огромного камня, мешавшего ей, и рассказчик заключает, что и судьба чиновника, и судьба старухи оказались следствием каких-то (неизвестных) событий, произошедших с ними в прошлых жизнях. Иногда можно предположить, что речь идёт о воздаянии за поступки, совершённые в прошлых жизнях, поскольку герои рассказов – дети, подростки или известные люди ещё до того, как они прославились. Во всех этих случаях (26–1, 26–3, 26–17 и др.) персонажи ещё не успели совершить в этой жизни ничего значительного, поэтому воздаваться им может только за деяния, совершённые в прошлых жизнях.

Все рассказы 26-го свитка полны чудес и приключений. Люди помогают гигантскому змею победить гигантскую же многоножку. Фудзивара-но Акихира чудом спасается от гибели благодаря тому, что лунный луч освещает подвязки его шаровар как раз в тот миг,

когда над ним уже занесён меч. Из собачьей головы женщина вытягивает чудесные шёлковые нити. Огромная волна, вместо того чтобы потопить героя, выносит к его ногам сундук с волшебным поясом, приносящим богатство и процветание. Больная девочка гибнет, сцепившись в схватке с ненавидящим её псом. Есть и более обыденные происшествия, например, то, как Фудзивара-но Тосихито подшутил над бедным чиновником, наварив ему десятки котлов бататовой каши. Но и здесь кроется чудо: Тосихито не стал заставлять чиновника есть до изнеможения, обошёлся с ним милостиво и отпустил с богатыми дарами. По всей видимости, в этом свитке важно не что именно происходит с героями, а последовательно проводимая мысль: что бы ни происходило, всё это непременно встроено в цепочку причин и следствий, которая тянется из прошлых жизней в настоящую.

Сколь бы ни были удивительны итоги прежних деяний, это не значит, что человеку нужно и можно иметь дело со всем, что попадает ему на жизненном пути. Есть такие встречи, которых следует избегать: им отведен 27-й свиток. В его заглавии стоит словосочетание «призраки и духи», *рэйки*, сюда относятся не только духи умерших, но и духи животных, оживающие предметы, демоны *они*, а иногда даже и божества; их всех можно считать «нечистью», поскольку общение с ними оскверняет. Такие существа встречаются не только на границах населённого мира, но и в обжитых местах, даже в столице поблизости от государева дворца. Самый правильный образ действий для человека – отказ от общения с нечистой силой, «удаление от скверны», *моноими*. С этой точки зрения буддийский путь милосердия совпадает с путем «Тёмного и Светлого начал», который при помощи гаданий и расчётов определяет, где и когда следует опасаться скверны. Большая часть рассказов в этом свитке повествует о том, как люди (по слабости, по глупости, по самонадеянности) не избегали контакта с духами, страдали и гибли из-за этого. Правда, духи, демоны и боги, в отличие от людей, «двигаются только по прямой» (27–23), они в своих действиях менее свободны, чем люди, хотя и пытаются заморочить человека наваждениями, но их возможно перехитрить.

Порой люди сами морочат себя, как не сумел бы никакой демон: относительная свобода человека означает в том числе и большой выбор страстей, которыми можно себя одурманить, «опьянить», *ёу*. Примеры людей, поддавшихся страстям, собраны в свитке 28-м. Помимо собственно пьяниц это обжоры, женолюбы, любители музыки; опьянеть возможно от ядовитых грибов, от страха, от отвращения (например, своего рода страсть – когда человек терпеть не может кошек, 28–31). Страдают эти люди не только от самих страстей, но и оттого, что окружающие смеются над ними, причем иногда опьяняет и сам страх стать посмешищем, и наоборот, балагурство, склонность потешать других. Издеваться над теми, кто подпал под власть страстей, нехорошо, но не смеяться над ними трудно, даже когда жалеешь их. Это свойство человека доказывает, что он по природе своей милосерден: ведь именно смех окружающих помогает опьянённому очнуться.

В 29-м свитке под действием страстей или по стечению обстоятельств люди встают на путь преступлений; другие по долгу службы или опять-таки по обстоятельствам выслеживают и ловят их; третьи совмещают то и другое, как бывшие воры *хо:мэн*, взятые на работу в сыскное ведомство. Злодейство свойственно людям от самых знатных (29–25 – 29–27) до нищих (29–28 – 29–30), «злодеем поневоле» может стать каждый. Путь ловкого вора и путь сыщика похожи в том, что требуют навыка просчитывать причины человеческих поступков и предвосхищать будущие события, а кто не делает этого, тот порой по своей вине

становится жертвой преступников. Завершают этот свиток рассказы о зверях, и их поведение человек хотя бы отчасти тоже может предсказать, понимая его причины. Таким образом, навык противостояния злодеяниям, намеренным и невольным, оказывается значимым в буддийском смысле слова, не только с точки зрения милосердия к жертвам злодеяний, но и с точки зрения понимания причинно-следственных связей, стоящих за нарушениями принятого в обществе порядка.

Небольшой по объёму 30-й свиток отведён рассказам о любви, в основном несчастной – но не из-за каких-то непреодолимых внешних препятствий, а из-за сомнений в чувствах друг друга. Взаимная «клятва», *тикаи*, не даёт взаимопонимания, и на этом пути люди как никогда ясно понимают, что связи, заданные по закону воздаяния, даже если принимаешь их, хочешь поддержать и укрепить, всё равно очень хрупки; лучшим средством сохранить любовь, удержать связь с любимым человеком, пусть уже и после разлуки, служат стихи как нечто неподвластное времени.

О том, как повседневный опыт подтверждает учение будды о непостоянстве, говорится в заключительном, 31-м свитке «*Кондзяку*». Недавно основанное святилище разрушают, храмы переходят из рук в руки по воле мирских властей, старые обычаи забываются, вновь открытые земли оказываются людям не нужны, чудеса не действуют и т.д. Но путь созерцания непостоянства, *мудзё:кан*, здесь не сводится к печальному смирению; в каждом рассказе за утратой чего-то, что кажется ценным, стоит человеческая воля, причём не воля к разрушению, а стремление отстоять границы – какие-то из многих границ в здешнем мире, проведённых для его упорядочивания, пусть мнимого, но нужного людям.

Заключение

Многообразие буддийских путей в «*Кондзяку*» можно проследить на трёх уровнях:

1. Средства для обретения прижизненных и посмертных благ, которые даёт человеку Закон Будды: наставления различных сутр, обряды, связанные с ними, многообразная помощь будд, бодхисаттв, богов, всевозможные «уловки», сообразные изменчивым условиям непостоянного мира.

2. Способности и склонности человека, которыми определяется выбор того или иного средства и способ его применения, а также поступки, в которых осуществляется этот выбор.

3. Истолкование различных событий исходя из буддийского учения (о воздаянии, об «уловках»), придание буддийского смысла обыденному опыту людей.

Рассказы «*Кондзяку*» свидетельствуют, что на любом из этих уровней в японском буддизме XII в. широко использовался опыт разных буддийских традиций, соотносимых с почитанием разных будд, разных сутр, разных наставников Индии, Китая и самой Японии. При этом каждая из традиций могла быть задействована не только в её насущном состоянии, но и в её исторически менявшихся формах, насколько они были известны. Значительное место уделяется чудесам, сокращающим дистанции как в пространстве, так и во времени, но в конечном счете единство большого мира и общность судеб буддийских общин разных стран и эпох не столько заявлены напрямую, сколько показаны многочисленными сюжетными переключками между рассказами разных частей собрания.

Так или иначе герои рассказов, каждый на своем пути, нарочно или невольно достигают целей, значимых для освобождения. При этом никто не спасается в одиночку:

достижения каждого человека в отдельности заведомо невелики, но его поддерживают дела других людей, знакомых и незнакомых, современников и предшественников; сложенные вместе, эти дела убедительно свидетельствуют о правоте Будды. В непостоянном мире никакой успех не бывает полным, но и неудача не бывает окончательной: в близком или отдалённом будущем каждый поступок оказывается небесполезен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей», «Кондзяку моногатари-сю», в истории японской религиозно-философской мысли. 2018–2020. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (дата обращения: 12.12.2020).

REFERENCES

Trubnikova, N.N., Babkova, M.V., & Kolyada, M.S. (2018–2020). «Sobranie starodavnikh povestei», «Konjaku monogatari-shu», v istorii yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli [*Konjaku Monogatari-shū* in the history of Japanese religious philosophy]. Retrieved December 12, 2020, from <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (In Russian).

* * *

Konishi, J. (1991). *A History of Japanese Literature: Vol. 3. The High Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.

Konno Tōru, et al. (Eds.). (1993–1999). *Konjaku monogatari shū*, SNKBT series (Vols. 33–37). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Matsuo, K. (1997). What is Kamakura New Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*, 24/1-2, 179–189.

Nakagawa Satoshi (Ed.). (2014–2018). *Konjaku monogatari shū*. Retrieved December 12, 2020, from http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (In Japanese).

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-64-79

Волшебный фонарь, кинематограф и их японские имена

А.А. Фёдорова

Аннотация. В статье рассмотрен процесс восприятия оптических и проекционных технологий Запада в Японии XVIII–XX вв. Эти заимствования обеспечили развитие кинематографа, телевидения, других современных медиа. Кинематограф был завезён в Японию в конце XIX в. и быстро приспособлен к культурным особенностям страны, однако несмотря на существенное влияние традиционного японского театра, литературы и живописи, кино в Японии во многом продолжает ассоциироваться с культурно-эстетическим влиянием Запада. Встрече японцев с киноаппаратом предшествовало их знакомство с телескопом, фотоаппаратом, микроскопом, камерой-обскурой, волшебным фонарём, другими западными изобретениями. Распространение этих приборов способствовало установлению в Японии ассоциативной связи между странами Запада и процессами механизации оптики, усовершенствованием методов видения, что в свою очередь повлияло на специфику восприятия кинематографа. Волшебный фонарь (*laterna magica*), получивший широкое распространение в Европе XVIII–XIX вв. и положивший основу для развития большинства современных проекционных аппаратов, был завезён в Японию дважды: во второй половине XVIII в. (через Нагасаки) и после реставрации Мэйдзи (1868), когда был принят курс на форсированную вестернизацию страны. Волшебный фонарь эпохи Эдо, получивший название *уцуси-э*, воспринимался исключительно как массовое зрелище, элемент низовой, городской культуры развлечения, в то время как мэйдзийский волшебный фонарь *гэнто*: активно использовался властями в образовательных и пропагандистских целях. Кинематограф в Японии унаследовал обе традиции волшебного фонаря, а также их терминологию. Иероглиф *ся* (*уцусу*), используемый для обозначений эдоского волшебного фонаря *уцуси-э*, мы находим в термине «движущиеся картинки» (*кацудо*: *сясин*), используемом в Японии 1900-х – 1910-х гг. для обозначения кинематографа. Пришедшее ему на смену на рубеже 1910-х – 1920-х гг. слово *эйга* тоже было заимствовано из терминологии волшебного фонаря, только уже мэйдзийского – словом *эйга* именовались в эпоху Мэйдзи стеклянные слайды, используемые во время лекционно-просветительских представлений фонаря *гэнто*:. В статье прослеживаются основные вехи развития волшебного фонаря в Японии, анализируется влияние его терминологии на формирование социального статуса кино в Японии, указываются дальнейшие перспективы изучения японских визуальных медиа в контексте их взаимодействия с «западной» культурой видения.

Ключевые слова: кинематограф Японии, волшебный фонарь, *уцуси-э*, массовая культура, оптика, японская анимация, реставрация Мэйдзи, культурный диалог, Япония и Запад.

Автор: Фёдорова Анастасия Александровна, PhD, кандидат искусствоведения, доцент Института классического Востока и античности Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). ORCID: 0000-0002-9931-053X; E-mail: aafedorova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фёдорова А.А. Волшебный фонарь, кинематограф и их японские имена // Японские исследования. 2021. № 1. С. 64–79. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-64-79

Magic lantern, cinema, and their Japanese names

A.A. Fedorova

Abstract. This paper examines the perception of Western optics and projection technologies in Japan from the 18th through the 20th centuries, which led to the development of film, television, and other forms of media. Film was brought to Japan at the end of the 19th century and was quickly adapted to local cultural specificities. Despite the influence of traditional Japanese theater, literature, and painting, film in Japan continues to be heavily associated with the cultural and aesthetic influence of the West. Japan's introduction to film was preceded by its encounters with the telescope, microscope, camera obscura, magic lantern, and other Western technologies. The circulation of these devices contributed to the formation of an associative link between the West, the improvement of vision, and the mechanization of optics, which affected Japan's perception of cinema. The magic lantern (which became widespread in Europe in the 18th and 19th centuries and laid the foundation for the development of the majority of contemporary projection devices) was brought to Japan twice: in the second half of the 18th century (through Nagasaki), and after the Meiji Restoration (1868), when the politics of Westernization were adopted. The magic lantern of the Edo period, known as *utsushi-e*, was regarded as a mass spectacle, an element of low, urban entertainment culture, while *gentō* (imported during the Meiji era) was actively employed by the authorities for educational and propaganda purposes. Japanese film has inherited much from both of these media, including their terminology. The Japanese kanji *sha* (*utsusu*) used in the word *utsushi-e* can be found in the term *katsudō shashin*, used in the 1900s and early 1910s to denote cinema. The term *eiga*, which replaced *katsudō shashin* by the late 1910s and early 1920s, was initially used to denote glass slides for the projection of *gentō*. This paper traces the major milestones in the development of Japanese *laterna magica*, analyzes its influence on the formation of specific terminology as well as on the social status of film in Japan, and indicates further prospects for studying Japanese media in the context of its interactions with the “culture of seeing” generally associated with the West.

Keywords: Japanese film, magic lantern, *utsushi-e*, mass culture, optics, Japanese animation, Meiji restoration, cultural dialogue, Japan and the West.

Author: Fedorova Anastasia A., PhD, Associate Professor at the Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, National research university “Higher school of economics” (HSE University) (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9931-053X;

E-mail: aafedorova@hse.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Fedorova A.A. (2021). Volshebnyy fonar', kinematograf i ikh yaponskiye imena [Magic lantern, cinema, and their Japanese names]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 1, 64–79. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-64-79

В 2009 г. короткометражный немой фильм «Любование кленовыми листьями» (*Момидзигари*, 1899) был зарегистрирован как объект «важного культурного достояния Японии» (*дзюё: бункадзай*). Кинопроизведение получило подобный статус впервые. В отличие от других короткометражных фильмов, снятых в Японии на рубеже XIX–XX вв. выходцами из Европы, фильм «Любование кленовыми листьями» был создан японцами, что позволяет считать его точкой отсчета в истории *национального* кинематографа¹. В фильме «Любование кленовыми листьями» запечатлены сцены из одноименной пьесы театра Кабуки, которая в свою очередь заимствовала сюжет из репертуара театра Но. Главные роли в фильме исполнили знаменитые театральные актеры Итикава Дандзю:ро: IX (1838–1903) и Оноэ Кикугоро: V (1844–1903), что придает картине особую хроникальную ценность. Правда, Дандзю:ро: IX противился демонстрации фильма под предлогом непреодолимой антипатии к кино. На съёмки он согласился при условии, что на большом экране картина окажется только после его смерти [Tanaka 1980, p. 66–69]. В 1903 г. оба знаменитых актёра, участвовавших в съёмке, умерли. То обстоятельство, что фильм несколько лет не показывали публике, пошло на пользу качеству сохранившейся киноплёнки. Парадоксальным образом, первый японский фильм сохранился отчасти благодаря *недоверию* к кинематографу как таковому, которое выказал выдающийся мастер традиционного японского театра.

Закон об охране культурного наследия страны (*Бункадзай хого хо:*) появился в Японии в 1950 г., но вплоть до 2009 г. он применялся в отношении традиционных видов искусства и памятников архитектуры. Завезённый в Японию из-за рубежа кинематограф долгое время не воспринимался как «национальное достояние». Как и многие другие технологии, привнесённые в Японию извне, кино быстро приспособилось к культурным особенностям страны (многочисленные заимствования из репертуара театра Кабуки, использование актёров *оннагата* и специальных декламаторов немого кино *бэнси*), но этого оказалось недостаточно. В годы Пятнадцатилетней войны на страницах японских газет и журналов не раз поднимался вопрос о неблагонадёжности кинематографа, изобретённого на Западе, а потому не способного правильно передать японскую национальную идею [Gerow 2009]. Проблематичным представлялось даже не содержание фильмов или же их стилистика, а сам киноаппарат, воспринимавшийся как символ культурного и технологического превосходства Запада. Цель нашей статьи – указать на истоки формирования подобных взглядов, зародившихся в Японии задолго до изобретения кино и по-прежнему сохраняющих актуальность (пример тому – очевидно запоздалое решение властей о включении фильма «Любование кленовыми листьями» в перечень особо важных культурных объектов Японии).

Встрече японцев с киноаппаратом предшествовало их знакомство с телескопом, фотоаппаратом, микроскопом, камерой-обскурой, другими оптическими и проекционными аппаратами [Screech 1996]. Распространение этих приборов способствовало установлению в Японии ассоциативной связи между странами Запада и процессами механизации оптики, усовершенствованием методов видения, что в свою очередь повлияло на специфику восприятия кинематографа. Наиболее заметную роль в этом отношении сыграл волшебный фонарь (*laterna magica*), техническим усовершенствованием которого является большинство существующих сегодня проекционных аппаратов, начиная с *синематографа* братьев

¹ Режиссёром и оператором фильма «Любование кленовыми листьями» был Сибата Цунэкити (1850–1929) – опытный фотограф и постоянный клиент токийского магазина фототехники «Кониси хонтэн» (в будущем – компания Konica), здесь впервые в Японии стали продавать кинокамеры.

Люмьер. В Японии родство кинематографа с волшебным фонарём было осознано на уровне лексической преемственности терминов. Слова, заимствованные из терминологии волшебного фонаря, имели смысловую и эмоциональную нагрузку, которая в значительной степени повлияла на формирование социального статуса кино в Японии. Холодность, с которой относится к кинематографу японский истеблишмент, отмечалась исследователями и ранее [Kawashima 2016]. В нашей статье причины такого предвзятого отношения будут рассмотрены в контексте исторического взаимодействия Японии с технологиями и культурно-эстетическими традициями Запада, что поможет пролить свет и на другие особенности развития японского кино.

Письменные источники эпохи Эдо (1603–1868) изобилуют упоминаниями об оптических приборах, завезённых в Японию благодаря её торговым отношениям с Голландией. О западном происхождении этих приборов можно судить по их названиям. Телескоп, который сегодня известен как *бо:энкё*: (буквально – линзы для смотрения в даль), когда-то называли «голландским зеркалом» (*оранда кагами*). Были также «голландские» и «западные» линзы для глаз (*сэйё: мэганэ*, или *оранда мэганэ*), и это не очки, хотя сегодня словом *мэганэ* обозначают именно их. (Очки конечно же и сами по себе являются приспособлениями для коррекции зрения, завезёнными в Японию из Европы. Предание гласит о том, что первые очки в Японии появились в 1551 г., когда испанец Франциск Ксаверий преподнёс их в качестве подарка О:ути Ёситака, правителю провинции Суо [Shirayama 1990].) Голландскими линзами (*оранда мэганэ*) называли оптическое устройство, при наведении которого на двухмерное изображение (картинки *мэганэ-э* или *каракури-э*), создавалась иллюзия объёмности. Термин *сэйё: мэганэ* (западные линзы) вошёл в употребление уже после реставрации Мэйдзи, обозначая уличное представление, известное также как «машинка, куда заглядывают» (*нодзоки-каракури*). Это был ковчег на колесах, в деревянном корпусе которого имелись снабжённые выпуклыми линзами отверстия – через них зрители рассматривали иллюзии трёхмерных изображений, а сказители *ко:дзё:си* сопровождали зрелище комментарием. В отличие от представлений театра Кабуки, предназначенных для коллективного зрителя, опыт восприятия оптических иллюзий через «западные линзы» носил индивидуальный характер, что сравнимо с *кинетоскопом* Томаса Эдисона. *Кинетоскоп* Эдисона предназначался для воспроизведения движущегося изображения (в этом он похож на *синематограф* братьев Люмьер), но рассматривать движущиеся картинки Эдисона нужно было через специальный окуляр на крышке деревянного короба, внутри которого находилась киноплёнка.

Изобретение Эдисона было представлено японской публике в ноябре 1896 г., но будущее кинематографа оказалось за коллективными просмотрами – они обладали большим эмоциональным воздействием и коммерческим потенциалом. Не желая отставать от французских конкурентов (первый коммерческий показ синематографа братьев Люмьер состоялся в декабре 1895 г.), Эдисон разработал свою версию проекционного аппарата, который получил название *витаскоп* и был представлен японским зрителям практически одновременно с люмьеровским *синематографом* – в феврале 1897 г. [Tsukada 1980]. Сначала наименования западных изобретений транскрибировались в газетах с использованием азбуки *катакана*, но вскоре на смену труднопроизносимым терминам, заимствованным из европейских языков, приходят японские – из арсенала слов, связанных с волшебным фонарём.

Наиболее распространенным термином для обозначения кинематографа в начале века становится словосочетание *кацудо*: *сясин* 活動写真, что можно перевести как «движущиеся картинки». Японские исследователи отмечают также использование терминов *сясин* 写真, *сясин-га* 写真画 и *уцуси-э* 写し絵. Слово *сясин* в современном японском языке означает фотографию, и в сочетании с иероглифом 画 (рисунок, изображение) ныне практически не используется. Во второй половине XIX в., незадолго до появления кинематографа, словосочетание *сясин-га* использовалось для обозначения картин и гравюр, имитирующих реалистическую стилистику фотоизображения, или же фотографий, документирующих произведения живописи [Kinoshita 1996]. Термин *уцуси-э* наиболее наглядно демонстрирует связь раннего кинематографа с волшебным фонарём. Словосочетание *уцуси-э* может использоваться для обозначения театра теней (иначе он называется *кагэ-э* 影絵), или же для примитивных техник копирования (через тонкую прозрачную бумагу наподобие кальки), но в первую очередь *уцуси-э* – это демонстрация волшебного фонаря, весьма популярного в Японии эпохи Эдо. Таким образом, иероглиф 写 *уцусу*, что значит «подражать, в точности копировать», вошёл в первые названия кинематографа по аналогии с волшебным фонарём.

В самих японских именах для кинематографа мы можем уловить отрицание его творческого потенциала и оригинальности. Позже японские режиссёры и кинокритики будут пытаться разрушить миф о технической, нехудожественной природе кино: через эксперименты с монтажом и мизансценой, а также попытки «переименовать» сам объект дискуссии. Парадоксальным образом поиски нового имени вновь приведут их к терминологии волшебного фонаря: так войдет в обиход используемое и поныне слово *эйга* 映画. Важно заметить, что слово *сясин* 写真, используемое в начале 1900-х годов для обозначения кинематографа, ассоциировалось не только с механическим воспроизведением действительности, но и с присутствием Запада. Можно даже сказать, что обе ассоциации были в равной мере значимы. До изобретения фотографии (1839) и проникновения этой технологии в Японию (1848) слово *сясин* использовалось для обозначения живописи западного образца, реалистичность которой поражала японцев [Kinoshita 1996]. Художник и гравёр Сиба Ко:кан (1738–1818), одним из первых в Японии освоивший приёмы западной живописи, в том числе перспективу, считал отличительной особенностью западных картин *отсутствие следов кисти* – а значит, отсутствие следов творческой работы художника. «В отличие от японской и китайской живописи, голландские картины (*ранга*) не несут в себе ни закона кисти (*хиппо*: 筆法), ни энергии (*хиссэй* 筆勢), ни мысли (*хицуи* 筆意)» – писал в своих заметках Сиба Ко:кан [Shiba 1992–1994, 52]. Не эта ли потребность в знаках авторского присутствия, которого якобы были лишены западные механизированные виды искусства, заставляла японских кинематографистов 1920-х – начала 1930-х гг. перегружать кадр деталями и усложнять монтажные переходы? Визуальную избыточность японского кинематографа 1925–1945 гг. американский исследователь Дэйвид Бордвэлл называет «декоративным стилем» (*decorative style*) [Bordwell 1995].

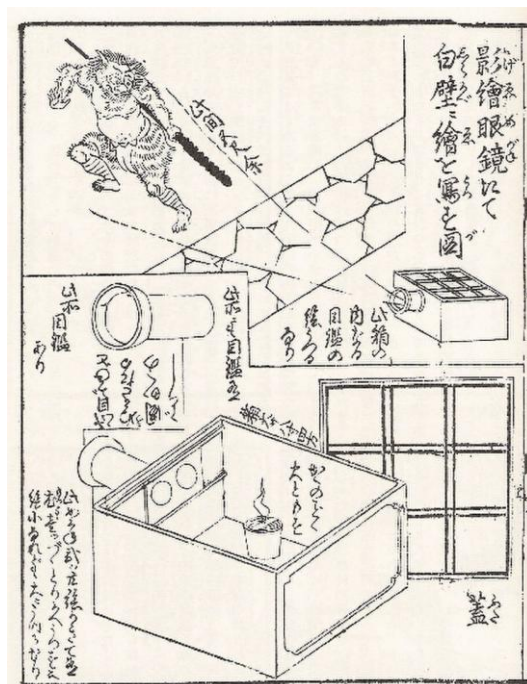
Кинематограф Японии развивался в непрерывной борьбе за повышение своего социального статуса. Японские кинематографисты и кинокритики вновь и вновь сталкивались с необходимостью доказывать культурно-эстетический потенциал своей работы, что зачастую было связано с общественными предубеждениями, унаследованными от эпохи Эдо. Исследование британского учёного Таймона Скрича, посвящённое рецепции

технических разработок Запада в Японии XVIII – первой половины XIX в., указывают на отсутствие в домэйдзийской Японии общественного запроса на научное осмысление западных технологий и поиски их практического применения. Знакомство с техническими разработками Запада во второй половине эпохи Эдо не оказало заметного влияния на развитие точных наук в Японии [Screech 1996]. Оптико-механические приборы европейского производства, к которым можно отнести и волшебный фонарь, числились под общей рубрикой «странные изделия» (*кики* 奇機), и прежде всего являлись объектами любопытства, которое в свою очередь коммерциализировалось – «странные изделия» демонстрировались публике. Если в Европе волшебный фонарь довольно быстро был адаптирован для использования в педагогических, исследовательских и пропагандистских целях, в Японии это произошло только в 1874 г., когда вернувшийся после стажировки в Америке и Великобритании будущий педагог и государственный деятель Тэдзима Сэйити (1850–1918) «повторно» завёз в Японию проекционный аппарат. Хотя первое знакомство произошло ещё во второй половине XVIII в., тогда получивший название *уцуси-э* волшебный фонарь воспринимался исключительно как разновидность уличной забавы *мисэмоно* (в этом же контексте будет восприниматься на рубеже XIX–XX вв. кинематограф). Новый дидактико-просветительский статус проекционного аппарата во многом был заслугой Тэдзима, который долгие годы совмещал преподавательскую деятельность с работой в Министерстве образования Японии. Проекционный аппарат обрёл и новое имя – вместо слова *уцуси-э*, ассоциируемого с низовой, развлекательной культурой, стали употреблять слово *гэнто*: 幻灯, что является дословным переводом европейского термина *laterna magica* (幻 – иллюзия, иллюзорный; 灯 – фонарь). Своё первое наименование кинематограф Японии (*кацудо*: 映写機) получил не от волшебного фонаря (*гэнто*:) эпохи Мэйдзи, а от его предшественника (*уцуси-э*) эпохи Эдо. Вместе с этим именем кино унаследовало имидж массового развлекательного зрелища для необразованных слоёв и детей, что вызывало недоверие властей и интеллектуалов.

Первое упоминание о волшебном фонаре в японских письменных источниках датируется 1779 г. В пособии для начинающих фокусников «Исчерпывающие сведения о *тэнгу*» (*Тэнгу-цу*:) рассказывается о проекционном аппарате *кагэ-э мэганэ* 影絵目鏡, доступном для приобретения в одной из торговых лавок города Осака [Yamamoto 1988, pp. 138–139]. Поскольку секреты ремесла старались держать в тайне, имеющиеся в этой брошюре рисунки волшебного фонаря детальные, но не проясняют принципа действия аппарата.

О демонстрации волшебного фонаря в Эдо сохранилось свидетельство, будто бы в 1801 г. В районе Уэно Хироко:дзи демонстрировался проекционный аппарат *экиман кагами*. Название отсылает к европейской фамилии Эйкман, однако поскольку упоминания волшебного фонаря встречаются в японских источниках и несколькими десятилетиями ранее, исследователи склонны считать, что этот «фонарь Эйкмана» был изготовлен по западным образцам в Японии [Matsumoto 2012]. Вероятно, «иноземное» название аппарата служило рекламным целям. Даже на картинках упомянутой уже брошюры для фокусников (1779) изображён не распространённый в Европе XVII–XVIII вв. проекционный аппарат с металлическим корпусом, а его японская модификация, изготовленная из дерева. Скорее всего, деревянным был и «фонарь Эйкмана», вдохновивший на дальнейшие

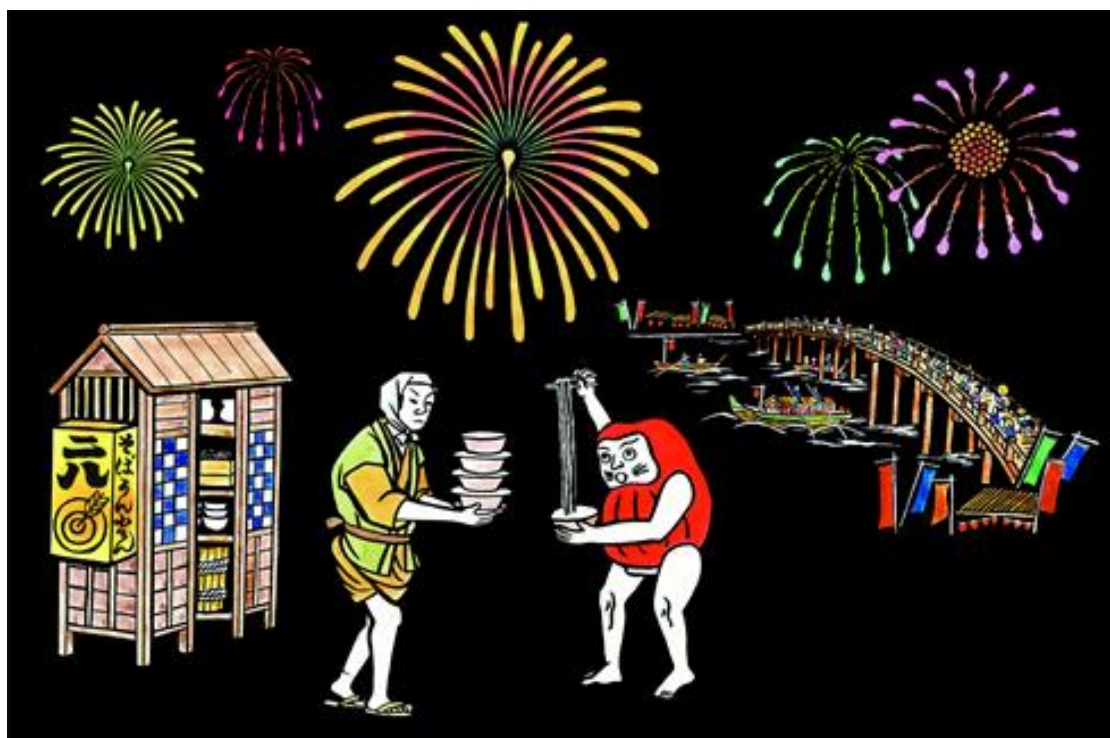
усовершенствования аппарата молодого красильщика тканей Камэя Кумакичи, а также его друга Такахаси Гэнъё:, происходившего из семьи врачей-голландоведов.

Брошюра «Исчерпывающие сведения
о тэнгу» (Тэнгу-цзю:, 1779).

В 1803 г. в чайном доме «Касугаи-тэй», расположенном в районе Усигомэ-Кагурадзака, Камэя организовал свой первый коммерческий показ волшебного фонаря, которому дал наименование *уцуси-э*. Камэя использовал оригинальный метод нанесения рисунка на стеклянные слайды *танэита* (種板), а также разработал механизм, позволяющий проецируемым на экране рисованным персонажам совершать простые движения, менять выражение лица, неожиданно исчезать и появляться. Иллюзия движения создавалась посредством наложения нескольких слайдов, их смещения и перестановки, которые осуществлялись по принципу, напоминающему манипуляции кукловода в театре марионеток – японские слайды были снабжены тонкими нитями, при помощи которых мастер *уцуси-э* контролировал движение проецируемых на экране персонажей и предметов.

Японский волшебный фонарь обладал большей подвижностью, чем его западные аналоги, что было связано с лёгкостью используемого в Японии материала – дерева. По аналогии с деревянной бочкой для горячей ванны, деревянную основу для волшебного фонаря называли *фуру*. Во время показа *уцуси-э* было, как правило, задействовано несколько проекционных аппаратов; все они проецировали разные картинки, которые могли перемещаться и взаимодействовать друг с другом на экране благодаря подвижности мастера, управляющего зрелищем. То приближая проекционный аппарат к экрану, то удаляя, мастера *уцуси-э* меняли размер проецируемого изображения – цветной картинки. Яркость и многоцветие отличали картинки волшебного фонаря эпохи Эдо – отсюда возникновение термина *нисики кагэ-э* 錦影絵 (так называли волшебный фонарь эпохи Эдо в регионе Кансай), где слово *нисики* означает шёлковую узорчатую ткань.

Проекция *уцуси-э*. «Дарума ёбанаси» – юмористический рассказ об ожившей кукле *дарума*.

Слайд изготовлен группой «Минва-дза».

Попытки «оживить» проецируемые волшебным фонарём статичные картинки предпринимались и в Европе, но к большому успеху не привели – тяжёлый металлический каркас волшебного фонаря нужно было устанавливать на специальные рельсы. Гораздо более изобретательным и разнообразным оказалось использование подвижного волшебного фонаря в Японии. Неудивительно, что некоторые видят в этом зрелище истоки современной японской анимации. «Приёмы увеличения и наложения, затемнения *fade in* и *fade out* активно использовались волшебным фонарём, во многом предвещая развитие современного киноискусства. Цветная анимация в широкоэкранном формате была создана руками горожан эпохи Эдо, и это не может не удивлять. Наш пример – самый ранний в мире, первую страницу в истории анимации бесспорно занимает *уцуси-э*», – писал в 1988 году Ямамото Кэйити, один из первых в Японии исследователей, обративших внимание на волшебный фонарь [Yamamoto 1988, p. 148].

Участники коллектива «Нисики-кагэ-э: Икэдагуми».

Основатель коллективов «Минва-дза» и «Эдо уцуси-э сятю:» Ямагата Фумио с изготовленным из дерева проекционным аппаратом *фуро*.

Сегодня существует несколько творческих коллективов, деятельность которых направлена на сохранение и популяризацию традиционного зрелища *уцуси-э*. В Осака с 2004 г. действует коллектив «Нисики-кагэ-э: Икэда гуми», участники которого используют

для демонстрации слайдов аппаратуру, в точности повторяющую устройство и технические характеристики старинных образцов, однако созданную из более современных и прочных материалов. В Осака также продолжают свою деятельность ученики Кацура Бэйтё: (1925–2015) – знаменитого комика, мастера устного сказа *ракуго*, обладателя титула «живого национального сокровища» Японии (*нингэн кокухо*), долгое время считавшегося единственным хранителем традиции волшебного фонаря. В своих представлениях ученики Кацура Бэйтё: используют старинную проекционную аппаратуру и поэтому выступают довольно редко, но если во время представления техника всё-таки даёт сбой, то это тут же становится объектом шутки, обыгрывается в стиле юмористических рассказов *ракуго* [Kusahara 1999–2009]. В 2019 г. в Токио появилась ещё одна театральная труппа – «Эдо уцуси-э сятю:». Её лидером стал Ямагата Фумио (1937 г. рождения), известный также под псевдонимом Сацумакома Ханатаю: III. В 1968 году, в разгар студенческих волнений, когда представители творческой интеллигенции возлагали большие надежды на то, что японский театральный авангард получит новый стимул от традиционных сценических искусств [Desser 1988, pp. 171–191], Ямагата основал кукольный театр «Минва-дза», и в начале 1990-х годов этот коллектив начал экспериментировать с показами *уцуси-э*. Важный вклад в возрождение японского волшебного фонаря внёс также кукольный театр «Ю:ки-дза» (結城座), история возникновения которого уходит корнями в эпоху Эдо (по некоторым данным, труппа была создана в 1635 г.). В XIX в. представления «Ю:ки-дза» проводились на воде – красочные картинки проецировались на бумажные экраны, установленные на прогулочных лодках *якатабунэ*, отражаясь в реках и каналах Токио. Большая часть аппаратуры и слайдов «Юки-дза» погибла во время Великого землетрясения Канто (1923), лишь в 1972 году театру удалось возобновить свои фирменные выступления с использованием волшебного фонаря [Yūki-za 2002–2015].

В конце 1980-х годов в солидных издательствах было опубликовано несколько исследований, посвящённых развитию волшебного фонаря в Японии [Kobayashi 1987; Yamamoto 1988], но несмотря на научный интерес к зрелищу, для большинства японцев эдоское развлечение *уцуси-э* продолжало оставаться чем-то далёким. Рост массового интереса к традиционным практикам демонстрации волшебного фонаря пришёлся на начало 2000-х годов, совпав не только с распространением интернета и цифровых методов производства и потребления медиа-контента, но и с феноменальным международным успехом японской анимации. Большинство творческих коллективов, упомянутых выше, пропагандируют волшебный фонарь в качестве *родоначальника* современной японской анимации (*нихон анимэ но гэнтэн*) – такая формулировка встречается в рекламных памфлетах и новостных публикациях [Nihon Keizai Shimbun 2018; Yonehara 2019; Mainichi Shimbun 2020].

Успех японской анимации позволил волшебному фонарю *уцуси-э* расширить свою зрительскую базу, приобрести более современный и международный статус. Отсылки к этому виду массового искусства несут определённую выгоду и для японской анимации, позволяя ей называть себя искусством с многовековой историей и ярко выраженной национальной спецификой. Однако у японской анимации было много других предшественников, гораздо более давних и «японских», чем волшебный фонарь – тут можно вспомнить и средневековые иллюстрированные свитки *эмаки*, и рукописные иллюстрированные книги *нараэхон* (эпоха Муромати), и массово издававшиеся

ксилографическим способом в эпоху Эдо книги-картинки жанра *кибё:си* и *гокан*. Оказавшись в Японии, европейский волшебный фонарь, претерпел ряд технических трансформаций, но продолжал считаться западным заимствованием. В 1930-х – начале 1940-х годов японские искусствоведы и кинокритики, озабоченные поисками особой «японской» киновыразительности, разработали традиционалистские подходы, объявляющие кинематограф частью культурно-исторической традиции Японии через его сближение с эстетикой иллюстрированных свитков *эмаки* и поэзией «нанизанных строф» *рэнга* [Фёдорова 2018, 34–48]. Отсылка к волшебному фонарю в теориях японских традиционалистов мы не находим, ведь его западное происхождение противоречило идеалам «чистого» национального стиля.

При желании традиционалисты вполне могли бы обнаружить интересующую их «национальную» специфику. Она отразилась в усовершенствованиях аппаратуры, используемой в Японии для демонстрации волшебного фонаря, в репертуаре, часто заимствованном из популярных пьес Кабуки и кукольного театра Дзёрури, а также в особом звуковом сопровождении. В отличие от европейских стран, в Японии эпохи Эдо демонстрация волшебного фонаря акцентировала внимание зрителя не только на содержании устного комментария, но в большой степени на его эмотивных качествах, тембре голоса и модуляциях, сочетании с музыкой. Музыкальное сопровождение исчезло из показов волшебного фонаря лишь в эпоху Мэйдзи, когда он был принят правительством на вооружение как эффективное орудие просвещения и пропаганды.

«Традиционно японским» и не похожим на европейский был также экран, на который проецировались картинки *уцуси-э*. Экран для демонстрации изображений был не квадратным, как на Западе, а имел форму вытянутого в горизонтальном направлении прямоугольника (Ямамото сравнивает японский волшебный фонарь с широкоэкранным кинематографом). Такая форма экрана была связана с мобильностью деревянных проекционных аппаратов *фуру*, эффективное управление которыми требовало достаточного пространства на поверхности экрана. Исследователь Ивамото Кэндзи отмечает также разницу в манере нанесения рисунков на слайды – европейские художники стремились раскрасить «кадр» целиком, включая фон, а японские мастера, наоборот, старались как можно больше пространства оставить «не тронутым» [Iwamoto 2002, pp. 100–107].

Как ни странно, эти особенности не нашли отражения в традиционалистских теориях 1930-х – 1940-х гг. Нежелание японских искусствоведов и кинокритиков видеть в *уцуси-э* объект научного анализа в очередной раз свидетельствует о низовом статусе этого массового развлечения. Новейшие данные о репертуаре волшебного фонаря эпохи Эдо частично объясняют это отношение – картинки *уцуси-э* нередко носили вульгарный, эротический характер. [Matsumoto 2012, pp. 95–97]. Апеллируя к традиционным видам искусства, сложившимся до открытия страны Западу, японские теоретики 1930-х – 1940-х гг., в сущности, были солидарны с движением «за чистый кинематограф» (*дзюн эйга гэки ундо*), которое было направлено на повышение социального статуса кино как искусства. Возникшее на рубеже 1910-х – 1920-х гг. движение «за чистый кинематограф» призывало японских кинематографистов принять европейскую модель развития – это подразумевало внедрение новых техник монтажа, активное использование интертитров, отказ от актеров-мужчин *оннагата* и декламаторов немого кино *бэнси*. Традиционалистские теории кино 1930-х – 1940-х гг., напротив, стремились выдвинуть альтернативу Западу. Однако обращение к

культурному наследию Японии, или же наоборот, к передовым достижениям Запада, представляет собой два разнонаправленных метода решения одной проблемы, связанной с необходимостью повысить низкий статус кинематографа и тем самым оправдать использование кино в целях государственной пропаганды.

Вновь ставший актуальным в эпоху Мэйдзи волшебный фонарь *гэнто*: использовался в первую очередь в дидактических целях. В каталогах слайдов для фонаря *гэнто*: мы находим следующие рубрики: география, история, астрономия, природные явления, анатомия человека, гигиена, жизнь флоры и фауны, архитектура, портреты японских и западных знаменитостей, пейзажи японских и зарубежных достопримечательностей, и так далее [Iwamoto 2002, p. 141]. Волшебный фонарь *гэнто*: использовался для освещения военных действий в Китае (1894–1895), а также во время Русско-японской войны (1904–1905). Слайды, используемые во время демонстрации *гэнто*., назывались *эйга* 映画, то есть – проецируемые картины. Сегодня это слово используется в Японии для обозначения кинематографа. Важную роль в укоренении этого термина сыграли участники движения «за чистый кинематограф». Использование волшебного фонаря в дидактико-просветительских целях, признание и поддержка, оказанные ему со стороны правительства, модус демонстрации слайдов *эйга* (отказ от музыкального сопровождения, присущего *уцуси-э*) и их новое содержание соответствовали представлениям молодых реформаторов о том, как должен развиваться кинематограф в Японии. Кроме того, термин *эйга* частично компенсировал отрицательные коннотации подражательства, примитивного копирования, отсутствия авторского начала, присущие иероглифу 写 (*уцусу*) в предшествовавшем названии *уцуси-э*. Иероглиф 映 в слове *эйга* тоже можно прочесть как *уцусу* (иероглифическое сочетание 映画 даже читалось иногда как *уцуси-э*), но тут иное – это скорее «проявление» или же «проецирование». Под этим подразумевается не только копирование, но и выявление каких-то новых качеств исходного материала. Иероглиф 画, как и иероглиф 絵 (используемый для обозначения слова *уцуси-э*), означает картину, рисунок, изображение, но относится к более высокому стилю речи (художник по-японски *гака* 画家, просторечный синоним этого слова – *эаки* 絵描).

Как отмечает японский исследователь Тиба Нобуо, распространение термина *эйга* на страницах японских газет и журналов впервые становится заметным в начале 1910-х годов. Тиба связывает такие изменения с трансформацией самих фильмов и проистекающей из этого необходимостью поиска нового адекватного термина для обозначения кино (уход раннего кинематографа от эстетики «аттракциона» к сюжетообразующим повествовательным формам в большинстве стран мира датируется 1908–1912 гг.). В Японии эти изменения совпали с кончиной императора Мэйдзи (1852–1912). Год его смерти стал знаковым в истории японского кинематографа – именно тогда газета «Асахи» опубликовала ряд критических статей, обличающих кино в негативном, «гипнотическом» влиянии на зрителей [Gerow 2010]. Дискурс о вредности кинематографа создал необходимость его более тщательного изучения. Чем отличается кинематограф от литературы, театра, других массовых развлечений? Что делает его более опасным (эффективным) в сравнении с другими, традиционными способами передачи информации? Поиски ответов на эти вопросы дали толчок к становлению киножурналистики в Японии и предопределили курс её дальнейшего развития. Условия, в которых впервые возник общественный интерес к кинематографу,

вынуждали японских журналистов и кинокритиков постоянно оправдывать кинематограф, указывая на его положительные качества, в том числе – на просветительский потенциал. Неудивительно, что в эти годы кинокритики стали обращаться к термину *эйга*.

Распространение названия *эйга* для кино связывают с «западными» устремлениями приверженцев движения «за чистый кинематограф», однако важно понимать, что ассоциативная связь термина *эйга* с Западом (и вытекающий отсюда комплекс неполноценности японского кинематографа, неверие в то, что японские фильмы могут успешно конкурировать с европейскими) возникли уже как *следствие* успехов движения «за чистый кинематограф». Вопреки утверждениям некоторых исследователей слово *эйга* никогда не использовалось только для обозначения западного кинематографа – исследование японской периодики 1910-х годов, проведённое Тиба Нобуо, свидетельствует о частом употреблении термина *эйга* в отношении японских фильмов. Укоренение нового термина совпало по времени с реформами, включавшими активное усвоение западных техник киновыразительности, что безусловно способствовало усилению ассоциативной связи между словом *эйга* и Западом. Связь эта, конечно же, была обусловлена и репертуаром волшебного фонаря в эпоху Мэйдзи (многие слайды знакомили зрителей с культурными и техническими достижениями стран Запада). Стоит также указать на фонетическое созвучие терминов *эйга* (кинематограф) и *эйго* (английский язык).

Начиная с 1920-х годов общепринятым термином для обозначения кино в Японии становится *эйга*, но не исчезают полностью и «движущиеся картинки» (*кацудо: сясин*). В своей статье 1973 г. Тиба Нобуо называет это слово вышедшим из употребления (*хайго*), однако это не вполне справедливо. Для многих японских режиссёров, ассоциирующих себя с коммерческим, студийным кинематографом, словосочетание *кацудо: сясин* служит ключевым термином самоопределения. Многие режиссёры 1960-х – 1970-х гг. с гордостью утверждали в своих интервью и мемуарах, что они – *кацудо:я* 活動屋 (создатели движущихся картинок), то есть, ремесленники, озабоченные в первую очередь производством массового, развлекательного кинематографа [Фёдорова 2014]. Культурно-исторический контекст, побуждавший талантливых японских режиссёров послевоенного поколения резко дистанцировать себя от «авторского», некоммерческого кинематографа, достоин отдельного исследования. В рамках нашей статьи хотелось бы обратить внимание на устойчивость ассоциаций, связанных с термином *кацудо: сясин*, и на попытки профессионалов переосмыслить эти ассоциации, придать им позитивное звучание. У слова *кацудо: сясин* сохраняется связь с низовой, массовой культурой, но теперь это представляется в положительном свете. Именуя себя ремесленниками, специалистами по производству «движущихся картин», японские режиссёры дистанцируются от термина *эйга*, который связан для них с индивидуалистским, «западным» подходом к работе в кинематографе. Термин *кацудо: сясин* становится негласным маркером «японского» экранного искусства, отвечающего запросам широкого японского зрителя и не отягощённого необходимостью соответствовать западным стандартам. При этом из коллективной памяти всё больше изглаживается тот факт, что термин *сясин*, происходящий от глагола *уцусу*, тоже когда-то ассоциировался преимущественно с Западом, его культурно-эстетическими кодами и художественными произведениями, которые в Японии эпохи Эдо воспринимались со знаком минус. Производные от демонстраций волшебного фонаря термины 写し絵 и 映画 в

равной мере были связаны с западным влиянием. Разница между эдоским и мэйдзийским волшебным фонарём, и соответственно, разница между обозначающими их терминами, определялась не приятием или отторжением культурно-эстетических кодов Запада, а общественным статусом этих видов медиа. Зрелище *уцуси-э* было низовым развлечением городских масс, волшебный фонарь *гэнто*: (для которого использовались слайды *эйга*) проливал свет знаний на японского зрителя *сверху*, транслируя задачи государственного строительства. Разница между двумя видами медиа была скорее классовой: в одном случае условный «народ» (он же зритель) получал возможность стихийного самовыражения в часы досуга, в другом – такой возможности лишался, становясь объектом культурной «формовки». Спекуляции на противопоставлении «традиционно японского» и «западного» значительно осложняют наше понимание процессов становления японской визуальной культуры. Там, где исследователю видится конфликт между «самобытным» и «инородным», корни проблемы могут скрываться в противостоянии классового или идеологического характера.

Изучение истории японского кинематографа с точки зрения его взаимодействия с иными формами зрелища, возникшими в результате тесного контакта Японии с Западом, лишь отчасти объясняет сохраняющееся по сей день сдержанное отношение японских властей к кинематографу. Рассуждая о неготовности Японии оказывать более активную поддержку собственному кинематографу, не стоит забывать о традиционно тесных связях киноиндустрии с японским криминальным миром, а также о проблемах расового характера – в японских анимационных фильмах расовая принадлежность героев часто нивелируется, в то время как для кинематографа этический и коммерческий аспекты этой проблемы продолжают оставаться актуальными. Эволюция волшебного фонаря и других изобретений, ассоциируемых с западной оптикой и западным взглядом, даёт материал не только для выводов, касающихся истории кинематографа Японии, но также побуждают задуматься о культуре видения, её национальной специфике и роли в формировании (пост)колониального устройства мира. Не потому ли мнение западных наблюдателей – так называемый «взгляд Запада» – было столь важно для развития современной Японии, что Запад ещё с эпохи Эдо ассоциировался в коллективном сознании японцев с позицией квалифицированного наблюдателя, обладающего технологиями усовершенствования человеческого взгляда? Насколько важны были такого рода ассоциации в становлении иных национальных кинематографов? Как меняются представления о «взгляде Запада» в связи с глобализацией кино- и медиаиндустрии, а также в связи с переходом к цифровым технологиям? Предлагает ли популярная во всем мире японская мультипликация *анимэ* некую альтернативу превалировавшим до этого моделям видения? Поиски ответов на эти вопросы укажут вектор дальнейшего изучения японской визуальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Фёдорова А.А. Кинематограф XII века: традиционалистские теории кино в Японии 1930-х – 1940-х годов // Японские исследования. 2018. № 3. С. 34–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10018

Фёдорова А.А. Окамото Кихати. Москва: Музей кино. 2014.

REFERENCES

Fedorova, A. (2014). *Okamoto Kihachi* [Okamoto Kihachi]. Moscow: Muzei kino. (In Russian).

Fedorova, A. (2018). Kinematograf XII veka: traditsionalistskie teorii kino v Yaponii 1930-kh – 1940-kh godov [12th-century Cinema: Traditionalist Film Theories in 1930s-40s Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 3, 34–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10018

* * *

Bordwell, D. (1995). Visual Style in Japanese Cinema. *Film History*, 7 (1), 5–31.

Chiba Nobuo. (1973). “Eiga” yōgo no hassei to rufu no puroseshu [Emergence and the Processes of Dissemination of the Term Eiga]. *Eiga shi kenkyū*, 1, 40–48. (In Japanese).

Desser, D. (1988). *Eros plus Massacre: An Introduction to the Japanese New Wave Cinema*. Bloomington: Indiana University Press.

Gerow, A. (2009). Narrating the Nation-ality of a Cinema: The Case of Japanese Prewar Film. In A. Tansman (ed.), *The Culture of Japanese Fascism* (pp. 185–211). Durham: Duke University Press.

Gerow, A. (2010). *Visions of Japanese Modernity: Articulations of Cinema, Nation, Spectatorship, 1895–1925*. Berkeley: University of California Press.

Iwamoto Kenji. (2002). *Gentō no seiki: eiga zen'ya no shikaku bunka shi* [Centuries of Magic Lanterns: A History of Visual Culture on the Eve of Cinema]. Tokyo: Shinwasha. (In Japanese).

Kawashima, N. (2016). Film Policy in Japan – an Isolated Species on the Verge of Extinction? *International Journal of Cultural Policy*, 22(5), 787–804.

Kinoshita Naoyuki. (1996). *Shashin-ga ron: shashin to kaiga no kekkon* [Photographic Painting: The Marriage of Photography and Painting]. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).

Kobayashi Genjirō. (1987). *Utsushi-e* [Utsushi-e]. Hachijōji: Chuō daigaku shuppanbu. (In Japanese).

Kusahara Machiko. (1999-2009). *Utsushi-e no genzai* [Utsushi-e Today]. Retrieved December 1, 2020, from http://www.f.waseda.jp/kusahara/Utsushi-e_j/Today-j.html (In Japanese).

Mainichi Shimbun. (2020, August 8). *Beichō ichimon ga keishō “nishiki-kage-e” ni tomaru shishō no ishi wakate futari ga hirō e* [Nishiki-kage-e Preserved by Late Beicho to be Performed by Two of His Young Disciples]. Retrieved December 1, 2020, from <https://mainichi.jp/articles/20200808/k00/00m/040/139000c> (In Japanese).

Matsumoto Natsuki. (2012). Shin-hakken no Edo-ki no mokusei gentō ni kansuru kōsatsu: “Utsushi-e, Nishiki-kage-e” to no hikaku o chūshin ni [The Study of the Newly Discovered Wooden Magic Lantern of the Edo Period: A Comparison with Other Japanese Magic Lanterns]. *Engeki kenkyū*, 35, 91–113. (In Japanese).

Nihon Keizai Shimbun. (2018, December 27). *Edo utsushi-e gendai ni utsusu* [Projecting Edo Utsushi-e Today]. Retrieved December 1, 2020, from <https://www.nikkei.com/article/DGKKZO39391700W8A221C1BC8000> (In Japanese).

Screech, T. (1996). *The Western Scientific Gaze and Popular Imagery in Later Edo Japan: The Lens within the Heart*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Shiba Kōkan. (1992-1994). *Shiba Kōkan Zenshū* [Collected Works of Shiba Kokan]. Tokyo: Yasaka shobō. (In Japanese).

Shirayama Sekiya. (1990). *Megane no shakai-shi* [Social History of Glasses]. Tokyo: Daiamondo-sha. (In Japanese).

Tanaka Jun'ichirō. (1980). *Nihon eiga shi hakkutsu* [The Discovery of Japanese Film History]. Tokyo: Tōjusha. (In Japanese).

Tsukada Yoshinobu. (1980). *Nihon eiga shi no kenkyū: katsudō syashin torai zengo no jijō* [A Study of Japanese Film History: The Situation of the Arrival of the Motion Picture]. Tokyo: Gendai shokan. (In Japanese).

Yamamoto Keiichi. (1988). *Edo no kage-e asobi: hikari to kage no bunka shi* [Shadow Picture Play in Edo Period: Cultural Studies in Light and Shadow]. Tokyo: Sōshisha. (In Japanese).

Yonehara Norihiko. (2019, February 24). *Nihon no anime no genten "Edo utsushi-e" shachū hataage kōen* [The Origins of Japanese Anime: "Edo Utsushi-e" Troup Gives its First Public Performance]. Asahi Shimbun Digital. Retrieved December 1, 2020, from <https://www.asahi.com/articles/photo/AS20190220003963.html> (In Japanese).

Yūki-za. (2002–2015). *Edo no shinema "utsushi-e"* [Utsushi-e – The Cinema of Edo]. Retrieved December 1, 2020, from <http://www.youkiza.jp/mamejiten/utsushie.html> (In Japanese).

Поступила в редакцию 17.12.2020

Received 17 December 2021

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи

А.Н. Мещеряков

Аннотация. В период Мэйдзи население Японии возросло с 33 млн человек до 53 млн 362 тыс. человек. Причины такого быстрого роста остаются не вполне ясными. Обычно упоминают о развитии медицины и улучшении гигиенических навыков населения, об экономическом развитии и повышении уровня жизни, об уходящей в прошлое практике инфантицида. Однако эти объяснения представляются недостаточными. В данной статье мы пытаемся более детально разобраться, чем конкретно был обусловлен демографический взрыв периода Мэйдзи. Мы предполагаем, что основным фактором увеличения населения стал рост коэффициента брачности, на что раньше не обращалось должного внимания.

Демографическая теория считает, что между традиционным типом воспроизводства (высокая рождаемость и высокая смертность) и современным (низкая рождаемость и низкая смертность) существует промежуточный этап. Он характеризуется уменьшением смертности, при которой рождаемость остается какое-то время высокой. Это и приводит к ускорению прироста населения. Однако японский исторический опыт свидетельствует, что эта теория, разработанная прежде всего на европейском материале, оказывается применима к Японии лишь с существенными оговорками: значимый рост населения начинается во вторую половину периода Мэйдзи в условиях, когда уровень смертности ещё не падает. Он начинает опускаться только со второй половины 1920-х годов, то есть рост рождаемости **предшествовал** уменьшению смертности. Только после этого мы наблюдаем синхронное понижение как смертности, так и рождаемости. Таким образом, в течение полувека японская практика «игнорировала» западную теорию.

Ключевые слова: Япония, период Мэйдзи, причины демографического взрыва, коэффициент брачности.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20) (адрес: Россия, Москва, 105066, Старая Басманная ул.21/4). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Демографический взрыв в Японии периода Мэйдзи // Японские исследования. 2021. № 1. С. 80–100. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

Demographic explosion in Meiji Japan

A.N. Meshcheryakov

Abstract. During the Meiji period, the population of Japan increased from 33 million to 53 million 362 thousand people. The reasons for this rapid growth remain unclear. Usually, scholars mention the development of medicine and the improvement of the hygienic skills of the population, economic development, an increase in the standard of living, the reduction of infanticide. However, these explanations appear to be insufficient. In this article, I am trying to understand in more detail what exactly caused the population explosion of the Meiji period. I conclude that the main factor contributing to the increase of the population was the growth of the marriage rate, which was not paid due attention to before.

The demographic theory believes that there is an intermediate stage between the traditional type of reproduction (high fertility and high mortality) and the modern (low fertility and low mortality). It is characterized by a decrease in mortality, while the birth rate remains high for some time. This leads to an increase of population and accelerates population growth. However, the Japanese historical experience shows that this theory, developed primarily on European sources, turns out to be applicable to Japan only with significant reservations: significant population growth begins in the second half of the Meiji period in conditions when the mortality rate has not yet dropped. It begins to decline only in the second half of the 1920s. That means that the increase in the birth rate **preceded** the decrease in mortality. Only after that do we observe a synchronous decrease in both mortality and fertility. Thus, for half a century, Japanese realities "ignored" Western theory.

Keywords: Japan, Meiji period, reasons for the population explosion, marriage rate.

Author: Meshcheryakov Alexander N., Dr. of Letters, Chief Researcher & Professor, Institute for Oriental and Classic Studies, National research university "Higher school of economics" (HSE University) (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6004-5743; E-mail: meshtorop@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Meshcheryakov A.N. (2021). Demograficheskiy vzryv v Yaponii perioda Meydzi [Demographic explosion in Meiji Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 80–100. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-80-100

В период Мэйдзи (1868–1912) Япония вступила на путь модернизации (вестернизации). Стремительные изменения коснулись всех сторон жизни, и демографическая ситуация не оказалась исключением. Историко-культурным трансформациям этого времени посвящено огромное количество исследований. Однако демографические процессы периода Мэйдзи изучены недостаточно. Привыкшие к точности до второго десятичного знака, «классические» демографы полагают, что только после 1920 г. – первой переписи, проведенной в соответствии с современными стандартами, – мы обладаем надежной информацией, и потому зачастую воздерживаются от изучения демографических процессов периода Мэйдзи, обречённо характеризуя усилия в этой области как «предположения» [Ольшлегер, 2008, с. 26]. Если же не воздерживаются, то тогда в фокусе часто оказываются недочёты мэйдзийской статистики, которые не позволяют выявить реальную ситуацию. Что касается «чистых» исторических

демографов, то мощная научная школа, основанная Хаями Акира, занималась и занимается по преимуществу периодом Токугава.

Однако признание сложности проблемы не избавляет историка от необходимости попытаться хоть как-то прояснить её. Применительно к периоду Мэйдзи – это, прежде всего, необходимость объяснения, по каким причинам после долгой стагнации (демографического равновесия) в период Токугава, население вдруг «очнулось» и стало демонстрировать быстрые темпы роста: за четыре десятилетия оно возросло с 33 млн человек (1872 г.) до 53 млн 362 тыс. человек (1913 г.). Такой рост принято квалифицировать как «демографический взрыв». Однако причины этого явления остаются не вполне ясными. Обычно упоминают о развитии медицины и улучшении гигиенических навыков населения, об экономическом развитии и повышении уровня жизни, об уходящей в прошлое практике инфантицида. Однако эти объяснения представляются нам недостаточными. В данной статье мы попытаемся более детально разобраться, чем конкретно был обусловлен демографический взрыв периода Мэйдзи. Мы предполагаем, что основным фактором увеличения населения стал рост коэффициента брачности, на что раньше не обращалось должного внимания.

Демографическая ситуация в период Токугава

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению периода Мэйдзи, необходимо охарактеризовать, как складывалась демографическая ситуация в предшествующий период. В XVII – первой половине XIX в. она отличалась своеобразной «чистотой»: страна была почти закрытой для въезда и совершенно закрытой для выезда. Поэтому все демографические процессы протекали в Японии автономно и независимо от внешнего мира, то есть миграции не сказывались на демографической ситуации. Кроме того, страна пребывала в мире, так что такой распространенный в мировой истории демографический фактор, как война, не оказывал влияния на динамику народонаселения.

Для XVII в. сохранились только фрагментарные данные по некоторым княжествам, и поэтому история народонаселения этого века восстанавливается только путем реконструкции, допускающей множество допущений. Наиболее распространенная и тиражируемая точка зрения, принадлежащая Хаями Акира, состоит в том, что в 1600 г. население насчитывало около 12 млн человек. Однако среди современных специалистов превалирует другая оценка: 15–17 млн [Фэррис, 2006, с. 264]. Несмотря на разницу в оценках, все исследователи сходятся на том, что XVII в. явился временем бурного демографического роста (по расчетам Хаями, 0,78 % в год), подкрепляемого активным освоением нови [Кито, 2000, с. 83].

Рост населения был обусловлен двумя главными обстоятельствами.

Вместе с основанием сёгуната Токугава междоусобным войнам был положен конец. Эти междоусобицы, обозначаемые как «период воюющих провинций» (сэнгоку дзидай), не приносили сколько-то существенных потерь на поле боя в масштабах страны – в крупных сражениях погибали сотни, значительно реже – тысячи человек [Фэррис, 2006, с. 192–196]. Однако военные действия в сильнейшей степени дезорганизовывали экономику, мобилизации отрывали крестьян от хозяйства (враждующие армии могли насчитывать несколько десятков

тысяч человек), создавали неуверенность в будущем, сужали горизонт планирования как для государства и общества, так и для каждого человека. Наступивший мир кардинально изменил ситуацию – разрушенное хозяйство стало восстанавливаться, создавая условия для роста населения.

Вторым важнейшим фактором роста населения стало существенное изменение структуры домохозяйства. Прежняя вотчинная система, основанная на сравнительно крупном частном землевладении (сёэн), уходит в прошлое. В рамках этой запутанной системы, имевшей множество локальных вариантов, вотчинник предоставлял право (зачастую через своих ленников) на земельный участок крестьянам взамен на барщину и рентные платежи. Согласно земельной переписи, инициированной Тоётоми Хидэёси в 1582 г., вотчины были окончательно упразднены. Это кардинальным образом сократило количество участников политического и военного процесса (например, крупные буддийские монастыри лишились былого влияния). Теперь фактическим собственником земельного надела становился глава крестьянского домохозяйства, расположенного в деревне на территории того или иного княжества. В качестве налоговой единицы выступала деревня, внутри которой сама община определяла налоговое бремя каждого двора (о податной системе при Токугава см. [Филиппов А.В., 2010]). Введение новой системы кардинально упрощало процедуру сбора налогов.

Реформа землепользования имела далеко идущие социальные последствия. В рамках прежней системы крестьянское домохозяйство составляли не только родственники, но и зависимые, холопы, батраки (рэйдзоку, наго, гэннин). Эти люди либо поздно вступали в брак, либо оставались бессемейными всю жизнь. С укоренением мелкого землепользования холопы сделались не нужны и даже обременительны в силу малых размеров предоставляемых участков. Эти люди стали выделяться в самостоятельные домохозяйства, что значительно увеличило количество браков и, следовательно, рождаемость. В связи с этим XVII век часто определяют как время «революции браков» [Кито, 2000, с. 89–90]. Разумеется, это был постепенный процесс, но несомненным фактом остается то, что к началу XVIII в. население Японии сильно выросло. Таким образом, реформа землепользования, имевшая политические и налоговые цели, привела к совершенно незапланированным демографическим последствиям.

Рост населения не был подкреплён достаточным ростом пищевого ресурса (освоение нови под полеводство было значительным, но урожайность риса почти не изменилась) [Фэррис, 2006, с. 263], так что к концу XVII в. во многих княжествах начали вводиться меры по ограничению роста населения: запрет на въезд мигрантов из других княжеств, запрет на дробление мелких земельных участков, сопровождавшийся запретом (ограничением) на браки младших сыновей [Фэррис, 2006, с. 84].

Важным демографическим фактором для периода Токугава является также стремительный рост городов. Каждому князю предписывалось иметь только одну резиденцию, в которой он содержал свой управленческий аппарат, состоявший из самураев. Ввиду необходимости предоставления продовольствия, товаров и услуг для этого непроизводительного слоя населения возникала соответствующая инфраструктура, получал некоторое развитие рыночный сектор экономики. Таких городов, которых получили название призамковых (дзёкамати), насчитывалось более двухсот. Их население составляло около 15 % от общепонского. Ввиду угрозы

землетрясений в городах не строили высоких зданий. Тем не менее, скученность была все равно велика. В условиях антисанитарии это приводило к распространению инфекционных заболеваний. Продолжительность жизни в городах была ниже, чем в деревне, коэффициент брачности – тоже ниже. Сами самураи, как правило, вступали в брак, поскольку отсутствие наследников мужского пола приводило, согласно закону, к ликвидации данной семьи. В то же время они не были заинтересованы в бесконтрольном размножении, поскольку получали фиксированный рисовый паек. Что касается сферы городских услуг, то тут трудилось много неженатых простолюдинов. Как и европейский средневековый город, город японский не мог обеспечить простого воспроизводства населения без притока сельского населения.

Для XVIII–XIX веков мы обладаем сравнительно точной демографической статистикой, поскольку в это время стали проводиться общенациональные переписи (переписи в отдельных княжествах осуществлялись и раньше). Первая общенациональная перепись проводилась в 1721 г. в рамках так называемых «реформ годов Кёхо». Время второй – 1726 г., и с этих пор переписи проводились каждые шесть лет. Всего было проведено 22 переписи. Первичные данные собирались в княжествах, затем они сводились воедино в документе под названием «Учёт населения во всех провинциях». В этом документе для каждой провинции регистрировалось общее количество жителей, а в некоторых переписях указывалось также количество мужчин и женщин. Данные за 1738, 1810 и 1816 г. являются неполными. История токугавских переписей заканчивается 1846 годом.

Объектом переписи являлись крестьяне и горожане (торговцы и ремесленники). Обследования самураев, аристократов (*кугэ*), париев (*хинин*, *эта*), айнов не проводилось. Самураев и аристократов – в силу их привилегированного положения, париев и айнов – в связи с их низким социальным статусом. И те, и другие не платили налогов. Малолетние дети тоже часто не регистрировались. Таким образом, результаты переписей занижают фактическое население.

Согласно переписи 1721 г., в Японии проживало 26 млн 50 тыс. человек, перепись 1846 г. даёт цифру в 26 млн 840 тыс. С учётом людей, которые не подлежали переписи (считается, что это приблизительно 20 % населения), получается, что население Японии в этот период колебалось в пределах 30–32 млн человек.

По европейским понятиям население Японии было чрезвычайно большим. В начале XVIII в. население другого островного государства – Англии, сопоставимой по территории с Японией (территория тогдашней Японии была несколько больше, но следует учитывать, что её значительная часть не подлежала хозяйственному использованию ввиду горного рельефа), составляло 5,5–6 млн человек. Лишь в 1881 г. оно достигло уровня в 31 млн человек. Причина заключается прежде всего в различных способах ведения хозяйства. В отличие от Англии, в Японии практически отсутствовало скотоводство, требующее больших площадей для пастбищ и приносящее намного меньше калорий на единицу площади. Урожайность основных сельскохозяйственных культур, поставляющих калории в рацион, различалась драматически. Таким образом, пищевой потенциал Японии значительно превосходил английский. Она решала свои демографические, пищевые и иные проблемы исключительно за счёт внутренних ресурсов, в то время как демографическая история Англии немыслима без эмиграции. Однако в результате

промышленной революции динамика населения Англии, точно так же, как и других европейских стран, имела устойчивый повышающий тренд, в Японии же в течение длительного времени наблюдался «застой».

Данные переписей дают общую картину динамики народонаселения, однако, за исключением гендерного состава, в них отсутствуют другие подробности. Существенным подспорьем в этой ситуации служат списки прихожан буддийских храмов (сюмон араатамэ тэ; в дальнейшем мы обозначаем их как «храмовые списки»). Европейские проповедники христианства были изгнаны из страны в начале XVII в., само христианство находилось под строжайшим запретом. В этих условиях каждый японец должен был продемонстрировать, что не является его адептом. В качестве доказательства благонадежности требовалось свидетельство местного буддийского храма, что данный человек является его прихожанином. С 1630-х годов храмовые списки составлялись только на территориях, находившихся под непосредственным управлением сёгуната (бакуфу), но с 1671 г. стали обязательными для всех княжеств. Храмовые списки составлялись каждый год (в Киото – дважды в год) вплоть до 1871 г., когда запрет на христианство был отменён. Составлением списков занимались местные власти (в деревне – старосты деревни, в городах – квартальные старосты), но на документе требовалась печать соответствующего храма. Один экземпляр направлялся в соответствующий бюрократический орган, другой оставался в месте его составления. Для составления списков использовались сведения, предоставляемые главой домохозяйства. В окончательном виде данные были представлены с разбивкой по домохозяйствам с указанием того, в каких отношениях (родственных, наемных) состоят с главой люди, проживающие в его домохозяйстве. Обычно фиксировался и возраст прихожанина. С середины периода Токугава в некоторых княжествах храмовые списки получили и хозяйственное измерение, когда стали фиксировать не только людей, но и доходность участка земли крестьянина, количество скота и т.д.

В настоящее время обнаружено несколько десятков храмовых списков. В подавляющем большинстве они хранились в семьях деревенских старост (видимо, «на всякий случай»). Сами власти по прошествии какого-то времени эти списки уничтожали. Кроме того, следует иметь в виду, что сохранность документов в деревнях была вообще принципиально лучше, ибо они не подвергались американским бомбардировкам во время Второй мировой войны. Храмовые списки составлялись и для самураев, но этих документов сохранилось крайне мало – в значительной степени потому, что они в подавляющем большинстве проживали в городах.

С точки зрения понимания демографической ситуации, храмовые списки имеют ряд недостатков. В особенности это касается уровня детской смертности и рождаемости. Детей обычно фиксировали с 8 лет (кое-где и с 15), так что дети, умершие до этого возраста (а детская смертность была очень высокой), храмовыми списками не учитывались. Их содержание могло различаться в зависимости от места составления. В одних случаях указывался только юридический статус того или иного человека из списочного состава семьи (а он мог быть занят отходничеством и длительное время не находиться в деревне), в других случаях фиксировалось фактическое население (в него попадали наёмные работники из других деревень).

Несмотря на ряд недостатков, храмовые списки представляют собой ценнейший источник по исторической демографии, ибо позволяют судить о процессах, происходивших на

микроуровне. Японские учёные провели ряд превосходных исследований нескольких деревень, данные по которым сохранились за длительный промежуток времени. Однако в ту эпоху существовали весьма серьёзные региональные различия. В наиболее общем виде применительно к демографии они были сформулированы Хаями Акира. Для северо-восточной Японии характерны ранние браки, малое количество детей, короткий репродуктивный период, семья из трёх-четырёх поколений, малая мобильность населения. В центральной Японии наблюдаются более поздние браки, большее количество детей, длинный репродуктивный период, семья в 2–3 поколения, бóльшая мобильность (связана с наличием крупных городов, поглощавших окрестных жителей). Юго-западная часть страны в демографическом отношении напоминала центральную, но ввиду меньшего количества городов там фиксируется меньшая мобильность [Хаями, 2009, с. 20].

Региональные различия касались не только демографической или экономической ситуации, они распространялись и на особенности психического склада населения в разных регионах [Родин С.А., 2020]. В связи с большими региональными отличиями данные case studies по отдельным деревням не могут быть экстраполированы на всю страну (а зачастую и на обширный регион). Тем не менее, они формируют определённые ориентиры, которые могут быть использованы в дальнейшей работе.

На основании тщательного анализа вышеуказанных источников японские демографы пришли к определённому консенсусу, который касается основных параметров динамики народонаселения: быстрый рост в XVII в., который после 1721 г. постепенно сменяется стагнацией, а затем и убылью со скоростью 0,07 % в год вплоть до 1792 г. После достижения «дна» население начинает медленно увеличиваться вплоть до 1846 г. (0,15 % в год). В абсолютных цифрах данные соответствующих переписей дают следующие результаты: 1721 г. – 26 млн 65 тыс. человек; 1792 г. – 24 млн 890 тыс.; 1846 г. – 26 млн 908 тыс.

За время проведения переписей наблюдается рост ожидаемой продолжительности жизни. Для крестьян и горожан (без учёта самураев и париев) он выглядит следующим образом: если в XVII в. он составлял от 25 до 30 лет, то для XVIII в. – до 35 лет, а для XIX в. – более 35 лет. Этот рост был обусловлен прежде всего ростом уровня жизни и улучшением бытовых условий [Кито, 2000, с. 94]. В материальном отношении это улучшение обеспечивалось повышением урожайности за счёт интенсификации ручного труда (поголовье тяглового скота всё время уменьшалось), усовершенствованием орудий труда, использованием улучшенного посевного материала, более тщательной обработкой почвы и интенсивным внесением удобрений (помимо традиционного «зелёного» удобрения в почву стали вносить сушёную рыбу). В результате удавалось получать урожаи риса сам-50 и даже больше – самые высокие в мире [Хаями, 2009, с. 60–61]. Широкое распространение получил сбор двух урожаев (после сбора риса поля засевались другими культурами).

После 1846 г. общенациональных переписей не проводилось до 1872 г., и мы не имеем возможности судить, как менялась демографическая ситуация в этот период. Многие японские учёные склонны считать, что рост населения, начавшийся в конце XVIII в., имел долгосрочный характер и «заложил фундамент» для стремительного роста населения в период Мэйдзи [Кито, 2000, с. 86].

Последний вывод вряд ли может считаться окончательным. Действительно, данные переписей дают основания для вывода об определённом росте населения, однако заключение о его долговременности нуждается в дополнительных обоснованиях (если таковые вообще возможны). Отсутствие статистики по самураям, париям и айнам делает эту задачу ещё более трудновыполнимой. Мы придерживаемся мнения, что на протяжении XVIII – первой половины XIX в. кардинальных изменений в общей численности населения не происходило, то есть мы наблюдаем демографическое равновесие. Данные переписей о росте или убыли населения зачастую лежат в пределах статистической погрешности, принципиальных перемен в условиях жизни, которые могли бы существенно повлиять на рождаемость и смертность, не наблюдается. При этом следует помнить, что существовали как «депрессивные» регионы, так и такие, в которых население увеличивалось. Если поделить страну на три больших региона, то на северо-востоке оно уменьшалось, в центральной Японии оставалось стабильным, а на юго-западе росло. За время переписей население центральной Японии оставалось на уровне около 10,5 млн человек, на северо-востоке оно сократилось с 8 до 7 млн, а на юго-западе увеличилось с 7,5 до 9 млн человек [Хаями, 2009, с. 52, 120]. Если же говорить о ситуации в масштабах страны в целом, то она почти не менялась.

На вывод о долговременности тенденции роста населения с конца XVIII в. повлияло, как нам кажется, убеждение, что перед революцией Мэйдзи Япония уже достигла того уровня развития, который позволяет без всякого влияния извне перейти к индустриализации. За этим убеждением стоит, вероятно, подсознательная вера в то, что все общества неизбежно проходят одни и те же стадии развития. Не вдаваясь более глубоко в полемику по этой сложной проблеме, отметим несомненный факт, что именно в период Мэйдзи (точнее – во второй его половине) наблюдается стремительный рост населения.

Для сколько-то корректной интерпретации демографического подъёма следует сказать несколько слов об изменившейся методологии учёта населения. Если при сёгунате существовали социальные группы, которые не попадали под переписи, то теперь регистрации подлежали все жители Японии, включая младенцев. Теперь каждый из них получил фамилию (раньше крестьяне, парии и айны фамилий не имели) и был зарегистрирован в определённом домохозяйстве (косэки). Согласно переписи 1872 г., население Японии составило 33 млн 110 тыс. человек. Эта и все последующие переписи (вплоть до 1920 г.) плохо учитывали мигрантов, они основывались на данных домовых книг (составлялись на основе данных, предоставленных главой семьи), без прямого контакта с людьми. В связи с указанными обстоятельствами не все жители страны были учтены, и в первоначальные данные позднее были внесены поправки и стало считаться, что население Японии в 1872 г. составляло 34 млн 810 тыс. человек.

Несмотря на недостатки этой и следующих переписей, общий рост населения не вызывает сомнений. После гражданской войны, сопутствовавшей свержению сёгуната, и серии самурайских и крестьянских волнений 1870-х годов, страна вступила в период устойчивого демографического роста. Он был особенно заметен в крупных городах (Токио, Йокогама, Осака, Кобе) и северо-восточной Японии (там бурно развивалось ориентированное на экспорт шелководство, которое приносило больший доход, чем полеводство). В 1913 г. население Японии насчитывало уже 53 млн 362 тыс. человек.

Для понимания причин демографического взрыва периода Мэйдзи имеет смысл выяснить, продолжали ли «работать» в это время те факторы, которые влияли на стабильность демографической ситуации после 1721 г.

Голод

В XVIII – начале XIX в. в Японии наблюдалось существенное похолодание, что приводило к частым неурожаям. Обычно выделяют три самых крупных случая голода в период Токугава.

Голод 1733 г., случившийся в годы Кёхо, был вызван нашествием саранчи и холодами. Он поразил, в основном, Западную Японию, где в 46 княжествах собрали меньше половины обычного урожая. Однако благодаря активной помощи со стороны бакуфу (переброска продовольствия из других регионов) число погибших от голодной смерти оказалось сравнительно невелико.

Намного больший ущерб нанёс голод, случившийся в годы Тэммэй (1783–1786) в Восточной Японии. В 1783 г. произошло извержение вулкана Асама. Выбросы существенно загрязнили атмосферу, создавая преграду для солнечных лучей, и вызвали локальное похолодание. На сей раз правительственная помощь оказалась явно недостаточной, разразился голод, фиксировались случаи каннибализма. Считается, что непосредственно от голода погибло около 130 тыс. человек, а общее сокращение населения за неблагоприятные годы составило около 920 тыс. человек [Исии, 1991, с. 77].

Голод годов Тэмпо (1837–1839) случился из-за череды неурожаев, вызванных ливнями и холодами (особенно пострадал район Тохoku), на которые наложилась какая-то не идентифицированная инфекционная болезнь, сопровождавшаяся жаром и диареей. Она поражала по преимуществу горожан. В Осака она унесла около 10 % населения [Джэнсен, 2000, с. 225]. За пять лет голода и болезней население Японии сократилось на 1 млн 250 тыс. человек. Вышеприведённые цифры носят сугубо оценочный характер, но уменьшение почти на четверть рисового налога, которое получило центральное правительство [Кэмбридж, 1993, с. 119], свидетельствует о серьёзности положения.

Таким образом, природные катаклизмы и голод оказывали серьёзное влияние на демографическую ситуацию в период Токугава. Помимо прямых жертв, это сказывалось на уровне инфантицида. Кроме того, голод уменьшает сексуальную активность, предотвращает овуляцию, ведёт к повышенному количеству выкидышей, что не могло не сказываться на рождаемости.

Поскольку основной сельскохозяйственный налог (нэнгу) собирался рисом, крестьяне были вынуждены занимать под эту культуру большие площади – независимо от региона, где они проживали. Рис, безусловно, даёт в принципе бóльшие урожаи, чем другие сельскохозяйственные культуры, но поскольку он весьма чувствителен к температурным колебаниям, превращение его в подобие монокультуры тяжело сказывалось в холодные годы (особенно это касается района Тохoku). Кроме того, сравнительно небольшой срок хранения риса затруднял создание переходящих запасов. Раздробленность страны на княжества, слабое развитие колёсного транспорта (ввиду обилия горных ландшафтов) затрудняло быструю

переброску продовольствия в неблагополучные регионы. Для транспортировки рисового налога использовался речной и морской транспорт, но до пристаней и портов мешки с рисом доставлялись вьючными лошадьми или людьми. В последнем случае использовались двухколесные повозки или палка (мешок привязывался к средней части палки, которую несли два человека). В поисках спасения от голода крестьяне массово бежали в города, где создавались пункты питания, но их было недостаточно, а приток людей существенно усложнял санитарно-эпидемиологическую обстановку, что провоцировало власти на высылку пришельцев в деревню [Толстогузов С.А., 1999, с. 102–110].

В период Мэйдзи продовольственная проблема уже не стояла так остро. В середине XIX в. фиксируется окончание малого ледникового периода, что повлияло на улучшение урожайности. Налоги стали собираться деньгами, а не рисом, так что крестьяне продолжали выращивать рис только там, где это было экономически и климатически оправданно. При этом урожайность постоянно повышалась. Правительство стало поощрять выращивание менее зависимых от погодных условий культур: картофеля, тыквы, проса, гречихи. Определённое развитие получило скотоводство и производство молока. Источники питания диверсифицировались, зависимость от капризного домашнего риса уменьшилась. Япония перестала быть закрытой страной, а развитие железнодорожного и международного морского транспорта создавало возможности для быстрой доставки продовольствия из других стран (импорт риса осуществлялся из Китая, Кореи, Тайваня). Несмотря на сравнительно низкий уровень жизни японцев, проблема голода больше не оказывала непосредственного существенного влияния на демографическую ситуацию.

Инфантицид

Общепризнанно, что практика инфантицида (удушение, отлучение от материнской груди и т.д.) и искусственное стимулирование выкидышей (например, с помощью тяжелых физических нагрузок, приёма ледяных ванн или лекарств, вызывающих спазматическое сокращение матки) имели в Японии широкое распространение (в дальнейшем изложении мы будем употреблять термин инфантицид для обозначения убийства как рождённого ребенка – неонатид, так и умышленного избавления от плода). Особенно это касается северо-восточной Японии, где, согласно оценкам, в период Токугава инфантициду подвергалось около трети младенцев [Дрикслер, 2013, с. 2–4]. Избавление от нежеланных детей происходило только в первые дни после родов (до того, как ребенка относили в святилище и предьявляли богам) и обозначалось разными словами, но самым распространённым из них было «мабики» («прореживание» или «прополка»). Этот сельскохозяйственный по своему происхождению термин включает в себя как умышленные выкидыши, так и убийство новорождённых. Прибегавшие к «прополке» родители обычно объясняли своё поведение бедностью и невозможностью выкормить ребенка. При этом зачастую речь шла не об абсолютной, а относительной бедности: в рамках культуры *мабики* «прореживание» воспринималось как проявление ответственности за благополучие живых членов семьи – как детей, так и взрослых (стариков) [Фэррис, 2006, с. 247]. Имели место и другие соображения. Поскольку наследование осуществлялось в подавляющем большинстве случаев по мужской линии, среди жертв *мабики*

было больше девочек. Анализ новорождённых по половому признаку также показывает, что во многих случаях родители предпочитали чередование мальчиков и девочек. Существовало также мнение, что бесконтрольное размножение является признаком животного мира, а потому иметь много детей – «стыдно» [Дрикслер, 2013, с. 59–60]. Определённое влияние на инфантицид имело и представление о благоприятном и неблагоприятном времени для рождения. Например, существовало убеждение, что год огненной лошади (хиноэума) является неблагоприятным, что сказалось на числе рождений в соответствующие годы (резкое падение рождаемости фиксировалось ещё в 1966 г.).

В Европе инфантицид был мало распространён – прежде всего по религиозным соображениям. Детоубийство чаще всего применялось там по отношению к внебрачным детям. Первые миссионеры, посещавшие Японию в XVI – начале XVII в., подвергали это обыкновение суровой критике, однако сами носители культуры инфантицида не считали своё поведение девиантным, поскольку до предъявления младенца богам он ещё не считался «настоящим» человеком. Тем более это касается внутриутробного плода. Избавляясь от младенца, родители «возвращали» (каэсу) его богам, полагая, что он ещё вернется в мир людей в более благоприятное для него время.

В стране имелось и немало противников инфантицида (среди них было много как убеждённых буддистов, так и приверженцев конфуцианских ценностей), которые осуждали его за аморальность и обвиняли родителей в стремлении к роскошной жизни. О том, как понималась «роскошь» в то время, может свидетельствовать принятый в 1789 г. в княжестве Ёнэдзава (провинция Дэва, совр. преф. Ямагата) указ. Запрещая инфантицид, указ одновременно предписывал крестьянам отказаться от роскоши, что подразумевало: одеваться в заплатанную одежду, носить соломенные плащи и бамбуковые шляпы, не расставаться с серпом и мотыгой [Дрикслер, 2013, с. 117].

Усилия противников инфантицида имели лишь ограниченный успех. Исходя, прежде всего, из налоговых соображений, центральное правительство (бакуфу) запретило инфантицид в 1767 г. (повторный запрет датируется 1842 г.), но, как и многие другие распоряжения правительства, которое в условиях фактической децентрализации (федерализации) страны обладало весьма ограниченными полномочиями, исполнение этого указа оставляло желать лучшего и фактически ограничивалось пределами Эдо. В некоторых княжествах, где темпы сокращения населения были наиболее заметны (особенно это касается северо-востока), ввиду сокращения налоговых поступлений в конце XVIII в. были введены меры, препятствовавшие *мабики* и стимулировавшие рождаемость. К их числу относятся введение «журналов беременности» (по меньшей мере в 35 княжествах местные власти регистрировали беременных женщин, чтобы они не прибегали к «прореживанию») и выплата детских пособий (56 княжеств) [Дрикслер, 2013, с. 30]. В некоторых княжествах северо-восточной Японии главам многодетных крестьянских семей позволяли носить престижную (самурайскую) одежду, проводились и компании по привлечению невест из соседних регионов, поощрялось создание новых домохозяйств [Фэррис, 2013, с. 182].

С конца XVIII в. заметно увеличивается количество сочинений, в которых утверждается, что «прореживание» идёт вразрез с волей Неба и божеств. В этих трактатах плодovitость

населения временами увязывалась также с необходимостью обороны страны от предполагаемого иноземного вторжения. С конца XVIII в. усиливаются требования западных держав (включая Россию) «открыть» Японию для иностранцев, что воспринималось как прямая угроза режиму. Предполагалось, что для отпора нужна многочисленная армия. Особенно большую активность в обосновании необходимости увеличения населения проявляла нативистская школа «кокугаку». Один из её представителей, Судзуки Сигэтанэ (1812–1863), утверждал, что даже мощную крепость нельзя оборонить без солдат, а потому следует плодиться [Дрикслер, 2013, с. 193]. Идеологической основой кокугаку был рассказ о зарождении мира – синтоистский миф, что направляло мысль в сторону творительных потенций – как божеств, так и людей. Следует, однако, заметить, что школа «кокугаку» являлась в то время периферийным учением, официальной идеологией сёгуната было конфуцианство с его акцентом на сбережении того, что уже имеется. Синтоисты мыслили в масштабах всей страны, ибо исходили из презумпции, что вся Япония была создана божествами, но стиль правления сёгуната предполагал прежде всего фрагментацию общества и страны (на сословия и княжества), а не их единство.

Государство и общество Токугава были основаны на идее стабильности. Термины «развитие» или «прогресс» не входили в словарь эпохи. Не существует свидетельств того, что сёгунат стремился к увеличению населения. Его беспокойство вызывало лишь его сокращение, целью был возврат к «нормальной» ситуации. Во второй половине XVIII в. сёгунат действительно беспокоила депопуляция, но основную причину своего ухудшавшегося финансового положения он видел прежде всего в «роскошной» жизни людей. Отсюда – не прекращающиеся призывы к экономии и скромности. Не стремились власти и к увеличению своих доходов – крестьяне были обложены фиксированным налогом. Поскольку самураи получали фиксированный рисовый паёк, а производительность крестьянского труда медленно, но все-таки росла, имущественное положение правящего сословия со временем ухудшалось относительно других социальных групп (в особенности это касается торговцев и ремесленников). Однако это не приводило к повышению налогов.

Несомненно, что в условиях отсутствия сколько-то надежных противозачаточных средств «прореживание» означало своеобразный способ планировании семьи. Некоторые западные (а вслед за ними и японские) учёные даже посчитали, что поскольку такое планирование поддерживало сравнительно высокий уровень жизни и даже вело к накоплениям, то это в результате облегчило переход Японии к индустриализации и капитализму [Энг, 1976; Накамура, 1982]. Вряд ли это предположение можно считать обоснованным, поскольку в богатых семьях, которые впоследствии и стали предпринимателями, «прореживание» распространено не было. Сами же западные страны, где подобное «планирование семьи» не практиковалось (во всяком случае, в таких масштабах), осуществили индустриализацию без такого «планирования».

В западных странах, где аборт почти повсеместно запрещены, японская практика инфантицида подвергалась суровому осуждению. В мэйдзийской Японии инфантицид был запрещён, в 1882 г. был принят закон, запрещающий аборт. Однако крайне малое количество уголовных дел, заведённых против его нарушителей, свидетельствует о том, что он соблюдался

очень непоследовательно (к тому же и наказания за аборт были в Японии менее суровыми, чем на Западе). Принятие этого закона было обусловлено прежде всего желанием походить на Запад, к мнению которого тогдашняя Япония очень прислушивалась. Тем не менее, в обществе усиливалась нетерпимость по отношению к инфантициду, как к практике, недостойной «цивилизованного» государства. Играли роль и нативистские соображения, исходящие из того, что Япония является уникальным государством-семьёй, во главе которой стоит император. Получившая современное образование акушерка заявляла: раз император является главой всеяпонской семьи, то убийство любого маленького японца есть убийство ребенка самого императора [Тэрадзава, 2018, с. 158].

Тем не менее, инфантицид исчез далеко не сразу. Начиная с 1886 г. акушерки были обязаны сообщать обо всех случаях мертворождений. Их количество значительно превышало аналогичные европейские показатели. В Европе того времени нормальной являлась цифра в 3–4 %. В Японии в начале XX в. в трети префектур она превышала 10 %, что, несомненно, свидетельствует, что за этими цифрами прячется инфантицид [Дрикслер, 2013, с. 120]. Янагита Кунио (1875–1962), ставший впоследствии знаменитым этнологом, в детстве, во второй половине 1880-х годов, проживал у своего старшего брата, который занимался врачеванием в префектуре Ибараки, и наблюдал, как к тому часто обращались с просьбами выписать свидетельство о мертворожденном младенце, хотя на самом деле речь шла об инфантициде [Мещеряков А.Н. Остаться японцем..., с. 31]. Однако повышение жизненного уровня и общественные настроения делали инфантицид всё менее приемлемым средством планирования семьи и во втором-третьем десятилетиях XX в. он окончательно перестает влиять на демографическую ситуацию в целом.

Детская и материнская смертность

При сёгунате роды принимали повитухи, квалификация которых по современным стандартам оставляла желать лучшего. Поскольку роды ассоциировались с загрязнением (как физическим, так и ритуальным), среди повитух было много представительниц париев. Как и в западном мире того времени, низкий уровень медицины и гигиены приводили к высокой детской смертности во всех группах населения. Это касается даже сёгунского дома, где постоянно возникала проблема преемственности из-за отсутствия (ввиду ранней смерти) наследников. В хорошо исследованной деревне Нисидзё (пров. Мино в центральной Японии), где храмовые списки сохранились за период с 1773 по 1869 г., до 10 лет не доживало 37 % детей [Хамано, 2011, с. 58–59]. При таком уровне смертности (а также учитывая случаи бесплодия и безбрачия) для простого воспроизводства на брачную пару должно было приходиться 4,14 ребёнка [Кито, 2000, с. 151].

В период Токугава наблюдалась высокая материнская смертность при родах. Из-за этого в возрастном интервале между 21 и 45 годами женская смертность превышала мужскую. Во всех остальных возрастных группах она была меньше [Хамано, 2011, с. 61]. Если принять во внимание, что из-за «прореживания» гендерный баланс был нарушен изначально, высокая материнская смертность ещё более осложняла ситуацию. Практически все переписи фиксируют

существенное (7–8 %) превышение мужского населения над женским. Это было одной из причин, почему далеко не все мужчины имели возможность вступить в брак.

В период Мэйдзи наблюдается распространение европейской медицины, вводится институт дипломированных акушеров (1874 г.), однако эти нововведения имели ограниченный эффект и не оказали существенного влияния на уровень детской и материнской смертности. Младенческая смертность изменялась так: 1900 г. – 155 промилле, 1910 г. – 161,2, 1920 г. – 165,7, 1930 г. – 124,1 [Навата, 2006, с. 96]. Существенное падение младенческой смертности начинается только в середине 1920-х годов. При этом младенческая смертность в городах, где, казалось бы, лучшее медицинское обслуживание должно было бы принести свои результаты, оставалась более высокой, чем в деревне, до 1928 г. [Симидзу, 1978, с. 59–60].

Материнская смертность явно снижается в период Мэйдзи. Об этом косвенно свидетельствуют данные по мужской и женской продолжительности жизни: в конце XIX – начале XX в. женщины впервые в истории стали жить немного дольше мужчин – свидетельство того, что материнская смертность перестала оказывать значительное влияние на продолжительность жизни. Данные по материнской смертности для 1920-х годов показывают сравнительно низкий уровень (33,3 на 10 000 рождений) [Симидзу, 1978, с. 64].

Болезни

Минимальное количество контактов с материком защищало токугавскую Японию от распространения многих эпидемических заболеваний. Тем не менее, положение было далеко от идеального. Оспа, корь и дизентерия были обыденным явлением. Наибольший ущерб наносили желудочно-кишечные и остро-респираторные заболевания. В связи с этим смертность значительно повышалась летом и зимой [Кито, 2000, с. 164]. Сезонные всплески болезней обладали большой инерционностью, смягчение ситуации наступило только в период Сёва.

В период Мэйдзи возросшая мобильность населения способствовала стремительному распространению инфекционных заболеваний. Бурный рост городского населения, сопровождавшийся скученностью и антисанитарией, ухудшал ситуацию. Введение всеобщей воинской повинности, то есть концентрация молодых людей в ограниченном казарменном пространстве, ещё больше усугубляло положение. Водопровод и канализация почти повсеместно отсутствовали. Фекалии продолжали употребляться в качестве удобрения. Мыло получает широкое распространение только в первое десятилетие XX в.

Начавшиеся контакты с миром имели крайне противоречивые последствия для здоровья японцев. С одной стороны, стали распространяться европейские медицинские достижения, но с другой, страна стала открытой для новых болезней [Мещеряков А.Н. Жить японцем..., с. 179–186]. Наибольшее количество смертей вызывали холерные эпидемии, которые были неизвестны в токугавской Японии. В некоторые годы (1858, 1877–1879, 1887–1888) число умерших составляло около 100 тыс. человек.

Сифилис был занесён в Японию ещё первой волной европейцев в XVI–XVII веках, но действительно широкое распространение получил только во второй половине XIX в. после открытия портов: иностранные моряки придерживались в Японии того образа жизни, к которому

привыкли. Смертность от сифилиса в 1911 г. составляла 9,6 промилле, превышая показатели по брюшному тифу (7,3) и дизентерии (6,6) [Симмура, 2006, с. 246–247].

Туберкулез встречался и в токугавской Японии, но в период Мэйдзи наблюдается его стремительное распространение. И из-за того, что его заносили с Запада, и из-за бурного роста городов. В то время туберкулез лечить не умели, а высококалорийная белковая диета, которой советовали придерживаться европейские врачи, была в Японии малодоступна. Наряду с другими лёгочными заболеваниями, туберкулез устойчиво занимал первое место в качестве причины смертности (такая ситуация сохранялась вплоть до 1950-х годов).

В период модернизации новый толчок получила болезнь бери-beri (яп. *каккэ*), вызванная недостатком витамина B1 (тиамина). Тиамин содержится в рисовой шелухе. Белый рис, считавшийся престижным продуктом питания, в период Токугава потребляли, в основном, самураи и состоятельные горожане, поэтому раньше от этой болезни мало страдали деревенские жители. Теперь как белый рис, так и бери-beri получили распространение во всех сферах общества, привлекательность армии для призывников заключалась, в частности, в том, что основу армейского рациона составлял рис. На Западе дефицит тиамина восполнялся за счёт потребления хлеба, мяса и молока, но в Японии, несмотря на стремительный «прогресс», эти продукты имели ограниченное распространение. В 1878 г. количество военных в императорской армии, больных *каккэ*, составляло треть личного состава. За время японско-русской войны болезнь унесла жизни 5700 военнослужащих (при общих потерях в боевых действиях приблизительно в 70 тысяч человек). Причины бери-beri не были выявлены до 1911 г. Только после этого ситуация стала улучшаться.

К концу периода Мэйдзи некоторые инфекционные болезни перестали быть серьёзной проблемой. Однако это относится далеко не ко всем из них. Влияние других факторов, оказывавших серьёзное влияние на здоровье нации и продолжительность жизни (городская антисанитария, плохое качество воды и жилищных условий), тоже было велико.

В период Мэйдзи были предприняты серьёзные усилия по оздоровлению нации: готовились образованные на западный лад врачи, строились больницы, вводились прививки. Однако задача по увеличению населения не ставилась ни правительством, ни обществом. Иными словами, речь шла скорее о качестве населения, чем о его количестве. В понятие «качество» входила как забота о физическом состоянии японцев, так и о формировании у них новой картины мира, которая соответствовала бы «современным» условиям. Прежде всего, это касается воспитания патриотизма и верности императору. В дискурсе того времени обсуждение способов достижения этой цели занимает огромное место. Но если в решении второй задачи были достигнуты большие успехи, то вряд ли это можно сказать о первой. Средняя ожидаемая продолжительность росла незначительно и составляла в 1891 г. 42,8 года у мужчин и 44,3 года у женщин. Её медленный рост был приостановлен в результате эпидемии «испанки» (унесла около 450 тыс. жизней) и катастрофического землетрясения 1923 г. (около 100 тыс. жертв). В результате этих напастей продолжительность жизни упала несколько ниже уровня 1891 г. Таким образом, продолжительность жизни долгое время не оказывала существенного влияния на рост численности населения. Тем не менее, усилия в области здравоохранения и улучшения

бытовых условий станут приносить плоды в обозримом будущем. Устойчивый рост продолжительности жизни начался во второй половине 1920-х годов.

Коэффициент брачности

Считается, что этот показатель был в токугавской Японии выше, чем в Европе. Большинство взрослого населения той Японии состояло в брачных отношениях. Коэффициент брачности в Японии XVII в. значительно увеличился по сравнению с прошлым периодом. Тем не менее, в брак вступали далеко не все. Наследование, как правило, осуществлялось старшим сыном. В большинстве случаев это происходило ещё до смерти отца. Поскольку земельные участки были невелики, участок обычно не дробился. В этих условиях не только дочери, но и младшие сыновья не получали наследства. Вышедшие замуж дочери переселялись в дом мужа, а младшие сыновья часто оставались в родительском доме, права на который отходили старшему сыну. Они трудились на его поле и подчинялись ему. Среди младших сыновей коэффициент брачности был весьма низок. Если они и вступали в брак, то поздно, что сокращало репродуктивный период. Это касается прежде всего бедняков, но их было большинство. В более богатых семьях младшим сыновьям позволяли основать собственную «боковую семью» (бункэ), но, тем не менее, существовавший порядок не давал возможности для многих мужчин создать свою семью и принести потомство. Данные по деревне Нисидзё показывают, что в XVIII в. около 10 % мужчин и женщин никогда не вступали в брак [Хамано, 2011, с. 38–39]. Для Восточной Японии эта цифра составляла для мужчин 25 % [Фэррис 2006, с. 181]. В городах с их дефицитом женского населения данный показатель находился на ещё более низком уровне. Иными словами, для увеличения коэффициента брачности существовал значительный потенциал.

Значительное влияние на рождаемость оказывало и большое количество разводов. Брак не считался таинством и не имел отношения к религии. Заключение брака и его расторжение имело уведомительный характер (местным властям подавалось заявление) и не сопровождалось имущественными спорами (жена возвращалась в родительский дом). Особенно большое количество разводов случалось в первые пять лет супружеской жизни [Хамано, 2011, с. 43]. При этом муж обычно предоставлял жене письменное разрешение на повторный брак. Повторные браки фиксировались достаточно часто – у почти 80 % разведённых [Кито, 2000, с. 130]. Тем не менее, какая-то часть населения всё равно выпадала из репродуктивной базы.

В период Мэйдзи мы наблюдаем, как многие традиции уходят в прошлое. Это касается и брачных обыкновений. Данные за 1886 г. свидетельствуют, что коэффициент брачности составлял чуть менее 80 % [Хаями, 2009, с. 349–350]. В конце периода Мэйдзи он возрос до 97–98 % [Хамано, 2011, с. 37]. Таким образом, практически всё взрослое население Японии стало вступать в брачные отношения, предполагавшие принесение потомства. Повышению брачности способствовали отмена сословий и кардинальное ослабление социальных барьеров, значительно возросшая свобода в общении и передвижении, что давало возможность более результативного поиска брачного партнера. Общий дух перемен создавал возможность для ломки привычных стереотипов поведения. Принцип примогенитурности сохранял свою значимость, но младшие потомки (как мужчины, так и женщины) в связи с ростом урбанизации получили

возможность прочно осесть в городе. Наблюдавшийся в токугавских городах гендерный дисбаланс существенно уменьшился (хотя превышение мужского населения над женским сохранялось до 1937 г.). Экономическое развитие и повышение жизненного уровня позволяло большему количеству людей вступать в брак и заводить детей.

В процессе повышения коэффициента брачности значительную роль играла и идеологическая составляющая: настойчивая пропаганда представляла семью как основу сильного государства, во главе которого стоит император. Он позиционировался как отец всех японцев, а они – как его дети. Вступая в брак и создавая «крепкую» семью, человек ощущал, что делает полезное государственно-патриотическое дело. Это же убеждение сказывалось и на существенном сокращении количества разводов: если в 1889 г. оно составляло 3,39 промилле, то в 1899 г. оно упало до 1,53 и имело тенденцию к уменьшению. Если Запад в условиях неуклонного ослабления религиозных установок демонстрирует положительную динамику разводов, то в Японии наблюдается совсем другая картина. При этом религиозные ценности не имели никакого значения: подражая идеальному («книжному») Западу, японцы начинают считать пожизненную моногамию признаком чаемой ими «цивилизованности». Идею моногамности привнёс в общественный дискурс будущий министр просвещения Мори Аринори (1847–1889) в серии публикаций в журнале «Мэйроку дзасси», эта идея нашла поддержку даже в правящем доме. Император Мэйдзи был последним императором, который обладал наложницами (его сын, император Тайсё, был рождён именно от наложницы), но, тем не менее, желая подать подданным пример цивилизованности и постоянства, пышно отпраздновал в 1894 г. серебряную свадьбу. Сам Тайсё состоял уже в настоящем моногамном браке, что всячески подчёркивалось средствами информации. Вклад идеологии в демографические процессы не поддаётся точному измерению. Тем не менее, мы должны констатировать, что податливость японцев по отношению к пропаганде была очень высокой. Решительное сокращение количества разводов объясняется прежде всего воздействием пропаганды, включавшей в себя школьное обучение. Пропаганда оказалась более эффективной, чем закон: гражданский кодекс 1898 г. позволял женщине быть инициатором развода, которым она в результате не пользовалась. Мужчины поступали так же. Гражданский кодекс закреплял власть главы дома над его членами (он мог исключить любого из семейного реестра) и признавал наследником дома только старшего сына (раньше могли быть и исключения), в качестве которого мог выступать и приёмный ребенок.

Со второй половины периода Мэйдзи постоянно проводилась настойчивая пропаганда образцовой женщины – «хорошая жена и мудрая мать» (рёсай кэмбо). Эта концепция предполагала, что женщина не участвует в общественном производстве, но является «хранительницей очага», посвящая всё своё время семье и дому. С одной стороны, эта конструкция предполагала «служение» и являлась наследием самурайской семьи. С другой, под «хорошей женой» подразумевались более партнёрские, более «западные» отношения между супругами. Западные воспитательные идеи сказались и в большей роли матери в деле образования детей. По своей сути это была идеальная жена самурая эпохи Токугава, но теперь этот идеал распространялся на всю Японию (на практике, в первую очередь, на городскую и сравнительно обеспеченную Японию). Таким образом, в качестве неотъемлемой функции каждой женщины

выступало деторождение. Следует при этом отметить, что обсуждению подлежали качественные характеристики семейных отношений, вопрос о количестве детей не обсуждался.

Точная численность буддийских монахов при режиме Токугава неизвестна, некоторые исследователи считают, что их насчитывалось 200–250 тыс. [Хё Намлин, 2005, с. 175–186]. Далеко не все из них соблюдали обет безбрачия, а в самой распространенной школе Дзёдо Синсю должность настоятеля храма превратилась в наследственную, но, тем не менее, значительная часть буддийского духовенства не состояла в брачных отношениях. В период Мэйдзи наблюдается массовое возвращение монахов к светской жизни, что тоже увеличивало брачную и, следовательно, репродуктивную базу.

Таким образом, повышению брачности способствовало множество факторов. При этом количество потомства, приходящегося на брачную пару, несмотря на некоторое повышение брачного возраста [Нитта, 2003], оставалось таким же, как и в конце периода Токугава – около пяти детей. Но поскольку потомство теперь приносили почти все японки, а детская смертность оставалась на неизменном уровне, это создавало возможность для быстрого роста населения.

Несмотря на усилия правительства по оздоровлению населения, продолжительность жизни увеличивалась мало, смертность не снижалась. В 1873 г. показатель смертности составлял 19,6 промилле, а в 1912 г. – 19,9. За тот же самый период рождаемость выросла с 24,1 промилле до 33,3 промилле [Симидзу, 1978, р. 54–55]. Прирост населения в период Мэйдзи осуществлялся, главным образом, за счёт роста рождаемости, который являлся следствием прежде всего повышения коэффициента брачности.

Таким образом, увеличение коэффициента брачности сыграло ведущую роль в демографическом буме периода Мэйдзи, на что раньше не обращалось достаточного внимания. Однако поскольку за это время брачность приблизилась к 100 %, а количество детей в моногамной семье с середины 1920-х гг. имело устойчивую тенденцию к уменьшению, этот потенциал для роста населения был уже исчерпан, и рост населения стал обеспечиваться за счёт демографической инерции, увеличения продолжительности жизни и снижения смертности.

* * *

Теория демографической модернизации говорит о том, что «традиционный» способ воспроизводства населения (высокая смертность и высокая рождаемость) при переходе к индустриальному обществу сменяется «современным» (низкая смертность и низкая рождаемость). Насколько вписывается Япония в эту закономерность? Классическое (общепринятое) понимание этого процесса выглядит следующим образом: «Замена традиционного типа воспроизводства современным происходит не мгновенно. Она начинается со снижения смертности, которое и приводит к нарушению исторически сложившегося равновесия... Большинство обществ, вступающих на путь эпидемиологической революции и снижения смертности, переживают переходный период, когда смертность уменьшается, а рождаемость ещё остается высокой. Это приводит к увеличению естественного прироста и ускорению роста населения, получившему название “демографического взрыва”» [Вишневский, с. 259].

Как было показано выше, японский исторический опыт свидетельствует, что эта теория, разработанная прежде всего на европейском материале, оказывается применима к Японии лишь с существенными оговорками: значимый рост населения начинается во вторую половину периода Мэйдзи в условиях, когда уровень смертности ещё не падает. Он начинает опускаться только со второй половины 1920-х годов, то есть рост рождаемости **предшествовал** уменьшению смертности. Только после этого мы наблюдаем синхронное понижение как смертности, так и рождаемости. Таким образом, в течение почти полувека японская практика «игнорировала» западную теорию. Может быть, потому, что она ещё не была разработана.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Мещеряков А.Н. Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда. Этнология как форма существования японского народа. М.: Лингвистика, 2020.

Мещеряков А.Н. Жить японцем. СПб.: Петербургское востоковедение, 2020.

Родин С.А. Представления о влиянии природных условий среды обитания на формирование характера человека в Японии: анализ содержания и бытования текстов «Дзинкокуки» и «Син дзинкокуки» // Вопросы философии, 2020, № 1.

Толстогузов С.А. Сёгунат Токугава в первой половине XIX века и реформы годов Тэмпо. М., 1999.

Филиппов А.В.. Финансово-экономические аспекты реформ Кёхо. – История и культура традиционной Японии 3 // *Orientalia et Classica*. Выпуск XXXII. Труды Института восточных культур и античности. Российский государственный гуманитарный университет. М.: 2010.

REFERENCES

Filippov, A.V. (2010). *Finansovo-ekonomicheskie aspekty reform Kekho* [Financial and Economic Aspects of the Kyōhō Era Reforms]. In *Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii 3* [History and Culture of Traditional Japan 3]. *Orientalia et Classica*. Issue XXXII. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Russian State University for the Humanities. Moscow. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2020). *Ostat'sya yaponcem: Yanagita Kunio i ego komanda. Etnologiya kak forma sushchestvovaniya yaponskogo naroda* [Staying Japanese: Yanagita Kunio and His Team. Ethnology as a Form of Existence of the Japanese People]. Moscow: Lingvistika. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2020). *Zhit' yaponcem* [Living as a Japanese]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Rodin, S.A. (2020). *Predstavleniya o vliyaniy prirodnnykh uslovii sredy obitaniya na formirovanie kharaktera cheloveka v Yaponii: analiz soderzhaniya i bytovaniya tekстов «Dzinkokuki» i «Sin dzinkokuki»* [Conceptualizations of Natural Habitats' Influence on the Formation of the People's Character in Japan: *Jinkokuki* and *Shin Jinkokuki* Texts' and Studies' Analysis]. *Voprosy filosofii*, 1. (In Russian).

Tolstoguzov, S.A. (1999). *Segunat Tokugava v pervoi polovine XIX veka i reformy godov Tempo* [The Tokugawa Shogunate in the First Half of the 19th Century and the Tempō Era Reforms]. Moscow. (In Russian).

Vishnevskii, A.G. (2019). *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya* [Demographic History and Demographic Theory]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).

* * *

Drixler, F. (2013). *Mabiki: Infanticide and Population Growth in Eastern Japan, 1660–1950*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

Eng, R.Y., & Smith, T. C. (1976). Peasant Families and Population Control in Eighteenth-Century Japan. *Journal of Interdisciplinary History*, 3.

Farris, W.W. (2006). *Japan's Medieval Population: Famine, Fertility, and Warfare in a Transformative Age*. University of Hawaii Press.

Hamano Kiyoshi. (2011). *Rekishi jinkōgaku-de yomu Edo jidai* [Edo Period from the Perspective of Historical Demography]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Hayami Akira. (2009). *Population, Family and Society in Pre-Modern Japan*. Folkerstone: Global Oriental.

Hur Nam-lin. (2005). Anti-Christianity and Funerary Buddhism in Tokugawa Japan. *Chonggyo wa munhwa* [Religion and Culture], 11.

Ishii Kanji. (1991). *Nihon keizaishi* [History of Japanese Economy]: Vol. 1. Tokyo: Tōkyō daigaku shuppankai. (In Japanese).

Jansen, M.B. (2000). *The Making of Modern Japan*. London: Harvard University Press.

Jansen, M.B. (Ed.). (1993). *The Cambridge History of Japan: Vol. 5*. Cambridge University Press.

Kito Hiroshi. (2000). *Jinkō kara yomu Nihon -no rekishi* [Demographic Aspects of Japanese History]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Nakamura, J.I. & Miyamoto Matao. (1982). Social Structure and Population Change: A Comparative Study of Tokugawa Japan and Ch'ing China. *Economic Development and Cultural Change*, 30(2).

Nawata Yasumitsu. (2006). Rekishiteki-ni mita Nihon-no jinkō to kazozku [Historical Aspect of Japanese Population and Family]. *Rippō to chōsa*, 260. (In Japanese).

Nitta Tokiya. (2003). Waga kuni Meijiki -ni okeru jinkō zōka -no chiikisa -ni kansuru sūriteki bunseki [Statistical Analysis of Regional Features of Demographic Growth in Meiji Period Japan]. *Journal of the School of Marine Science and Technology*, 1. (In Japanese).

Olschleger, H.D. (2008). Fertility and Mortality, in *The Demographic Challenge: A Handbook about Japan*. Leiden, Boston: Brill.

Shimizu Katsuyoshi. (1978). Shōwa shoki -no kōshū eisei -ni tsuite [On Public Hygiene in the Showa Period]. *Minzoku Eisei*, 2. (In Japanese).

Shinmura Taku. (2006). *Nihon iryō shi* [History of Japanese Medicine]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Terazawa Yuki. (2018). *Knowledge, Power and Women's Reproductive Health in Japan, 1690–1945*. Hemsread: Palgrave Macmillan.

Поступила в редакцию 22.12.2020

Received 22 December 2020

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120

Ви́меномика: достижения и проблемы

Лебедева И.П.

Аннотация. *Ви́меномика* (womenomics), целью которой было создание условий для расширения участия женщин в экономике, может быть оценена как достаточно успешное направление экономической политики премьер-министра С. Абэ, получившей название *абэномика* (abenomics). Благодаря целому ряду мер, предпринятых правительством С. Абэ, за 2012–2019 гг. число работающих японок возросло почти на 3 млн человек, в том числе и за счёт расширения занятости среди женщин наиболее проблемных возрастов (от 25 до 44 лет). Если в 2012 г. среди последних работали порядка 2/3, то в 2019 г. – уже более 3/4. При этом произошли и некоторые подвижки в модели занятости этих женщин, а именно, среди них возросла доля постоянных работников и снизилась доля непостоянно занятых. Наблюдался также массовый выход на рынок труда «домохозяйек со стажем», т.е. женщин в возрасте 45–54 года, и хотя большинство из них заняли места непостоянных работников, некоторое повышение доли постоянно занятых произошло и в этой группе. Представляется, что дальнейшие усилия по улучшению условий для совмещения женщинами работы и семейных обязанностей смогут не только расширить их участие в экономике, но и привести к повышению рождаемости. По опросам, абсолютное большинство японских семейных пар хотели бы иметь, по меньшей мере, двух детей, но одним из главных препятствий к рождению второго ребёнка является вопрос о том, как это отразится на работе супруги. Это тем более важно, что повышение фертильности за счёт увеличения доли состоящих в браке среди молодых японок пока представляется маловероятным. Хотя пандемия коронавируса в целом отрицательно сказалась на женской занятости, приведя к сокращению её масштабов, по мере возвращения экономики в нормальное русло ситуация начала улучшаться, и, к осени 2020 г. в группе японок проблемных возрастов (25–44 года) приток женщин на рынок труда не только компенсировал, но даже превысил вызванный пандемией отток. При этом по сравнению с предкризисным уровнем доля постоянных работников среди них даже повысилась. Можно предположить, что толчок, который пандемия дала развитию разного рода гибких форм работы, в том числе и в сфере постоянной занятости, в целом может благотворно сказаться на возможностях совмещения женщинами работы и семейных обязанностей.

Ключевые слова: Япония, ви́меномика, работа, семья, рынок труда, образование, фертильность.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (103031, Москва, ул.Рождественка, д. 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедева И.П. *Ви́меномика: достижения и проблемы* // Японские исследования. 2021. № 1. С. 101–120. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120

Womenomics: achievements and problems

I.P. Lebedeva

Abstracts. *Womenomics*, which aimed to create conditions to increase the participation of women in the economy, can be assessed as a fairly successful direction of *Abenomics*, the economic policy of Prime Minister S. Abe. Thanks to a number of measures taken by the government of S. Abe, in the period of 2012–2019, the number of working Japanese women increased by almost 3 million, in particular, due to the expansion of employment among women of the most problematic ages (25 to 44 years old). While in 2012, among the latter, about 2/3 worked, in 2019, the share was already more than 3/4. At the same time, there have been some shifts in the employment model of these women. Namely, among them, the proportion of permanent workers has increased and the proportion of non-permanent employees has decreased. There was also a massive entry into the labor market of “housewives with experience”, i.e., women aged 45–54 years, and although most of them became non-permanent workers, a slight increase in the share of those permanently employed occurred in this group as well. It seems that further efforts to improve conditions for women to combine work and family responsibilities will not only increase their participation in the economy, but also lead to an increase in the fertility rate. This is especially important since an increase in fertility due to an increase in the proportion of married women among the young Japanese still seems problematic. Although the coronavirus pandemic as a whole had a negative impact on female employment, leading to a decrease in its scale, as the economy returned to normal, the situation began to improve, and, by the autumn of 2020, among the problematic ages (25–44 years old), the influx of women to the labor market not only compensated, but even exceeded the outflow caused by the pandemic. At the same time, compared with the pre-crisis level, the share of permanent workers among them even increased. It can be supposed that the impetus given by the pandemic to the development of various kinds of flexible forms of work, including the field of permanent employment, may generally have a beneficial effect on the possibilities for women to combine work and family responsibilities.

Keywords: Japan, *womenomics*, work, family, labor market, education, fertility.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences (103031, Moscow, Rozhdestvenka, 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Lebedeva I.P. *Vimenomika: dostizheniya i problemy [Womenomics: achievements and problems]*. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 101–120. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-101-120

Введение

Вскоре после прихода к власти в 2012 г. премьер-министр Японии С. Абэ провозгласил одной из главных целей своей политики превращение Японии в страну, где «женщины будут сиять». Комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для совмещения женщинами работы и домашних обязанностей, получил название *вименомика*. Помимо решения основной задачи – расширения участия женщин в экономике и повышения их роли в различных областях жизни общества – *вименомика* ставила целью создание условий для повышения

показателя фертильности, по уровню которого Япония оказалась в едва ли не худшем среди развитых стран положении.

Следует отметить, что и до *вименомики* в Японии принимались меры, направленные на улучшение положения женщин на рынке труда. Так, ещё в 1986 г. вступил в силу Закон о равных правах женщин и мужчин при найме на работу. Речь шла, в первую очередь, о запрете какой-либо дискриминации по признаку пола при найме на места постоянных работников, которые прежде в основном предназначались мужчинам.

В последующие годы был принят ещё целый ряд законов, направленных не только на стимулирование экономической активности женщин, но и на создание условий, облегчающих совмещение ими работы и домашних обязанностей. Напомним лишь наиболее важные из них.

В 1991 г. был принят Закон об отпуске по уходу за ребёнком. Он обязал владельцев предприятий с числом занятых от 300 человек предоставлять женщинам оплачиваемый отпуск (в размере 25 % от заработной платы) до достижения ребёнком одного года.

В 2005 г. был принят Закон о следующем поколении, который наложил на крупные предприятия (с числом занятых от 300 человек) обязательства по поддержке имеющих детей женщин с тем, чтобы они могли сочетать работу и воспитание детей. В 2011 г. требования закона были распространены на предприятия с числом занятых от 101 человека, а Министерство здравоохранения, труда и благосостояния учредило специальный знак почёта «Курумун», которым стали награждаться наиболее «дружественные по отношению к семьям» компании [Japan Institute of Labor Policy 2016, p. 169].

В 2009 г. был принят Закон об отпуске по уходу за ребёнком и членами семьи. Помимо увеличения продолжительности отпуска по уходу за ребёнком до 18 месяцев и повышения уровня оплаты до 50 % закон ввёл ряд норм, касающихся ухода за другими членами семьи. Работодателям вменялось в обязанность по требованию работников (при предъявлении соответствующих медицинских документов) предоставлять им отпуск по уходу (до 93 дней в году), который стал оплачиваться за счёт средств созданного в 2000 г. Фонда страхования длительного ухода. Кроме того, работники получили право требовать перевода на гибкий график (укороченный рабочий день, перенос времени начала и окончания работы, ограничение или освобождение от сверхурочных и ночных смен и т.д.) [Inamori 2017, p. 12–13].

Одновременно с принятием закона в Японии развернулась кампания «Икумен», что буквально означает «участвующий в воспитании мужчина». Её целью было провозглашено формирование общества, в котором мужчины будут «наслаждаться воспитанием детей», в том числе будут активнее использовать право на отпуск по уходу за новорождённым ребёнком. В то время лишь 3–4 % молодых отцов пользовались этим правом [Ikeda 2019a, p. 20].

Хотя к 2012 г., когда произошло возвращение японских либерал-демократов во власть, в стране уже немало было сделано для стимулирования экономической активности женщин, в этой сфере продолжали существовать серьёзные проблемы, а всё более обостряющаяся нехватка рабочей силы и крайне низкие показатели фертильности требовали принятия неотложных мер.

Проблемы, существующие в сфере женской занятости, и меры *вимономики*, направленные на их решение

Неработающие женщины, действительно, представляют важный ресурс экономического роста в условиях быстрого старения населения и всё большей нехватки рабочей силы. Их вовлечение в экономику имеет тем более важное значение, что уровень образования японок заметно повысился, а в самых молодых когортах практически сравнялся с уровнем образования мужчин. В последние годы по доле выпускников школ, поступающих в вузы, девушки уже не только догнали, но и обогнали юношей. Так, если в 2010 г. среди юношей в университеты поступали 56,4 %, а среди девушек – 45,2 %, то в 2018 г. – 51,8 % и 57,7 % соответственно. При этом с начала 1990-х годов стало быстро нарастать число девушек, обучающихся в полноценных (четырёхгодичных) университетах, и снижаться число студенток *танки дайгаку* (краткосрочных университетов)¹. Так, если число студенток полноценных университетов за 1990–2018 гг. увеличилось с 584,2 тыс. до 1 млн 280 тыс. (в 2,2 раза), то число обучающихся в *танки дайгаку*, напротив, сократилось с 438,4 тыс. до 105,5 тыс. (в 4,2 раза) [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology 2019b].

Конечно, продолжают существовать различия в направлениях специализации студенток и студенток японских вузов, о чём свидетельствуют данные табл.1.

Таблица 1. Распределение японских студенток и студентов по факультетам (% , 2018 фин. год)

	Гумани- тарные	Социальные	Естест- венные	Инже- нерные	Аграр- ные	Меди- цинские	Фармацев- тические	Педаго- гические
Женщины	20,4	25,2	1,9	4,9	3,0	2,2	15,2	17,8
Мужчины	8,9	37,9	4,1	22,8	3,0	3,3	5,4	9,2

Источник: [Cabinet Office 2019b, p. 7].

Однако отмечая эти различия, следует признать, что в определённой степени они естественны. Так, вряд ли можно рассматривать как дискриминацию по гендерному признаку преобладание мужчин на инженерных и социальных факультетах (на последних изучаются юриспруденция, экономика, политология), и, наоборот, численное превосходство женщин на гуманитарных и педагогических факультетах. Более того, постепенно число студенток, обучающихся, например, на социальных факультетах, растёт, а что касается наиболее престижных (и дорогих) медицинских факультетов, то здесь доля женщин составляет уже порядка 40 %.

Иными словами, при всех нюансах система образования наделяет женщин, по сути, теми же компетенциями, что и мужчин, и при выходе на рынок труда с формальной точки зрения они должны иметь равные с ними стартовые возможности. Однако уже на этой стадии, т.е. при

¹ *Танки дайгаку* представляют собой трёхгодичные университеты, где обучаются преимущественно девушки, а образовательный процесс ориентирован на подготовку из них квалифицированных домашних хозяек.

приёме на работу, начинают давать о себе знать гендерные различия, которые потом сопровождают японок едва ли не всю жизнь.

После вступления в силу в 1986 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу число молодых японок, устроившихся на места постоянных работников, начало возрастать. Например, в 2012 г. среди работающих женщин в возрасте 20–24 лет доля постоянных работников составила уже 52,3 %, а в возрасте 25–29 лет – 60,7 %. В последние годы среди «свежих» выпускников вузов, принятых на работу в крупные и крупнейшие компании (т. е., по сути, на места постоянных работников), доля девушек составляла в среднем 40–45 % [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019b, 2015–2019].

Однако это не означает, что на рынке труда наступило гендерное равенство. Дело в том, что после принятия этого закона японские компании пошли на следующую хитрость. Они ввели для постоянных работников два карьерных трека: первый – для тех, кто занят комплексной работой (*согосёку*) со всеми полагающимися привилегиями, второй – для тех, кто выполняет общую работу (*иппансёку*), т.е. разного рода вспомогательную офисную работу, со значительно меньшими возможностями для повышения квалификации и карьерного роста. Разумеется, для выполнения *согосёку* нанимались в основном мужчины, а *иппансёку* – преимущественно женщины. Такая практика укоренилась на долгие годы. Например, в 2014 г. среди постоянных работников, занятых *согосёку*, 80 % составляли мужчины, а среди тех, кто занимался *иппансёку*, 80 % составляли женщины [Kanai, 2016, p. 103].

Однако из-за общего сокращения численности молодой рабочей силы, вследствие усиления конкурентных позиций молодых японок на рынке труда, а также в результате предпринимаемых правительством мер ветры перемен коснулись и этой «заповедной» области. Тон в этом вопросе задают государственные учреждения, которым были спущены директивы относительно доли женщин, допускаемых к экзаменам на замещение вакантных должностей. Например, среди 731 новичков, принятых в 2020 фин. г. в центральные ведомства для комплексной работы (*согосёку*), девушек оказалось 259, или 35,4 %. При этом в МИД доля девушек составила 53,3 % (16 из 30 человек), а в Министерстве юстиции – 62,2 % (28 из 45) [Cabinet Office 2020, May 29]². Понятно, что эти цифры – капля в море и что они не могут изменить общую ситуацию. Но с целью оказать давление на бизнес правительство предпринимает и более жёсткие меры.

В связи с этим следует упомянуть, прежде всего, Закон о содействии экономической активности и продвижению женщин (*Дзёсэй кацуро суйсинхо*), вступивший в силу в 2016 г. Он обязал частные компании участвовать в реализации программы правительства по расширению участия женщин в экономике и усилению их позиций в разных областях. Представители крупных компаний в сотрудничестве с местными органами власти обязаны были разработать «Планы действий владельцев предприятий», содержащие цифры, касающиеся доли женщин среди работников разных категорий, включая и высшие должности, а также перечень мер по созданию благоприятных условий для сочетания женщинами работы и семейных обязанностей.

² В целом по намёткам правительства доля женщин на руководящих должностях к 2020 г. должна была достичь 30 %.

В мае 2019 г. этот закон был дополнен. Во-первых, были ужесточены требования в отношении составления планов предприятий; во-вторых, с 1 июня 2021 г. нормы закона станут обязательны для всех предприятий с числом занятых свыше 300 человек, а с 1 апреля 2023 г. – с числом занятых свыше 100 человек. Для поощрения особо отличившихся компаний Министерство здравоохранения, труда и благосостояния учредило почётный знак «Эрубоси» (разных степеней), и по данным на конец 2019 г. его получили 992 компании [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, с. 47–48]. Этот знак (в виде звёзд над шаром, количество которых указывает на степень знака) они могут использовать в названии фирмы, в рекламе, помещать на этикетках товаров, визитках своих сотрудников и т.д.

Иными словами, в плане возможностей трудоустройства и условий для карьерного роста молодых японок можно отметить определённые положительные сдвиги.

С точки зрения задач *вименомики* наибольшую сложность представляли женщины так называемых проблемных возрастов (25–44 года), на которые приходится замужество, рождение и воспитание детей. Уровень образования японок этих возрастных групп весьма высок (почти половина из них имеют высшее образование, включая *танки дайгаку*), но модель их занятости заметно отличается от модели занятости более молодых когорт, а именно, в этих группах заметно снижается доля постоянных работников. Так, в 2012 г. среди работающих японок в возрасте 30–34 лет доля постоянно занятых составляла 52,4 %, в возрасте 35–39 лет – 46,2 %, 40–44 года – 41,4 % [Statistics Bureau of Japan (2012), table 11]. Создание условий для возвращения этих женщин в компании на места постоянных работников было одной из главных задач *вименомики*. Но решение этой задачи осложняло существование целого ряда проблем, на главных из которых мы коротко остановимся ниже.

Прежде всего, следует упомянуть об особенностях японской системы управления трудом. Как известно, в японских компаниях продвижение по карьерной лестнице постоянных работников происходит на основе внутрифирменной подготовки, направленной на повышение их квалификации. Поскольку перерыв в работе, связанный с рождением и воспитанием детей, означает для женщин отрыв на довольно долгое время от системы повышения квалификации и профессионального роста, многие из тех, кто начинал свою карьеру в качестве постоянного работника, вырастив детей, предпочитают либо вообще не работать, либо устраиваются на места непостоянных работников. Так, по данным обследования семей с детьми, проведённого в 2014 г., среди женщин в возрасте до 29 лет на первом месте работы постоянными работниками были 51,7 %, а при повторном найме – уже лишь 20,6 %, в группе 30–34 года – 62,4 % и 22,5 %, 35–39 лет – 71,8 % и 25,2 %, 40–44 года – 85,8 % и 21,0 % [Japan Institute of Labor Policy 2016, p. 166]. Такую ситуацию специалист по вопросам женской занятости Янфэй Жу назвал «наказанием за замужество и рождение детей», и с этим трудно не согласиться [Yanfei Zhou 2015, p. 109].

К этому следует добавить, что для многих женщин сочетание постоянной работы и семейных обязанностей оказывается просто физически невозможным. С одной стороны, на них давит жёсткий режим труда постоянных работников японских фирм (ранний приход на работу, продолжительный рабочий день за счёт частых сверхурочных, невозможность отлучек по семейным обстоятельствам и т.д.). С другой стороны, на них ложится основное бремя

домашних дел. Отчасти такая ситуация сложилась вследствие жёсткого режима труда японских мужчин, львиная доля которых являются постоянными работниками, а отчасти – под влиянием укоренившихся в общественном сознании стереотипов относительно гендерного разделения ролей в семье. Например, согласно результатам «Национального обследования семей с детьми» 2014 г., в семьях, где жены не работают, мужья тратили на домашние дела 20 минут в день, а в семьях, где жены являются постоянными работниками – 34 минуты [Japan Institute of Labor Policy and Training 2016, p. 159–160]³.

Под влиянием получившей широкое распространение в послевоенный период системы пожизненного найма семья, где муж работает, а жена занимается домашним хозяйством и воспитанием детей, уже к концу периода высоких темпов роста стала основной формой семьи в Японии и даже стала называться «традиционной». В 1980-е годы, например, в общем числе японских семей «традиционные» составляли две трети, и хотя в дальнейшем их доля начала сокращаться (до 37 % в 2016 г.), сложившиеся представления о разделении ролей мужчин и женщин в семье и обществе продолжают влиять на модель занятости японских женщин. Так, согласно результатам проведённого в 2015 г. обследования, на вопрос «Кто должен быть кормильцем семьи?» 45,6 % замужних японок ответили, что только муж, 34 % – что главным образом муж, и только 11,5 % посчитали, что наполнять семейный бюджет должны оба супруга. Примечательно, что даже среди японок с высшим образованием почти две трети хотели бы видеть основным добытчиком средств мужа, а себе отвели роль «второго добытчика». Как замечает по этому поводу профессор С. Икэда, высшее образование эти женщины, по-видимому, получали не для того, чтобы делать карьеру, а с целью повысить свой статус на «рынке невест» в поисках перспективного мужа [Ikeda, 2019 b, p. 50].

Следует также добавить, что долгое время возвращению женщин на рынок труда в качестве полноценных работников препятствовала и нехватка детских дошкольных учреждений, особенно в крупных городах. Так, в листе ожидания к апрелю 2013 г. числилось 23 тыс. детей, но реальные цифры могли быть на порядок выше, так как многие родители не подавали заявок, считая это бессмысленным делом [Yanfei Zhou 2015, p. 118].

Какие же изменения произошли в модели занятости женщин так называемых проблемных возрастов за последние годы?

Прежде всего, возросла степень их экономической активности. В возрастной группе 25–34 года доля работающих женщин повысилась с 72,3 % в 2010 г. до 81,1 % в 2019 г., в группе 35–44 года – с 68,2 % до 78,6 %. Но ещё более важно, что среди них возросло число работающих на условиях постоянной занятости, и наоборот, снизилось число непостоянных работников. Так, в группе 25–34 года число непостоянных работников уменьшилось с 2 млн 10 тыс. до 1 млн 770 тыс., а в группе 35–44 года – с 3 млн 200 тыс. до 2 млн 950 тыс. (в целом – на 490 тыс.). И наоборот, число постоянных работников в этих группах выросло – с 2 млн 850 тыс. до 3 млн 20 тыс. в первой группе и с 2 млн 640 тыс. до 2 млн 770 тыс. во второй (в целом – на 300 тыс.). В результате доля постоянных работников поднялась с 51,3 % в 2013 г. до 55 % в 2019 г. [Statistics Bureau of Japan 2021, Table 19–2].

³ Подробно см. [Лебедева, 2019].

Таким образом, и на этом, наиболее сложном, направлении *вименомика* также добилась определённых успехов.

Наконец, одним из впечатляющих результатов *вименомики* стал массовый выход на рынок труда японских «домохозяек со стажем», т.е. женщин, относящихся к возрастной группе 45–54 года. На эту группу пришлось лишь немногим менее половины общего притока женщин в экономику (1 млн 300 тыс. из 2 млн 850 тыс.). При этом 630 тыс. (48,5 %) из них были приняты на места постоянных работников, а 670 тыс. – на места непостоянно занятых. Доля постоянных работников в этой группе повысилась с 40,8 % в 2013 г. до 42,3 % в 2019 г. [Statistics Bureau of Japan 2021, Table 19–2].

Очевидно, что все те проблемы, которые стоят на пути выхода на рынок труда замужних женщин более молодых возрастных когорт, характерны и для этой группы (за исключением нехватки детских дошкольных учреждений). Более того, в этой группе и среди самих женщин, и среди их мужей более сильна поддержка «традиционной» модели семьи. Следует также иметь в виду, что после многолетнего перерыва в работе им сложнее вернуться на места постоянных работников, а о выстраивании карьеры и мечтать не приходится. Поэтому то, что бóльшая их часть нашла работу в сфере непостоянной занятости, представляется вполне закономерным, тем более что в процессе сервисизации японской экономики спрос на разного рода гибкие формы работы постоянно возрастает. Однако в сфере непостоянной занятости существуют свои проблемы.

Исторически сложилось так, что между сферами постоянной и непостоянной занятости в Японии образовался глубокий водораздел – в плане оплаты труда, условий работы, возможностей повышения квалификации и карьерного роста, степени охвата социальным страхованием, а также в самом социальном статусе работников, что особенно чувствительно для японцев. Поскольку среди непостоянных работников доля женщин составляет более 2/3 (в 2013 г. – 68 %, в 2019 г. – 68,1 %), все эти проблемы касаются в первую очередь именно их.

Для того, чтобы сделать сферу непостоянной занятости более привлекательной, правительство предприняло следующие меры.

Прежде всего, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввёл механизм перевода работников с фиксированным сроком контракта (т.е. непостоянно занятых) в категорию работников с открытым сроком контракта (т.е. постоянно занятых). Условием такого перевода является неоднократное возобновление временного контракта при общем сроке работы в компании не менее пяти лет. Кроме того, в закон было внесено положение, обязывающее предпринимателей обеспечивать для непостоянных работников такие же условия труда, что и для постоянных работников. В июне 2018 г. это положение было конкретизировано, а именно, было законодательно зафиксировано требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников [Cabinet office 2019с, р. 35].

Конечно, радикальных изменений в этой области пока не произошло, и вряд ли они возможны в силу особого подхода японских компаний к оценке труда (при котором учитываются не только его конкретные результаты, но и стаж работника, и его дисциплинированность, и преданность фирме, и готовность работать сверхурочно и т.д.). Однако в отношении оплаты труда некоторые подвижки есть: почасовая оплата непостоянных

работников-женщин за 2012–2019 гг. выросла с 895 иен до 1025 иен или на 14,5 % [Statistics Bureau of Japan 2021, table 19–11]. А ещё одним важным шагом в улучшении их положения стало расширение доступа к системе пенсионного и медицинского страхования. С октября 2016 г. она была распространена на *пато* (частично занятых), работающих на предприятиях с числом занятых более 500, а с апреля 2017 г. – и на предприятиях с числом занятых менее 500 человек (во втором случае – по соглашению между менеджментом и работниками) [Cabinet office 2020b, p. 21].

Меры, направленные на создание условий для совмещения женщинами работы и домашних обязанностей

Очевидно, что для расширения участия женщин в экономике одних только мер по улучшению условий их найма и работы было бы недостаточно. Необходимо было также создать условия, позволяющие им совмещать работу и домашние дела.

Помимо Закона о содействии экономической активности и продвижению женщин (2016 г.), который обязал частные компании создавать благоприятные для совмещения работы и семейных обязанностей условия (путём введения гибкого режима труда, освобождения от сверхурочных и работы в праздничные и выходные дни, предоставления отпуска по семейным обстоятельствам, создания условий для перенайма и повышения квалификации вышедших из отпуска по уходу за ребёнком женщин и т.д.), на решение этой задачи были направлены следующие меры.

Во-первых, были улучшены условия предоставления отпуска по уходу за ребёнком. Так, в 2014 г. были введены новые нормы, касающиеся как продолжительности отпуска, так и его оплаты. Его общая продолжительность была доведена до 16 месяцев. При этом в течение первых 8 недель после рождения ребёнка женщины получают пособие по родам в размере 2/3 от заработной платы. Затем начинает выплачиваться пособие по уходу за ребёнком: в первые полгода – в размере 67 % от заработной платы (прежде – 50 %), в последующие 6 месяцев – в размере 50 %. Последние два месяца отпуска не оплачиваются. Эти условия представляются вполне благоприятными, поскольку налоги и взносы в систему социального обеспечения с этих пособий не выплачиваются и действительные их размеры составляют соответственно порядка 80 % и 60 % от уровня заработной платы [Cabinet office 2019c, p.35]. В последнем варианте закона, который вступил в силу в октябре 2017 г., предусмотрена возможность продления отпуска до достижения ребёнком двух лет в случае, если не удаётся устроить его в детский сад и по некоторым другим причинам. При этом на предпринимателей возлагается обязанность содействовать женщинам в этом случае, т.е. сохранять за ними рабочие места [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, p. 51].

Правительство также расширило доступность отпуска по уходу за ребёнком. Теперь им могут воспользоваться работники мелких и средних предприятий, а также *пато*. Поскольку на эту категорию приходится более 60 % в общем числе непостоянно занятых женщин, эта мера представляется весьма своевременной. Правда, в этом случае предусмотрены некоторые

ограничения: *пато* должны проработать на предприятии не менее одного года и подтвердить намерение вернуться на работу по достижении ребёнком одного года.

В 2019 г. отпуском по уходу за первым ребёнком воспользовались более 80 % работающих женщин.

К этому следует добавить, что в разных частях страны было открыто более 200 центров по трудоустройству женщин с детьми «*Масадзу харо ваку*», в которых им предоставляется информация о вакантных местах, возможностях устройства ребёнка в детский сад, об их правах по перенайму и повышению квалификации и т.д. Более того, владельцам мелких и средних предприятий, принявшим на работу женщин на места постоянных работников, выплачивается субсидия в размере 600 тыс. иен, на места частично занятых – 400 тыс. иен. В случае крупных предприятий размеры субсидий составляют соответственно 500 тыс. иен и 300 тыс. иен. По 50 тыс. иен в течение трёх месяцев получают также предприятия, которые нанимают на испытательный срок женщин, желающих вернуться на работу по окончании отпуска по уходу за ребёнком [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, p. 62–63].

Во-вторых, за последние годы была существенно расширена сеть детских дошкольных учреждений. За пять лет (2013–2017 фин. гг.) число мест в них увеличилось на 535 тыс., а число детей, числящихся в листе ожидания, к апрелю 2018 г. сократилось до 20 тыс. По плану, принятому в июне 2017 г., за пять лет (до конца 2022 фин. г.) предполагалось создать ещё 320 тыс. мест. Однако уже в сентябре того же года сроки его реализации были сокращены на два года и перенесены на конец 2020 фин. г., т.е. на март 2021 г. [Cabinet office 2019c, p. 35].

Следует отметить, что в японских детских садах, которые называются Центрами дневного ухода (Day Care Centers), установлены очень высокие стандарты по уходу за детьми. Они принимают детей в возрасте от нескольких дней до 5 лет (до поступления в начальную школу). Все эти центры лицензированы местными органами власти и строго контролируются ими на предмет соблюдения регламентаций по уходу за детьми. До 2019 г. цены на их услуги варьировались в зависимости от дохода семьи: бедные семьи вообще освобождались от платы, а в случае богатых семей она могла достигать до 100 тыс. иен в месяц (немногом менее 1 тыс. долл.) [National Institute of Population and Social Security Research 2019, p. 58]. Но лицензированные центры доступны только для постоянных работников; домохозяйки, надомницы, *пато*, а также работники, занятые в сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве, не могут воспользоваться их услугами.

Для того, чтобы решить проблему нехватки мест в детских дошкольных учреждениях в крупных городах, в 2015 г. было разрешено создавать частные центры, рассчитанные на небольшое число детей (на дому или при предприятии). При этом государство оказывает им финансовую помощь, а также контролирует условия содержания детей.

В-третьих, была усилена материальная поддержка семей с детьми. В мае 2019 г. был принят Закон о бесплатном дошкольном образовании. Для всех детей в возрасте от 3 до 5 лет, а также для детей в возрасте до 2 лет из семей с низкими доходами (освобождённых от уплаты налога на резидентов) обучение (пребывание) в лицензированных детских дошкольных учреждениях стало бесплатным. Родители детей, посещающих частные детские учреждения, не подведомственные местным органам власти, с 2019 г. получают субсидии: на ребёнка в возрасте

от 3 до 5 лет – до 37 тыс. иен в месяц, в возрасте до 2 лет – до 42 тыс. иен в месяц. Разумеется, для детей с отклонениями в развитии пребывание в соответствующих учреждениях является бесплатным. Расходы государства на эти цели покрываются за счёт потребительского налога, ставка по которому в октябре 2019 г. была повышена с 8 % до 10 % [Cabinet office 2019a, p. 9].

К этому следует добавить, что семьям, имеющим детей дошкольного и школьного возраста, выплачиваются ежемесячные пособия. Их получают все семьи с детьми в возрасте до 15 лет (т.е. до окончания средней школы) при условии, что совокупные семейные доходы не превышают 9,6 млн иен в год (примерно 90 тыс. долл.). На детей младше 3 лет выплачивается 15 тыс. иен в месяц, на детей от 3 лет и до возраста окончания начальной школы (11 лет) – 10 тыс. иен в месяц на первого и второго ребёнка и 15 тыс. иен – на третьего и последующих. На детей, обучающихся в средней школе (в возрасте 12–15 лет), выплачивается пособие 10 тыс. иен в месяц. При этом родители-одиночки получают пособие вплоть до достижения детьми 18 лет, а его величина зависит от уровня дохода родителя и составляет от 9,980 тыс. иен до 42,290 тыс. иен в месяц [National Institute of Population and Social Security Research 2019, p. 57].

Очевидно, что эта помощь особенно значима для небогатых семей, имеющих детей школьного возраста. Хотя обязательное 9-летнее образование в Японии в государственных школах является бесплатным, за обучение в школах высшей ступени (которое продолжается ещё три года) взимается плата даже в государственных школах. Напомним, что полное (12-летнее) среднее образование сейчас получают порядка 99 % японских детей. Более того, даже в бесплатных начальных и средних государственных школах родители несут определённые расходы (на разного рода мероприятия, внешкольное образование детей и т.д.). Например, по данным за 2018 г., в государственных начальных школах расходы родителей составили в среднем 321,3 тыс. иен (порядка 3 тыс. долл.), в средних школах – 488, 4 тыс. иен (более 4,5 тыс. долл.), в школах высшей ступени – 457,4 тыс. иен (порядка 4,3 тыс. долл.) [Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology 2018].

В последние годы государство начало оказывать материальную поддержку и небогатым семьям, чьи дети обучаются в университете. Государственные и частные университеты получают субсидии на цели снижения или полной отмены платы за обучение для студентов из семей с невысокими доходами. А с декабря 2017 г. студенты из бедных семей, продемонстрировавшие хорошие результаты на выпускных экзаменах в школе высшей ступени, стали получать гранты на покрытие расходов на обучение и проживание [Kobayashi, 2020, p. 38]⁴.

Проблемы, связанные с повышением рождаемости

Очевидно, что материальная поддержка семей с детьми, а также меры по созданию условий, облегчающих женщинам сочетание работы и домашних обязанностей, должны способствовать решению ещё одной важной задачи – повышению рождаемости. Но её решение сопряжено с целым рядом проблем.

⁴ Подробно см. [Лебедева, 2020].

Как упоминалось выше, по показателю фертильности (измеряемой числом детей, рождённых женщиной в репродуктивном возрасте) Япония оказалась в едва ли не худшем среди высокоразвитых государств положении. Так, в 2018 г. во Франции этот показатель составил 1,58, Швеции – 1,75, США – 1,73, Великобритании – 1,70, Германии – 1,57, Японии – 1,42, Италии – 1,29. По сравнению с серединой 1970-х годов число рождённых за год детей сократилось почти в два с половиной раза (в 1973 г. оно составило 2 млн 92 тыс., в 2019 г. – 865 тыс.) [Cabinet Office 2020a, p. 5,6].

За низким уровнем фертильности в Японии скрываются две основные проблемы, а именно, снижение «фертильности» японских семей, т.е. сокращение числа детей в семье, и рост доли не состоящих в браке японок.

В 2005 г. среднее число детей в семье опустилось ниже 2,0, т.е. уровня, необходимого для простого воспроизводства, и в последующие годы продолжало снижаться: в 2010 г. оно составило 1,96, в 2015 г. – 1,94. При этом в течение трёх десятилетий (начало 1970-х – начало 2000-х годов) этот показатель практически не менялся и составлял около 2,2 [Cabinet Office 2020a, p. 17]. Конечно, это снижение нельзя назвать критическим, но в условиях быстрого старения населения сохранение этой тенденции крайне нежелательно.

Абсолютное большинство японских семейных пар обзаводятся детьми, доля бездетных семей составляет чуть более 6 %. При этом более половины семей (54 % в 2015 г.) имеют двух детей, и этот показатель практически не менялся с середины 1970-х годов. Но проблема состоит в том, что постепенно нарастает доля семей, имеющих лишь одного ребёнка (с 11 % в 1977 г. она выросла до почти 19 % в 2015 г.) [National Institute of Population and Social Security Research March 2017, p. 13].

Очевидно, что рождение второго ребёнка приводит к существенным изменениям в жизни супругов. Это событие не только влечёт дополнительные финансовые расходы, но и ставит их перед необходимостью решения ряда других вопросов (что делать с работой супруги, нужно ли обзаводиться более просторным жильём, каким будет участие супруга в домашних делах и воспитании детей, можно ли рассчитывать на помощь родственников и т.д.). Судя по материалам обследования 2015 г., проведённого Национальным институтом изучения населения и социального обеспечения, основным фактором ограничения числа детей в семье являются значительные расходы, связанные с их воспитанием и образованием. На эту причину указали 76,1 % семейных пар в возрасте моложе 30 лет, 81,1 % – в возрасте 30–34 года и 64,9 % – в возрасте 35–39 лет [National Institute of Population and Social Security Research March 2017), p. 21].

Выше уже упоминались меры, принятые в рамках *вименоми*, для уменьшения бремени расходов родителей на воспитание маленьких детей, а также меры по поддержке семей с детьми школьного возраста. Однако не только материальные соображения удерживают японцев от заведения второго ребёнка. Как отмечает японский специалист по вопросам семьи и брака, С. Фукуда, в высокоразвитых странах, где достигнуто гендерное равенство в образовании и занятости, важную роль в повышении фертильности играет такой фактор, как разделение семейных обязанностей между супругами [Fukuda, 2017, p. 2]. Хотя говорить о гендерном равенстве на японском рынке труда пока преждевременно, в системе образования

дискриминации по гендерному признаку уже практически не существует. А это означает, что вопрос о разделении семейных обязанностей становится все более и более актуальным, особенно в тех семьях, где женщина получила высшее образование. Между тем в этой области Япония сильно уступает другим развитым странам и заметных изменений пока не происходит.

В Японии хорошо осознают существование этой проблемы, и правительство стремится по возможности содействовать изменению ситуации. Продолжается пропагандистская кампания «Икумен», о которой говорилось выше. Созданы специальные сайты, на которых размещается информация о моделях поведения супругов в тех или иных ситуациях. С 2001 г. в стране ежегодно проводятся недели гендерного равенства (с 23 по 29 июня), в рамках которых местные власти организуют всевозможные мероприятия, пропагандирующие идею гендерного равенства в семье, на работе, в обществе. Наконец, с целью стимулировать мужчин к более активному участию в уходе за ребёнком в первые годы его жизни в 2017 г. были улучшены условия оплаты отпуска по уходу за ребёнком для молодых отцов. В первые полгода после рождения ребёнка они теперь могут получать пособие в размере 67 % от заработной платы (прежде – 50 %), в следующие полгода – в размере 50 %. Причём, в отличие от женщин им также оплачивается и отпуск в последние два месяца 14-месячного отпуска (в размере 50 % от заработной платы) [Cabinet office 2019с, р. 35]. По плану, принятому в 2010 г., к 2020 г. доля мужчин, берущих отпуск по уходу за ребёнком, должна была составить 13 %; по новым наметкам, принятым в декабре 2019 г., к 2025 г. она должна достичь 30 %. Однако, судя по реальному показателю 2019 г. – 6,16 % – японские мужчины пока не готовы воспользоваться этим «инструментом» гендерного равенства [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, р. 51].

Говоря о мерах по повышению рождаемости, нельзя не отметить, что японская система охраны здоровья матери и ребёнка является одной из лучших в мире. Об этом, в частности, свидетельствует один из самых низких среди развитых стран показателей детской смертности (1,9). С учётом роста доли бездетных семей в стране ещё в 1996 г. в медицинское страхование было включено лечение от бесплодия, а с 2004 г. на эти цели стали предоставляться субсидии (в размере 150 тыс. иен). Ими могут воспользоваться женщины в возрасте до 42 лет включительно, решившиеся на искусственное оплодотворение. Женщины в возрасте до 40 лет могут обращаться за субсидиями 6 раз, в возрасте 40–42 года – 3 раза [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, р. 60].

Как уже отмечалось, низкие показатели фертильности в стране связаны также со значительным повышением доли японок, не состоящих в браке. Причём по мере возрастания этой доли влияние данного фактора усиливается. О том, как изменилась ситуация за 30-летний период (1985–2015 гг.), можно судить по приводимым ниже цифрам (%) [Ministry of Health, Labor and Welfare 2019a, с. 13]:

Доля незамужних женщин в возрасте	1985	2015
25–29 лет	30,5	61,6
30–34 года	10,4	34,6
35–39 лет	6,6	23,9

Почему же молодые японки отказываются от столь естественного для женщин выбора как замужество и рождение детей?

Прежде всего, это связано с ростом уровня их образования. Очевидным следствием этого становится повышение требований молодых женщин к потенциальным супругам. Они касаются и уровня образования, и уровня дохода, и места работы, и связанного с ним социального статуса.

Разумеется, абсолютное большинство женщин предпочитают выходить замуж за мужчин с тем же или более высоким уровнем образования. В этом плане даже для выпускниц университетов серьёзных проблем пока не возникает, поскольку уровень образования молодых японцев в целом несколько выше, чем уровень образования их сверстниц. Правда, японские специалисты отмечают такое удивительное для восточной страны явление, как постепенное повышение доли гипогамий, т.е. браков, в которых женщина имеет более высокий уровень образования, чем мужчина. Так, в общем числе семей, где возраст супруги составляет 30–39 лет, доля таких браков повысилась с 12 % в 1980 г. до 21 % в 2010 г., в том числе среди выпускниц полноценных университетов – с 0,5 % до 4,8 % [Fukuda, Yoda, Mogi, 2019, p. 58]. Поскольку авторы не приводят более поздних данных, трудно судить о том, как развивалась ситуация в последующие годы. Но поскольку уровень образования молодых японок растёт, а выбор достойного спутника жизни всё более усложняется, можно предположить, что браки по типу гипогамии станут одной из новых японских реалий.

Что касается дохода будущего мужа, то здесь наблюдаются заметные расхождения между предпочтениями женщин и возможностями мужчин, о чём свидетельствуют материалы табл. 2.

Таблица 2. Структура предпочтений женщин в отношении дохода мужа и распределение мужчин по уровню реальных доходов

	Менее 3 млн иен	От 3 до 4 млн иен	От 4 до 6 млн иен	От 6 до 8 млн иен	Свыше 8 млн иен
Доля женщин, рассчитывающих на соответствующий годовой доход мужа (%)	9,0	18,1	49,1	16,4	6,7
Доля мужчин, имеющих соответствующий годовой доход (%)	53,3	18,7	20,3	6,2	2,0

Источник: [Cabinet office 2019a, p. 5].

Если исключить группу, где пожелания женщин относительно дохода мужа и возможности мужчин совпадают (доход от 3 до 4 млн иен), то окажется, что в то время как годовой доход менее 3 млн иен устраивает лишь 9 % японок, более половины молодых японцев могут предложить им только такой доход. И, наоборот, в то время как более 70 % японок хотели бы иметь мужа с годовым доходом свыше 4 млн иен, таким доходом располагают менее 30 % молодых японцев.

Что же касается работы и социального статуса японских мужчин, то и в этой области в последние десятилетия ситуация осложнилась. Прежде всего, речь идёт о росте среди них доли непостоянно занятых. Эта тенденция возникла ещё в 1990-е годы под влиянием ряда факторов (депрессии, диверсификации жизненных стилей молодёжи, сервисизации экономики и т.д.) и продолжилась и в последующие десятилетия. При этом происходило не только повышение доли непостоянных работников среди молодых японцев, но и рост абсолютной их численности. Так, если в 2006 г. доля непостоянных работников среди мужчин в возрасте 25–34 года составляла 6,0 %, а их численность – 470 тыс. человек, то в 2019 г. – соответственно 14,5 % и 830 тыс. [Statistics Bureau of Japan 2006, table 4; 2019, table 1–4].

Как отмечалось выше, между сферами постоянной и непостоянной занятости в Японии существует глубокий водораздел, и это относится не только к условиям труда, включая заработную плату, но и к социальному статусу. Причём укоренившиеся в обществе представления о подобающей для молодого человека работе и карьере и об обязанности мужа быть основным добытчиком средств в семье приводят к тому, что молодые японки не рассматривают не имеющих постоянной работы мужчин как достойных внимания претендентов. Конечно, нельзя сказать, что в незавидном положении оказываются все непостоянные работники-мужчины, поскольку появились профессии, которые позволяют преуспевать, работая и по временным контрактам (например, компьютерные мастера или программисты). Но в целом «конкурентоспособность» не имеющих постоянной работы мужчин гораздо ниже, чем у постоянных работников. Об этом можно судить по доле состоящих в браке среди постоянных и непостоянных работников-мужчин молодых возрастных когорт (%, 2017 г.) [Cabinet Office 2020a, p. 22]:

Возрастные когорты	Постоянные работники	Непостоянные работники
20–24 года	8,3	2,8
25–29 лет	30,5	12,5
30–34 года	59,0	22,3

Далее, с ростом уровня образования женщин, с расширением возможностей их трудоустройства на постоянную работу всё более сложным для них становится выбор между карьерой и замужеством и рождением детей. Выше уже говорилось об особенностях японской системы управления трудом и, в частности, о важности для карьерного роста постоянного повышения квалификации на основе внутрифирменного обучения. Этой системой охвачено порядка 80 % работников японских компаний, в том числе более 2/3 женщин. И хотя по закону от 2016 г. компании обязаны создавать условия для возвращения женщин на места постоянных работников после отпуска по уходу за ребёнком, реализации этого закона, помимо всего прочего, мешают и представления самих женщин. Так, более 3/4 молодых японок считают, что мать должна находиться с ребёнком, по крайней мере, до достижения им 3 лет, так как это самый важный период в его жизни [Yanfei Zhou, 2015, p. 114]. Очевидно, что отключение от

системы внутрифирменного обучения на такой срок не может не наносить ущерба карьере женщин. Многие из них, оказавшись перед выбором «семья или карьера», идут на компромиссный вариант: откладывают замужество и рождение ребёнка на будущее, следствием чего является заметное повышение возраста первого замужества и рождения первого ребёнка. Так, если в 1985 г. возраст первого замужества японок составлял 25,5 лет, а возраст рождения первенца – 26,7 лет, то в 2018 г. – 29,4 года и 30,7 лет [Cabinet Office 2020a, p. 15].

Наконец, на снижение доли замужних молодых японок оказывают влияние и те изменения, которые происходят в системе ценностей японской молодёжи – как женщин, так и мужчин. В целом японская молодёжь признаёт ценность брака и семьи. Согласно результатам проведённого в 2015 г. обследования, абсолютное большинство японцев в возрасте от 18 до 34 лет (85,7 % мужчин и 89,3 % женщин) собирались рано или поздно обзавестись семьей. Но в то же время 12 % мужчин и 8 % женщин заявили, что они вообще не собираются вступать в брак (в 1987 г. таких было 4,5 % и 4,6 %) [Cabinet Office 2020a, p. 17; National Institute of Population and Social Security Research March 2017, p. 1]. При этом следует подчеркнуть, что поскольку в Японии не поощряются ни гражданские браки, ни рождение детей вне брака, речь идёт именно о создании полноценного, оформленного в соответствии с законом брачного союза.

Те, кто не собирается жениться и выходить замуж, в качестве основных причин назвали стремление сохранить свободу выбора образа жизни, нежелание обременять себя какими-либо обязательствами и лишиться привычного комфорта. Очевидно, что эти же мотивы характерны и для тех, кто, не отрицая ценности брака, тем не менее, откладывает наступление этого события, стремясь подольше пожить беспечно и в достатке, в том числе и благодаря совместному проживанию с родителями. Так, по данным за 2015 г., проживали совместно с родителями более 72 % не состоящих в браке молодых мужчин (в том числе 65 % – среди постоянных работников) и 78 % женщин (в том числе 73 % – среди постоянных работников) [National Institute of Population and Social Security Research March 2017, p. 3].

Попутно заметим, что в отличие от 1970-х годов, когда более 40 % браков заключались по сговору, т.е. при посредничестве родственников или знакомых (*миаи*), сейчас абсолютное большинство браков (около 90 %) заключаются по любви. Но ситуацию осложняет снижение интереса к противоположному полу – как среди юношей, так и среди девушек. Так, по данным опроса, проведённого в 2015 г., среди мужчин в возрасте от 18 до 34 лет почти 70 % не имели никаких отношений с девушками (в 2005 г. – 52 %), при этом 32 % хотели бы таких отношений, а 30 % не особенно к этому стремятся. Среди женщин того же возраста не имели никаких отношений с мужчинами 60 % (в 2005 г. – 45 %), при этом четверть из них хотели бы завязать такие отношения, а ещё четверть не стремятся к этому [National Institute of Population and Social Security Research March 2017, p. 5, 12].

Конечно, с точки зрения задачи повышения фертильности, приведённые выше цифры не вселяют оптимизма. Но вопросы любви и брака слишком деликатны, чтобы вмешиваться в эту ситуацию с помощью каких-либо инструментов стимулирования. Тем не менее, поскольку в качестве основного препятствия на пути к браку молодые японцы чаще всего называют проблемы с деньгами и жильём, правительство стремится поддержать вновь созданные семьи, предоставляя им финансовую помощь. До недавнего времени зарегистрировавшие брак

молодожёны получали 300 тыс. иен при условии, что обоим супругам на момент регистрации было не более 35 лет, а их совокупный годовой доход не превышал 4,8, млн иен. Но с апреля 2021 г. размеры этих выплат повысятся до 600 тыс. иен, при этом оба супруга на момент регистрации брака должны быть не старше 40 лет, а их совокупный доход не должен превышать 5,4 млн иен. Доля центрального правительства в этих расходах будет повышена с 1/2 до 2/3 (остальную часть берут на себя муниципалитеты) [Japan Today (September 21, 2020)].

Нельзя отрицать полезности этой меры, но очевидно, что эффект её ограничен в силу всех тех обстоятельств, о которых говорилось выше. В 2018 г. в Японии было заключено около 586,5 тыс. браков, а коэффициент брачности составил 4,7 (в 1970-е годы он превышал 10,0) [Cabinet Office 2020a, p. 12].

Заключение

Благодаря тому, что меры, предпринятые в рамках *вименомики*, носили комплексный характер, т.е. были направлены на решение целого ряда ключевых проблем, определяющих характер занятости японских женщин, ситуацию удалось сдвинуть с места. За последние годы произошло не только улучшение условий найма и работы молодых японок, особенно выпускниц университетов, но и упрочились позиции на рынке труда женщин старших возрастных групп. В частности, значительно повысилась экономическая активность японок наиболее проблемных возрастов (25–44 года), на которые приходятся самые ответственные в жизни женщины этапы – замужество, рождение и воспитание детей. При этом произошли и некоторые подвижки в модели занятости этих женщин, а именно среди них возросла доля постоянных работников и снизилась доля непостоянно занятых. Массовый выход на рынок труда тех, кого можно назвать «домохозяйками со стажем», т.е. женщин в возрасте 45–54 года, также можно зачислить в актив *вименомики*. Хотя некоторые специалисты склонны объяснять это явление сокращением числа мужчин, которые могут обеспечить своим семьям уровень жизни среднего класса, на наш взгляд, без улучшения условий труда этих женщин вряд ли был бы возможен их столь масштабный приток в экономику. Представляется, что дальнейшие усилия по улучшению условий для совмещения женщинами работы и семейных обязанностей смогут не только расширить их участие в экономике, но и привести к повышению рождаемости. Ведь абсолютное большинство японских семейных пар хотели бы иметь, по меньшей мере, двух детей, но одним из главных препятствий к рождению второго ребёнка является вопрос о том, как это отразится на работе супруги. Это тем более важно, что повышение фертильности за счёт увеличения доли замужних среди молодых японок пока представляется маловероятным.

В заключение необходимо коснуться вопроса о том, как отразилась на японских женщинах пандемия коронавируса. Поскольку многие японки работают в сфере торговли, бытовых услуг населению, гостиничном и ресторанном бизнесе, ограничения, введённые в этих отраслях в связи с пандемией коронавируса, не могли не сказаться на женской занятости. Усугубила положение дел и необычность самого вызванного ковидом кризиса, который сопровождался закрытием школ, детских садов, а также невозможностью прибегнуть к помощи дедушек и бабушек из-за рекомендаций избегать лишних контактов, особенно с людьми пожилого возраста.

Очевидно, что возросшее в связи с этим бремя домашних забот легло, главным образом, на плечи японских женщин. Разного рода ограничения растянулись почти на три месяца, и к июню 2020 г. число работающих японок трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) сократилось на 330 тыс. человек по сравнению с мартовскими показателями, а в группе 25–44 года – на 190 тыс. человек. Однако в последующие месяцы, по мере возвращения экономики в нормальное русло, ситуация начала улучшаться, и к октябрю общее число работающих женщин 15–64 лет возросло на 290 тыс., а в группе 25–44 года – на 250 тыс. человек. Иными словами, женщины проблемных возрастов вернулись на рынок труда. При этом по сравнению с предкризисным уровнем доля постоянных работников в этой группе даже повысилась: с 55,6 % в марте до 58,7 % в октябре 2020 г. [Statistics Bureau of Japan (2020), table 1–4]. Пока трудно сказать, каким будет влияние на женскую занятость второй волны пандемии, но можно предположить, что толчок, который пандемия дала развитию разного рода гибких форм работы, в том числе и в сфере постоянной занятости, в целом может благотворно сказаться на возможностях совмещения женщинами работы и семейных обязанностей. Другое дело, что в реальной жизни шансы женщин воспользоваться этими возможностями будут зависеть от множества самых разных обстоятельств, специфических для каждой конкретной семьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Лебедева И.П. О модели занятости японских женщин // Ежегодник Япония 2019. Москва: Институт востоковедения РАН, 2019. Том 48. С. 106–131. DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10005
- Лебедева И.П. Образование и стартовые возможности японской молодежи // Ежегодник Япония 2020. Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. Том. 49. С. 86–120. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10004

REFERENCES

- Lebedeva, I. P. (2019). O modeli zanyatosti yaponskikh zhenshchin [On the Employment Model of Japanese Women]. *Yearbook Japan*, 48, 106–131. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2019-10005> (In Russian).
- Lebedeva, I. P. (2020). Obrazovanie i startovye vozmozhnosti yaponskoi molodezhi [Education and Starting Opportunities of Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 49, 86–120. <https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004> (In Russian).
- * * *
- Cabinet Office. (2019a). *Annual Report on the Declining Birthrate 2019 (Summary)*. Retrieved November 29, 2020, from <https://www8.cao.go.jp/shoushi/shoushika/whitepaper/measures/english/w-2019/pdf/gaiyoh.pdf>
- Cabinet Office. (2019b). *White Paper on Gender Equality 2019*. Retrieved November 20, 2020, from http://www.gender.go.jp/english_contents/about_danjo/whitepaper/pdf/ewp2019.pdf
- Cabinet Office. (2019c). *Women and Men in Japan 2019*. Retrieved November 15, 2020, from https://www.gender.go.jp/english_contents/about_danjo/whitepaper/pdf/ewp2019.pdf

Cabinet Office. (2020, May 29). *Josei kokka komuin no saiyō jōkyō no forōappu* [Follow-up on the Situation with Employment of Women as State Employees]. Retrieved August 8, 2020, from https://www.cas.go.jp/jp/gaiyou/jimu/jinjiyoku/files/200529_followup.pdf (In Japanese).

Cabinet Office. (2020a). *Shōshika shakai taisaku hakusho reiwa ninen* [White Paper on the Policy in Society with Declining Birthrate 2020]. Retrieved August 8, 2020, from <https://www8.cao.go.jp/shoushi/shoushika/whitepaper/measures/w-2020/r02pdfhonpen/pdf/s1-4.pdf> (In Japanese).

Cabinet Office. (2020b). *Women and Men in Japan 2020*. Retrieved November 20, 2020, from https://www.gender.go.jp/english_contents/about_danjo/whitepaper/pdf/ewp2020.pdf

Fukuda, S. (2017). *Gender Role Division and Transition to the Second Birth in Japan*. National Institute of Population and Social Security Research. Working Paper Series (E). No 28. September 2017. Retrieved November 10, 2020, from http://www.ipss.go.jp/publication/e/WP/IPSS_WPE28.pdf

Fukuda S., Yoda S., & Mogi, R. (2019). *Educational Assortative Mating in Japan: Evidence from the 1980-2010 Census*. National Institute of Population and Social Security Research. Working Paper No. 29. January 2019. Retrieved November 15, 2020, from http://www.ipss.go.jp/publication/e/WP/IPSS_WPE29.pdf

Ikeda, S. (2019a). Why Do Women Leave Jobs at the Stage of Childbirth? *Japan Labor Issues*, 3(14), May 2019. Retrieved November 20, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/014-00.pdf>

Ikeda, S. (2019b). Women's Employment Status and Family Responsibility in Japan: Focusing on the Breadwinner Role. *Japan Labor Issues*, 3(17), August-September 2019. Retrieved November 10, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/017-00.pdf>

Inamori, K. (2017). Current Situation and Problems of Legislation on Long-Term Care in Japan's Super-Aging Society. *Japan Labor Review*, 14(1), Winter 2017. Retrieved November 10, 2020, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2017/JLR53_all.pdf

Japan Institute of Labor Policy and Training. (2016). *Labor Situation in Japan and its Analysis 2015/2016*. Retrieved May 5, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/lsp/general/2015-2016.html>

Japan Today. (September 21, 2020). Japan newlyweds can receive up to 600000 yen to start new life. Retrieved December 20, 2020, from <https://japantoday.com/category/national/japan-newlyweds-can-receive-up-to-600-000-yen-to-start-new-life>

Kanai, K. (2016). MHLW's Policy of "Diverse Regular Employees" and Its Impact on Female Employment. *Japan Labor Review*, 13(2), Spring 2016. Retrieved October 10, 2019, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2016/JLR50_kanai.pdf

Kobayashi, M. (2020). International Comparison of Higher Education Cost Sharing and Japanese Challenges. *Japan Labor Issues*, 4(20), December-January 2020. Retrieved October 10, 2020, from <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2020/020-00.pdf>

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. (2018). *Heisei 30 nendo kodomo no gakushyūhi chōsa* [Survey on Expenses for Children Education 2018]. Retrieved May 5, 2020, from https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/chousa03/gakushuui/sonota/1399388_00001.htm (In Japanese).

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. (2019b). *Mombu kagaku tokei yoran 2019* [Statistical Data Book of the Ministry of Education and Science 2019]. Retrieved October 10, 2020, from https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00003.htm (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare. (2019a). *Hataraku josei-no jijyo reiwa gannen* [The Situation with Working Women 2019]. Retrieved October 15, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/bunya/koyoukintou/josei-jitsujo/19.html> (In Japanese).

Ministry of Health, Labor and Welfare. (2019b). *Koyo dokou chosa 2019* [Survey on Employment Trends 2019]. Retrieved October 10, 2020, from <https://www.mhlw.go.jp/toukei/itiran/roudou/koyou/doukou/.../index.html> (In Japanese).

National Institute of Population and Social Security Research. (March 2017). *The Fifteenth Japanese National Fertility Survey 2015. Marriage Process and Fertility of Married Couples Attitudes toward Marriage and Family among Japanese Singles. Highlights of the Survey Results on Married Couples/ Singles*. Retrieved December 20, 2020, from www.ipss.go.jp/ps-doukou/e/doukou15/Nfs15R_points_eng.pdf

National Institute of Population and Social Security Research. (2019). *Population and Social Security in Japan 2019*. Retrieved December 15, 2020, from <http://www.ipss.go.jp/s-info/e/pssj/pssj2019.pdf>

Statistics Bureau of Japan. (2006, 2019). *Labour Force Survey 2006, 2019*. Retrieved November 20, 2020, from <http://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files>

Statistics Bureau of Japan. (2012). *Employment Status Survey 2012*. Retrieved December 15, 2020, from <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&toukei=00200532&tstat=000001058052>

Statistics Bureau of Japan. (2020). *Labor Force Survey March, June, October 2020*. Retrieved December 20, 2020 from <http://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files>

Statistics Bureau of Japan. (2021). *Japan Statistical Yearbook 2021*. Retrieved December 28, 2020, from <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/index.html>

Yanfei Zhou. (2015). Career Interruption of Japanese Women: Why is it so Hard to balance Work and Childcare? *Japan Labour Review*, 12, Spring 2015. Retrieved October 15, 2020, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2015/JLR46_all.pdf

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Япония и российское правительство А.В. Колчака К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири

В.Г. Дацышен

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории японской интервенции на территории России. Участие Японии в иностранной военной интервенции стало важнейшим фактором развития советско-японских отношений, во многом определяло антияпонские настроения россиян на разных этапах истории страны. При наличии обширной историографии вопроса, многие проблемы истории японской военной интервенции на востоке России остаются слабо изученными. Работа посвящена проблемам взаимоотношений между Российским правительством А.В. Колчака и Японией. Содержание и характер помощи японских интервентов властям и армии в Сибири определили исход гражданской войны в России. На основе архивных документов, материалов периодической печати и опубликованных воспоминаний участников событий восстанавливается историческая картина взаимоотношений Омского правительства с государственными структурами и военными Японии. Вице-адмирал А.В. Колчак попытался получить материальную помощь от японского правительства для борьбы против большевиков ещё летом 1918 г. Япония установила прямые отношения с правительством в Омске осенью 1918 г., когда японские войска уже были размещены вдоль железных дорог от Владивостока до Иркутска. В работе выявлены и проанализированы вопросы и проблемы, существовавшие в отношениях между центральной антисоветской властью России и японскими интервентами в 1918–1920 гг. Недостаточная материальная поддержка и отказ Японии послать войска в Западную Сибирь и на Урал обесценили помощь союзников Белому движению. Японские войска активно боролись с партизанским движением на Дальнем Востоке, но избегали не только прямого противостояния с вооружёнными силами РСФСР, но и активного вмешательства в военно-политические события в Центральной и Западной Сибири. Это, в конечном итоге, сформировало негативное отношение к японской интервенции у различных политических сил и социальных групп. Всестороннее изучение истории японской интервенции позволяет глубже понять причины сохранения негативного восприятия участия Японии в событиях гражданской войны и иностранной военной интервенции в России 1918–1922 гг.

Ключевые слова: российско-японские отношения, японская интервенция, Гражданская война в Сибири, Российское правительство А.В. Колчака, антияпонские настроения.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); Сибирский федеральный университет (адрес: 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79); Красноярский государственный педагогический университет (адрес: 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Дацышен В.Г. Япония и российское правительство А.В. Колчака. К проблеме современного отношения к японской интервенции в Сибири // Японские исследования. 2021. № 1. С. 121–140. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Japan and the Russian government of A.V. Kolchak

On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia

V.G. Datsyshen

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the Japanese intervention in the territory of Russia. Japan's participation in foreign military intervention became a major factor in the development of Soviet-Japanese relations and it largely determined the anti-Japanese sentiments among Russians at different stages of the country's history. Although there is an extensive historiography of the issue, many problems in the history of Japanese military intervention in eastern Russia remain poorly understood. The aim of this work is to reveal the problems in the relations between the A.V. Kolchak government and Japan. The content and nature of the assistance of the Japanese interventionists to the authorities and the army in Siberia determined the outcome of the civil war in Russia. On the basis of archival documents and materials from periodicals, the historical picture of the relationship of the Omsk government with the state and the military of Japan is being restored. Vice-Admiral A.V. Kolchak tried to obtain material assistance from the Japanese government for his struggle against the Bolsheviks in the summer of 1918. Japan established direct relations with the government in Omsk in the autumn of 1918, when Japanese troops were already stationed along the railways from Vladivostok to Irkutsk. The work identifies and analyzes the issues and problems that existed in relations between the central anti-Soviet government of Russia and the Japanese interventionists in 1918–1920. Insufficient material support and Japan's refusal to send troops to Western Siberia and the Urals devalued the allies' assistance to the White movement. Japanese troops actively fought the partisan movement in the Far East, but avoided not only direct confrontation with the armed forces of the RSFSR, but also active intervention in the military and political events in Central and Western Siberia. This ultimately formed a negative attitude towards the Japanese intervention among various political forces and social groups. A comprehensive study of the history of the Japanese intervention provides a deeper understanding of the reasons for the continued negative perception of Japan's participation in the events of the civil war and foreign military intervention in Russia in 1918–1922.

Keywords: Russian-Japanese relations, Japanese intervention, Civil War in Siberia, A.V. Kolchak government, anti-Japanese sentiment.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); Siberian Federal University (address: 79, Svobodny pr., Krasnoyarsk 660041); Krasnoyarsk State Pedagogical University (address: 82, Ady Lebedevoi street, Krasnoyarsk, 660049). ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Datsyshen V.G. (2021). Yaponiya i rossiyskoye pravitel'stvo A.V. Kolchaka. K probleme sovremennogo otnosheniya k yaponskoy interventsii v Sibiri [Japan and the Russian government of A.V. Kolchak. On the issue of the contemporary evaluation of the Japanese intervention in Siberia]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2021, 1, 121–140. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-121-140

Участие Японии в иностранной военной интервенции в России в 1918–1922 гг. явилось важнейшим фактором формирования негативного отношения российского общества к Японии и японцам на протяжении прошедших ста лет. Японская интервенция, в отличие от других событий, в том числе русско-японской войны 1904–1905 гг., всегда использовалась в антияпонской агитации. В современной России участие Японии в тех событиях также воспринимается негативно, оценивается как действия антироссийской направленности. Отчасти такая ситуация обусловлена тем, что, и в прошлом, и сегодня значительная часть российского общества, не говоря уже о правящей элите, воспринимала любые действия против центральной российской власти и утвердившегося режима, как вражеские в отношении всей России. Однако были и другие факторы и причины, способствовавшие устойчивому формированию и сохранению негативного отношения к участию Японии в событиях Гражданской войны в России.

В первую очередь, безусловно, сам факт участия вооружённых сил в военных событиях на территории другого государства ведёт к накоплению комплекса проблем и противоречий, и при недостижении поставленных политических целей, как это и было в случае антисоветской военной интервенции, оставляет большой негативный след. А в условиях XX в., когда, начиная с 1930-х годов, два государства находились в противостоящих друг другу военно-политических блоках, этот негативный опыт часто был востребован и поддерживался. Однако, в числе причин формирования негативного отношения российского общества к опыту участия японских войск в Гражданской войне были, очевидно, и претензии антисоветских сил к японцам. В конечном итоге японская армия не только не приняла участия в боевых действиях против Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), но и отказалась вводить свои войска для охраны тыла Белой армии западнее Байкала, а кроме того, не оказала достаточной военно-технической и морально-политической поддержки антисоветскому Российскому правительству, на которую рассчитывали антибольшевистские силы.

В отечественной исторической науке, несмотря на большой интерес к проблемам истории Гражданской войны, мало внимания уделялось проблеме восстановления исторической картины взаимоотношений между антисоветскими властями и Японией, почти не затрагивались вопросы японского представительства и военного присутствия в регионах западнее Байкала. Эти вопросы, например, не нашли отражения в вышедшем в 1931 г. в Москве сборнике документов «Из истории японской интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг.» [Из истории..., 1931]. Составитель вышедшего в 1930-х годах сборника документов «Японская интервенция» И. Минц проблему не озвучил, но в сборник включил раздел «Поддержка Колчака Японией», где без ссылок опубликовал небольшое послание генерала Отани Кикудзо с пожеланием А.В. Колчаку: «чтобы дело воссоздания великой России... было скорее доведено до конца» [Японская..., 1934, с. 28]. В сборник также были включены документы, отражающие военно-техническое и торгово-экономическое взаимодействие правительства Колчака с Японией, правда без ссылок на источники. Во второй половине XX в. это направление серьёзного развития не получило, например, проблема не затрагивается в классической работе С.С. Григорцевича [Григорцевич С.С., 1957]. Согласно историографическому исследованию В.П. Наумова, советские историки давали «однозначные оценки» японской интервенции [Наумов В.П., 1972, с. 192], писали о «борьбе против японской интервенции» [Наумов В.П., 1972, с. 286], но в основном

рассматривали проблемы японо-американских противоречий, а не проблемы взаимоотношений между Токио и различными российскими правительствами. Тем не менее, в советской историографии всё же были подняты многие вопросы взаимоотношений между Токио и Омском, это можно увидеть на примере работы сибирского историка С.Г. Лифшица «Политика Японии в Сибири» [Лифшиц С.Г., 1991, с. 3].

В современной историографии содержательная и оценочная составляющие большей части работ по истории японской интервенции не претерпели больших изменений [Дацышен В.Г., 2020]. Однако известные российские японисты продолжают работу по расширению круга исследуемых проблем, опираясь, в том числе на японские документы и материалы японской периодической печати. Показательной в этом отношении является работа К.О. Саркисова «Япония и Советская Россия», где в главе «Сибирская интервенция» выделен параграф «Омское правительство. Колчак» [Саркисов К.О., 2019, с. 83–116]. В последние годы ряд молодых исследователей при обращении к проблеме японской военной интервенции в России акцентируют внимание на проблеме расширения источниковой базы, вводят в научный оборот новые документы российского и японского происхождения [Полутов А.В., 2012; Исповедников Д.Ю., 2015; Зорихин А.Г., 2019; Зорихин А.Г., 2020]. Исследователь Э.А. Барышев показал, что в японской историографии данные проблемы также изучены недостаточно, но имеется возможность расширения источниковой базы [Барышев Э.А., 2017, с. 903–922].

Целью представленной работы является восстановление исторической картины взаимоотношений между Японией и Российским правительством в Омске, выявление вопросов и проблем, существовавших в отношениях между центральной антисоветской властью в Сибири и японскими интервентами в 1918–1920 гг. Историческими источниками по данной теме являются делопроизводственные документы, материалы периодической печати и опубликованные воспоминания участников событий.

Начало японской военной интервенции в России

Вопрос об иностранной военной интервенции в России возник в конце 1917 г. в связи с планами Советского правительства отказаться от обязательств по военному блоку Антанта и заключить сепаратный договор с Германией. Другая проблема отмечена, например, в иркутской летописи: «22 декабря... в помещении китайского консульства состоялось совещание иностранных консулов по поводу текущих событий (японского, греческого, китайского, французского...). В Совет рабочих депутатов послано известие, что в случае насилий над иностранными подданными они будут просить свои правительства оказать содействие» [Романов Н.С., 1994, с. 266]. В январе 1918 г. во Владивосток прибыл японский военный корабль, японские спецслужбы поставили перед своей резидентурой в России задачу «предотвращения распространения германского влияния на Восток... это делать исключительно руками русских, избегая вмешательства во внутренние дела России» [Полутов А.В., 2012, с. 73].

Весной 1918 г. начался новый этап вмешательства Японии в революционные события в России. 5 апреля, после убийства во Владивостоке трёх японских подданных, в этом порту был высажен японский десант, поддержанный небольшим британским отрядом. Высший орган

советской власти в Сибири расценил это как начало иностранной военной интервенции и передал всю полноту власти на востоке России Военно-революционному штабу. В «Воззвании Центро-Сибири по поводу высадки десанта иностранных войск» говорилось: «На Сибирскую Советскую Республику совершено нападение международным капитализмом... 4 апреля совершено вооружённое нападение на японскую контору «Сидо»... На следующий день командующий японской эскадрой, стоявший во Владивостокском порту, отдал распоряжение о высадке японских войск во Владивостоке и выпустил воззвание к населению, в котором лживо заявляет о своем сочувствии революции... Выйдите на улицу, и вы увидите радостные улыбки на лицах кулаков и капиталистов... Они радуются японцам, — значит мы будем бороться против них и против японцев»¹. Летом 1918 г. Владивосток перешёл под контроль иностранцев. В обращении союзников от 6 июля 1918 г. говорилось о взятии Владивостока и его окрестностей под охрану иностранных войск. В числе иностранных военачальников, поставивших под документом свою подпись, был и вице-адмирал японского флота Като Хирогару.

Полномасштабная иностранная военная интервенция на востоке России началась в августе 1918 г. Сначала во Владивостоке высадились британский, китайский и французский отряды, а 11 августа 1918 г. на берег прибыло около двух тысяч японских солдат. 6 сентября 1918 г. японские войска вошли в Читу, но далее на запад Япония не захотела отправлять свои войска. В конце 1918 г. бывший военный министр Сибирского правительства докладывал: «К моменту моего отъезда японцы с генералом Отаки (1 жанд[армская], 1 кавал[ерийская] и 3 пех[отных] дивизии) дошли до Читы. Во главе — жандармская дивизия, [которая] расклеивала воззвания к населению в восточном расплывчатом тоне и ставила свою жандармерию... Все начальствующие лица говорили, что у них инструкции доехать до Читы и там зимовать» [Чешско-Словацкий, 2018, с. 889].

В русской правительственной газете в конце ноября 1918 г. были напечатаны материалы из зарубежной газеты о «дислокации Японских войск»: «7-я японская дивизия, закончив в первой стадии свои операции в Сибири, возвращает в Японию офицеров и солдат, необходимых для обучения новобранцев в местах постоянного расквартирования частей дивизии. Остающаяся большая часть состава дивизии готовится расположиться на зимние квартиры от Пограничной до Борзи и частью в Благовещенске. Дислокация японских войск, следующая: отряд 12 дивизии под командованием ген. майора Ямада будет охранять всю Амурскую ж. д. Отряд ген.-м. Михара будет нести охрану Уссурийской ж. д. к северу от Губарево и вдоль реки Уссури. Отряд майора Кадзима будет нести охрану в районе Николаевска и временно Уссур. ж. д. к югу от Губарево до передачи этой охраны соединённым отрядам японцев, американцев, китайцев и чехов. Третья дивизия со штабом в Чите будет нести охрану от Нерчинска до Верхнеудинска. Штаб 7 дивизии будет находиться на ст. Маньчжурия и части её будут нести охрану ж. д. в Северной Маньчжурии»². В 1919 г. на смену 3-й дивизии в Забайкалье прибыла 5-я японская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Судзуки Сороку. Что касается Дальнего Востока, то в июне 1919 г. российский посол в Токио сообщал в Омск: «Японское

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-64. Оп.1. Д. 573.

² Правительственный вестник. 1918. 29 ноября.

Правительство решило отправить туда подкрепления в составе 9-й пехотной бригады, эскадрона кавалерии и роты сапёров»³.

В ноябре 1919 г. владивостокская газета сообщала: «За время с августа 1918 года по минувший октябрь месяц в Сибирь прибыло всего 120 000 японских офицеров и нижних чинов, включая в это число также те дивизии, которые уже возвратились в Японию... Потери японских экспедиционных сил по август месяц составляли: убитых 40 офицеров, 730 унтер-офицеров и рядовых; раненых — 40 офицеров и 650 унтер офицеров и рядовых. Кроме того, умерло от болезней 500 офицеров и нижних чинов»⁴.

Исход Гражданской войны не только на востоке страны, но и во всей России, решался на Восточном фронте, где армия Российского правительства Колчака противостояла Рабоче-Крестьянской Красной армии. Роль и значение японских интервентов для общего исхода Гражданской войны определялись взаимодействием между Токио и Омском.

Российское правительство в Омске поэтапно, чередой переворотов, сформировалось в 1918 г. Это правительство претендовало на верховную власть в бывшей Российской империи и представляло главную угрозу Советскому правительству большевиков в Москве. В «Приказе Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России» адмирала Колчака № 1 от 18 ноября 1918 г. говорилось: «Сего числа постановлением Совета Министров Всероссийского Правительства я назначен Верховным Правителем»⁵. Правда, преемственность власти была сохранена, глава Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский остался председателем Совета Министров России. В воззвании к населению Верховного Правителя, в частности, говорилось: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка. Дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает...»⁶.

Установление взаимодействия между Колчаком и Японией.

А.В. Колчак был известен в Японии со времен войны 1904–1905 г., куда он попал в качестве военнопленного после капитуляции Порт-Артура⁷. В 1918 г. А.В. Колчак, выполняя распоряжение британского правительства, прибыл в Харбин. В конце июня он отправился в Японию за поддержкой союзников, но, не получив помощи и оружия, вице-адмирал в сентябре выехал во Владивосток. Бывший член Сибирского правительства Г.К. Гинс вспоминал: «...в Омске его попросили остаться. Директория, желая привлечь популярного адмирала в состав правительства, предложила ему пост министра по военным и морским делам. Жаждавшие твёрдой власти общественные круги... остановили свой выбор на адмирале, наметив его в качестве диктатора» [Гинс Г.К., 1921, с. 5].

Признание А.В. Колчака Верховным правителем со стороны А.И. Деникина, Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера сделали Омск центром, определявшим направление общей политики

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

⁴ Дальний Восток. 1919. 13 ноября.

⁵ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

⁶ Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 68.

национальных антибольшевистских сил. 19 ноября 1918 г. из Владивостока сообщили в Омск, что известие о временной передаче всей власти Колчаку «единодушно было приветствовано»⁸. Однако признания Российского правительства со стороны союзников, в том числе и Японии, так и не состоялось. Ближе всего к признанию этого правительства среди союзников была, очевидно, Япония. Например, в «секретной телеграмме посла в Токио в Омск от 22 мая 1919 г.» говорилось: «Дня четыре тому назад Японское Правительство обратилось через своих представителей в Вашингтоне, Лондоне. Париже... с предложением приступить к обсуждению... условий признания Омского правительства. С своей стороны Япония выставила лишь обычное условие взятия на себя новым правительством всех долгов и международных обязательств его законных предшественников до большевистского переворота...»⁹.

Правительственная газета 21 ноября 1918 г. сообщила: «Адмирал А.В. Колчак по случаю принятия на себя Верховной Государственной власти получил множество приветствий, между прочим, от Верховного Уполномоченного на Дальнем Востоке генерала Хорвата, командующего Сибирской армией генерала Иванова-Ринова, генерала Хрещатитского, командира N-го туземного полка Юй Шен-дуна...»¹⁰. Ни японцы, ни атаман Г.М. Семенов в первые дни не стали выражать адмиралу Колчаку своей поддержки. Но в декабре 1918 г. морской агент в Японии контр-адмирал Борис Петрович Дудоров сообщал из Токио в Омск: «По-видимому политика японских военных кругов меняется по отношению Русских под давлением английской и французской. Сейчас Японский Генеральный Штаб подчёркивает свое желание содействовать Новому Правительству в деле водворения порядка»¹¹.

Япония вступила в отношения с Омском осенью 1918 г. Глава правительства П.В. Вологодский в Харбине встречался с начальником японской дипломатической миссии на Дальнем Востоке Мацудайра Цунэо. Япония осенью 1918 г. отправила в Омск своего генконсула в Харбине Сато Наотакэ. Японский дипломат провел в столице Сибири 4 месяца, он был сторонником ограничения военного вмешательства иностранцев во внутренние дела России. Глава внешнеполитического ведомства в Омске Ю.В. Ключников 26 ноября 1918 г. телеграфировал российскому послу в Токио: «Вчера мною передана японскому ген-консулу Сато нота с благодарностью за помощь, оказанную Японией в нашей борьбе против германо-большевистских войск... далее выражена надежда, что помощь эта будет оказываться непосредственно правительству и будет прекращена сепаратная поддержка отдельных отрядов как то Семенова и Калмыков...»¹².

Первым представителем японского военного командования при Временном Всероссийском правительстве (сентябрь 1918 – январь 1919) стал, очевидно, начальник военной миссии генерал-майор Муто Нобуёси¹³. Исследователь Зорихин пишет: «Решая задачу налаживания контактов с Омским правительством, в октябре 1918 г. командир 3-й пехотной дивизии

⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 684. Л. 3

⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 1].

¹⁰ Правительственный вестник. 1918. 21 ноября

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

¹² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 26.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 37. Л. 117]

направил на запад группу генерал-майора Мута. 12 октября она прибыла в Иркутск, а её сотрудник майор Микэ Кадзуо выехал в Омск... В середине ноября к Микэ присоединились Мута и его заместитель Фукуда Хикосукэ» [Зорихин А.Г., 2020, с. 136]. Вместе с японскими военными в столицу Сибири прибыл управляющий Харбинским отделом правления Южно-Маньчжурской железной дороги Сёдзи.

В конце 1918 г. главой японской военной миссии (ЯВМ) в Омске был назначен адмирал Танака Котаро. В газетах было дано описание прибытия японского представителя: «В пятницу вечером, 14-го февраля, около 10-ти часов утра, со специальным поездом прибыл в Омск Японский Адмирал Котаро Танака... На перроне вокзала прибывшего представителя Японии встретили: Военный Министр ген. Степанов, Морской Министр контр-адмирал Смирной... и.д. управл. Министерством Иностранных дел И.И. Сукин... представители Японской миссии ген. Мута, полковник Фукуда, майор Мике, капитан Андо, поручик Окуба и представители Ставки Верховного Главнокомандующего ротмистр Овчинников и капитан Видовский... Вместе с Адмиралом прибыли: капитан 2-го ранга Янаи и представитель Южно-Маньчжурского железнодорожного общества в Харбине Сиодзи»¹⁴. На встрече с журналистами Танака сказал: «Я не являюсь главным представителем Японии в Омске. Но я долго жил в России, хорошо знаю русских и Морское Министерство моего правительства считало поэтому полезной мою поездку сюда в целях сближения России с Японией»¹⁵. Из Токио морской агент контр-адмирал Б.П. Дудоров телеграфировал: «Вопреки заявлению, сделанному мне Адмиралом Танака, что он является представителем только Морского Министерства... Танака послан Военным Министерством... ввиду его личных отношений в Верховным Правителем»¹⁶. С января 1919 г. начальником ЯВМ в Омске формально стал начальник 2-го (разведывательного) отдела штаба японского экспедиционного корпуса генерал-майор Такаянаги Ясутаро. В составе этой военной миссии были полковник Фукуда, майор Микэ, капитан Хираса, капитан Савада, капитан Сакамото, старший лейтенант Окубо, старший военный врач Ёсии, старший интендант Такахаси, контр-адмирала Танака, капитан 2-го ранга Ёнаи.

В 1919 г. при правительстве адмирала А.В. Колчака Японию представляли генеральный консул Мацусима, сменивший в январе 1919 г. Сато, и глава военной миссии полковник Фукуда. В 1919 г. Управляющим Консульством в Омске был назначен секретарь Генконсульства в Харбине Симада Сигеру.

Проблемы сотрудничества

Омское правительство с осторожностью относилось к вопросу о военной помощи со стороны Японии. П.В. Вологодский писал в Харбин Хорвату: «До последнего времени наша политика в отношении Японии носила выжидательный и неопределённый характер. Это обуславливалось наблюдавшимися до сих пор противоречиями между дружественными заявлениями Японского Правительства с одной стороны и действиями японских агентов

¹⁴ Правительственный вестник. 1919. 15 февраля.

¹⁵ Правительственный вестник. 1919. 18 февраля.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 52.

в Сибири с другой... в поведении японских войск в Сибири, носившем характер военной оккупации... Япония не заинтересована в скором восстановлении единой и сильной России. Подобно своей деятельности в Китае, она будет и здесь стремиться к поддержанию гражданской войны до полного изнурения России, чтобы создать более удобную почву для эксплуатации обессиленной страны...»¹⁷.

В исследовании А.Г. Зорихина указано, что находившийся в Омске майор Микэ Кадзуо осенью 1918 г. проинформировал японцев о нежелании Омска просить у Токио помощи из-за боязни встречных японских требований и возлагаемых надежд на военные поставки Британии [Зорихин А.Г., 2020, с. 136]. В декабре 1918 г. главный уполномоченный и военный представитель Верховного Правительства России на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Георгий (Юрий) Дмитриевич Романовский сообщал А.В. Колчаку, что из «серьёзного Американского источника» он узнал, что «Япония намерена предъявить как компенсацию за оказываемую России помощь: первое Владивосток свободный порт... пятое продажа Японии Северного Сахалина»¹⁸. В выписке из журнала заседания Совета министров от 18 февраля 1919 г. говорилось: «Слушали сообщение Временного Управляющего Министерством Иностранных Дел И.И. Сукина о необходимости выяснить позицию Правительства в области экономических отношений с иностранными державами и в частности дать ответ на вопросы поставленные Сеодзи, находящегося при Японском Адмирале Танаки»¹⁹.

У Омского правительства с японскими интервентами были те же самые проблемы, что и с другими иностранными войсками. 21 июня 1919 г. генерал А.П. Будберг в своём дневнике записал: «большие станции забиты чешскими эшелонами, что ещё более затрудняет транспорт и не позволяет рассортировать задержанные составы и пропустить вперёд наиболее для нас нужные; наш нищенский график сильно страдает ещё и оттого, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны и в первую голову идут поезда чешские, польские, междусоюзные, а восточнее Байкала – японские и семёновские; нам же достаются одни только объёдки» [Гражданская..., 2005, с. 275]. Непростым вопросом русско-японских отношений была деятельность японских спецслужб. Но стороны находили компромиссы. В докладе вернувшегося с переговоров в Японии Ю.Д. Романовского Верховному Правителю России говорилось: «Достигнуто полное соглашение смысле работы русско-японской контр-разведки для борьбы с большевизмом и учреждения нашего отделения Японии...»²⁰. Правительство в Омске всячески боролось с практикой, когда японское командование фактически ставило под свой контроль русские войска на Дальнем Востоке. Не случайно, российских представителей обязывали напоминать японским властям: «Условия действия японских войск и их сотрудничества с русскими военными силами должны быть обсуждены особо с соблюдением принципа неприкосновенности авторитета русской национальной власти»²¹.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 9

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 19

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 37. Л. 129

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

²¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 4.

Говоря о русско-японских отношениях в период Гражданской войны, необходимо учитывать проблему, озвученную в письме посла в Токио на имя управляющего МИД в Омске Ю.В. Ключникова от 10 декабря 1918 г.: «полной согласованности в действиях отдельных японских ведомств, являющихся проводниками японской политики в Сибири, – не существует и поэтому было бы ошибкой считать каждый предпринимаемый японцами в Сибири шаг как часть вполне определённой и согласованной программы...»²².

Важнейшим составляющим взаимодействия между Омском и Токио были вопросы поставок оружия, боеприпасов, медикаментов, амуниции и другого снаряжения. Посол В.Н. Крупенский телеграфировал: «Японское правительство согласно поставить нам 50 000 винтовок, но просит сообщить... каким путём будет произведена уплата следуемых за них денег... Японские банки неизбежно потребуют полной материальной гарантии... вероятнее всего из нашего золотого запаса»²³.

Сотрудничество между Омском и Токио наталкивалось на многочисленные препятствия. Для оперативного решения вопросов Омское правительство отправляло в Токио своих представителей, например, помощника военного министра по снабжению генерал-квартирмейстера В.И. Сурина и др. Верховный правитель А.В. Колчак 26 июля 1919 г. телеграфировал своему представителю на Дальнем Востоке Ю.Д. Романовскому: «Следует воспользоваться поездкой в Японию Генерала Сурина... Генерал Сурин равным образом должен ускорить получение военного снабжения от Японии и в первую очередь 50 000 винтовок и 10 миллионов патронов в месяц»²⁴. Из Канцелярии Управляющего в Военном министерстве в Омске, генерал-лейтенант А.П. Будберг телеграфировал в Токио в июле 1919 г.: «Военный Министр просит передать: «Прошу доложить Послу просьбу передать Японскому Правительству уступить нам тридцать тысяч шинелей пятнадцать тысяч комплектов остального обмундирования точка Условия оплаты желательно получить наиболее льготные было бы желательно получить право оплатить возможно большую часть рублями для оплаты японских расходов содержанию их войск Сибири точка»²⁵. В телеграмме представителя адмирала А.В. Колчака во Владивостоке В.О. Клемм от 5 сентября 1919 г. говорилось: «Японцы готовы отпустить окончательно 20 тысяч винтовок и патроны к ним. Вопрос этот... выясняется ныне путём переговоров Генерала Сурина с Военным Министерством в Токио. Здесь японское командование интересуется вопросом как будет производиться уплата денег за это оружие...»²⁶. В ноябре в Токио продолжались переговоры о выполнении «заказов интендантского и средств связи» для армии Правительства А.В. Колчака на сумму около 29 млн иен²⁷.

²² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 122. Л. 6

²³ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. Москва: Российская политическая энциклопедия. 2001. С. 119.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 49

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 684. Л. 1

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 62

Миссия Ю.Д. Романовского

Важное значение в деле решения вопросов взаимодействия между Российским правительством А.В. Колчака и правительством Японии отводилось миссии спецпредставителя на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Ю.Д. Романовского. В телеграмме из Омска на имя посла в Токио от 2 мая 1919 г. говорилось: «Верховный Правитель командировал в Японию генерала Романовского с поручением зондировать при Вашем содействии Японские военные круги о возможности переговоров по вопросам военно-технической помощи...»²⁸. В Инструкции генералу Ю.Д. Романовскому от 25 апреля 1919 г. говорилось: «...5/ Поэтому практически от Японии желательно добиться: а/ принятие ею на себя ответственности за сохранение порядка в дальневосточных областях по всей линии железной дороги до Иркутска... гарантии твёрдости военно-политического положения возлагаются на Японию... в случае общей перемены европейской обстановки и усиления большевистских войск на нашем фронте какими-либо иностранными войсками. Русское Правительство сочтёт своевременным возбудить вопрос о ещё большем расширении японского военного содействия»²⁹.

Такую позицию Российского правительства не поддержал российский посол в Токио В.Н. Крупенский, который телеграфировал в мае 1919 г. в Омск: «обращение к Японии с просьбой о принятии ею на себя охраны Русского Дальнего Востока с ответственностью по поддержанию порядка представляла бы крупную политическую опасность и свелось бы к искательству нами протектората в этой части России...»³⁰. Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов 3 мая 1919 г. телеграфировал из Парижа: «Не возражая против посылки Романовского в Токио для разрешения технических военных вопросов местного характера, нахожу недопустимым ведение политических переговоров без предварительного моего заключения по существу вопросов...»³¹.

Вокруг миссии Ю.Д. Романовского сформировался круг противоречий и интриг. Российская дипломатия, традиционно ориентирующаяся на Запад, демонстративно не доверяла Японии. Например, министр иностранных дел С.Д. Сазонов в мае 1919 г. писал из Парижа о необходимости «обезопасить... окраины от Японского захвата»³². В телеграмме из Омска от 31 мая 1919 г. на имя Крупенского и Сазонова, за подписью управляющего Министерством иностранных дел в Омске И.И. Сукина, говорилось: «Миссию Генерала Романовского следует рассматривать только как попытку, безуспешность которой образумит военные круги в их легковых и преувеличенных расчётах на Японию»³³. Таким образом, российская дипломатия в первой половине 1919 г. использовала переговоры с Японией не столько для установления полномасштабного сотрудничества, сколько для того, чтобы напугать страны Запада опасностью усиления Японии на Дальнем Востоке.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 16

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 3а-5

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 7

³¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 42

³² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 69

³³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 69

В телеграмме Ю.Д. Романовского из Токио от 2 июня на имя А.В. Колчака говорилось: «Японцы встретили меня крайне любезно здесь наблюдается серьёзное стремление установить хорошие отношения Омском и Японское Правительство настойчиво поддерживает пред союзниками необходимость признания Вашего Высокого Превосходительства»³⁴. В течение месяца специальный представитель А.В. Колчака работал в Японии, но 30 июня 1919 выехал в Россию. Уже из Владивостока Ю.Д. Романовский докладывал А.В. Колчаку: «Все официальные лица Японии отнеслись ко мне крайне любезно подчеркивая своё дружеское расположение к Вашему Превосходительству. Японцы заняли совершенно определённую позицию поддержки нашего правительства и стараются повлиять этим смысле на остальных союзников... опасаться сокращения или увода экспедиционного корпуса не приходится, ибо японцы ясно осознают опасность большевизма для собственной страны»³⁵. Ю.Д. Романовский докладывал А.В. Колчаку: «Что касается расширения этой помощи, то таковая возможна, но потребует экономических компенсаций, причём их требования сводятся к продаже им участка южной Китайской железной дороги, о чём уже велись переговоры и возможность получения некоторых концессий на лесные и минеральные богатства края причём эксплуатация таковых производится совместно с русским капиталом. Территориальные уступки совершенно исключены. Смысле привлечения Японии снабжения армии возможно оборудование кратчайший срок патронного завода Владивостоке или Хабаровске станки уже имеются необходимые средства – Японские Правительство и частные капиталисты. На таких же основаниях возможно другими предметами одежды и обувью...»³⁶.

Проблема отправки японских войск в Западную Сибирь

Поскольку будущее России в Гражданской войне решалось на Восточном фронте, то и в числе главных проблем отношений между Правительством Колчака и Японией был вопрос об отправке японских войск на запад от Байкала. Этот вопрос начал обсуждаться еще в 1918 г., осенью российский посол в Токио писал в Омск: «я неоднократно настаивал перед Японским Правительством на посылке японских войск к Уралу, и на помощи оружием, снаряжением и другими материальными средствами создаваемой в Западной Сибири новой русской армии... Япония не намерена... своих войск далее Иркутска без ясно выраженного пожелания... со стороны Америки. Даже посылку оружия и снаряжения... в Западной Сибири японцы не решаются предпринять без предварительного соглашения с Америкой»³⁷. В омской газете сообщалось: «Владивосток. 31-ХП (РТА) По сообщению японской газеты... японское правительство ныне обсуждает вопрос о продвижении японских войск к Уральским горам совместно с союзниками»³⁸. В декабре военно-морской агент в Японии Б.П. Дудоров

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 15

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 2

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 121. Л. 4

³⁸ Правительственный вестник. 1919. 4 января.

телеграфировал в Омск: «Япония готова послать полк пехоты и соответствующие части других родов оружия в Омск, чтобы помочь организации Русской армии присылкой оружия...»³⁹.

Омская официальная газета давала читателям надежду на то, что японское общественное мнение поддерживает отправку японских войск на фронт против Красной Армии. В напечатанном в «Правительственном вестнике» в начале 1919 г. сообщении Российского телеграфного агентства (РТА) из Владивостока говорилось: «Газета «Хири Хири» в передовой статье, по поводу вопроса передвижения японских войск к Уралу, между прочим, говорит: 180 миллионов русского народа получит возможность избавиться от злодеяний, причинённых большевизмом. Подобная помощь стране, с которой Япония жила в добрососедских отношениях, в последние лет является мероприятием, против которого нельзя возразить, наоборот, это надо считать выполнение священной обязанности. Для успешности такой операции газета советует присвоить контроль над сибирскими железными дорогами...»⁴⁰. Однако из других сообщений этой же газеты можно было сделать предположение о том, что японское общество желало бы минимизировать участие своих вооружённых сил в военных событиях в соседней стране. В конце января 1919 г. русские газеты напечатали сообщение РТА: «Японском Мин. ин. дел заявлено в нижней палате, что численность японских войск в Сибири уменьшена с семидесяти до двадцати тысяч»⁴¹. Да и в инструкции отправляемому в Японию специальному представителю А.В. Колчака генералу Ю.Д. Романовскому от 25 апреля 1919 г. указывалось: «Охрана Японскими войсками железной дороги к западу от Иркутска пока не нужна. Однако природа взаимоотношений с Японским Правительством должна быть такова, чтобы в случае непредвиденного развития событий, можно было рассчитывать на быстрое содействие и в этом отношении. д/ Равным образом не нужна и посылка японских войск на фронт»⁴². Актуальность проблемы отправки японских войск западнее Байкала резко выросла лишь летом 1919 г., когда армия Правительства Колчака стала терпеть серьёзные неудачи, как на Восточном фронте, так и в борьбе с красными партизанами в Сибири.

Японские власти проводили в 1919 г. последовательную политику, объясняя свой отказ от посылки войск на запад от Байкала отсутствием согласованного решения по этому вопросу с союзниками. Но в Омске с этим утверждением не соглашались, сообщая в Токио: «Указание Учида на отсутствие между союзного постановления о желательности охраны железной дороги к западу от Иркутска японскими и американскими силами не точно. Из телеграммы Клемансо на имя Верховного Правителя от 2 июля явствует, что союзниками уже тогда предусматривалась такая возможность»⁴³. В телеграмме российского посла в Токио от 22 июля 1919 г. говорилось: «Вопрос о посылке войск на запад от Иркутска был предметом окончательного обсуждения в первом комитете и в Совете Министров, после чего М-во Иностранных Дел передал мне сегодня меморандум нижеследующего содержания: – Японское Правительство дает себе вполне ясный отчет в положении вызывающем просьбу о посылке 2 японских дивизий на запад от

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 3.

⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 4 января.

⁴¹ Правительственный вестник. 1919. 29 января.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 3а-5.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 687. Л. 25.

Иркутска. К сожалению, однако, Японское Правительство должно вполне откровенно заявить, что оно не считает возможным расширить свою помощь вооруженными силами... считая, что подобная мера не может в настоящую минуту быть встречена сочувственно японским общественным мнением, Правительство придерживается уже неоднократно объявленного им намерения ограничить свою военную деятельность сферой к востоку от Байкала»⁴⁴.

Несмотря на отказы, Омск продолжал настаивать на отправке японских войск в Западную Сибирь. В телеграмме А.В. Колчака на имя Ю.Д. Романовского от 26 июля 1919 г. говорилось: «В настоящее время, кроме поддержания порядка на Дальнем Востоке, реальная помощь Японии нужна также и к западу от Байкала... необходимо добиваться присылки двух японских дивизий для охраны железной дороги западнее Байкала. При этом намечается желательность выдвижение японских частей вплоть до ст. Ишим, где хотя и не принимая участие на фронте они оказали бы ободряющее действие на дух наших войск, сосредоточенных вблизи этого района... По получении окончательных предложений Японского Правительства, благотворите их срочно сообщить в Омск. Следует воспользоваться поездкой в Японию Генерала Сурина, чтобы дать этому вопросу практическое движение»⁴⁵.

В телеграмме Г.Д. Романовского из Владивостока на имя И.И. Сукина от 29 июля «для доклада Верховному Правителю» говорилось: «Судя по настроению японцев во Владивостоке добиться сейчас посылки японских войск западу Байкала будет затруднительно ввиду сильных анти-японских течений в Китае и Корее... Японское Правительство вынуждено будет считаться с мнением Парламента...»⁴⁶. Осенью 1919 г. Г.К. Гинс записал: «В августе, когда после совещания с Моррисом было решено просить Японию принять на себя охрану Сибирской дороги к западу от Байкала и послать для этого две дивизии, Токио ответил отказом, ссылаясь на климатические затруднения и на непопулярность в парламенте и обществе сибирских экспедиций» [Гинс Г.К., 2007, с. 533]. Несмотря на отказ Японии оказать военную помощь адмиралу Колчаку на Восточном фронте, общественность надежды не теряла. Представитель Верховного правителя Колчака во Владивостоке В.О. Клемм телеграфировал 25 августа 1919 г. в Омск: «Сюда прибыл первый эшелон сменных дивизий, что породило слухи о посылке Японских войск не только на Байкал, на охрану дороги, но и на фронт»⁴⁷.

Осенью 1919 г. армия адмирала Колчака уже была не в состоянии остановить наступление РККА на Омск. Российские дипломаты вновь пытались добиться отправки японских войск в Сибирь. Посол В.Н. Крупенский телеграфировал на имя Управляющего МИД в Омске 1 октября 1919 г.: «Я подробно изложил М-стру Иностранных Дел содержание Вашей телеграммы № 87 и самым настоятельным образом просил его пересмотреть прежнее решение Японского Правительства не посылать свои войска к западу от Иркутска. Министр ответил мне, что вполне осознает серьезность положения и важность вопроса и обещал поставить его вновь на рассмотрение Совета Министров, присовокупив, однако, что благоприятное разрешение его

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 37.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 49.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 200. Л. 26.

будет делом весьма трудным...»⁴⁸. Старания российских представителей оказались тщетными. В телеграмме посла из Токио от 11 октября 1919 г. вновь была озвучена уже известная японская позиция. Японский МИД передал российскому послу памятную записку, в которой говорилось: «Японское Правительство вполне отдает себе отчет в положении вещей, которое вызвало просьбу о посылке японских войск к западу от Иркутска. Хотя ответ по тому же предмету уже раз был дан... однако в виду важности и значения вопроса, Японское Правительство подвергло его вновь самому тщательному рассмотрению. Но, к своему большому сожалению, оно находит невозможным изменить прежнюю свою точку зрения... Японское Правительство надеется, что русские власти найдут средства, чтобы совладать с затруднениями по охране железн. дороги в случае ухода чехо-словаков»⁴⁹. Японские представители в столице Белой Сибири подтверждали сообщения российских дипломатов, правительственная газета сообщала: «Омск. 31-X (Рта) По сведениям Японской дипломатической миссии Япония не намерена усиливать своих войск в Сибири»⁵⁰.

В качестве знака морально-политической поддержки Японией Верховного правителя А.В. Колчака можно рассматривать отправку в Омск в качестве чрезвычайного посланника графа Като Такааки. Чрезвычайным посланником в Омск Като Такааки был назначен ещё в июле 1919 г. Но отъезд японского представителя в Сибирь надолго задержался. 8 августа 1919 г. российский посол В.Н. Крупенский телеграфировал из Токио в Омск: «Като прибыл сюда на днях. В виду серьезной болезни сына и жены его отъезд состоится только в начале сентября. Министр иностранных дел сказал мне, что в ближайшем будущем последует назначение Като послом со специальной миссией подобно тому, как это было сделано для виконта Ишии при первой поездке последнего в Америку, без указания о назначении его послом в определённое место и без снабжении его верительной грамотой»⁵¹. Ещё через месяц с лишним В.Н. Крупенский телеграфировал из Токио: «Посол Като выезжает отсюда 19-го сентября. Он был задержан здесь несколько долее предположенного главным образом, дабы он мог до отъезда повидаться с возвращающимся на днях сюда Моррисом»⁵².

Во Владивостоке японский посланник Т. Като заявил русским журналистам: «Главная цель в моей поездке – установление тесных сношении с Омским правительством... никаких специальных поручений я не имею»⁵³. Что касается проблемы признания Правительства адмирала Колчака, то японский представитель озвучил японскую официальную позицию: «Япония первая подняла этот вопрос... японские правительственные сферы желали бы как можно скорее признать Омское Правительство... сепаратных шагов в этом отношении со стороны японского правительства не последует»⁵⁴. По пути следования по Сибири, японский посланник останавливался в крупных городах. 10 октября в правительственной газете было

⁴⁸ Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 529. Л. 176.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 119. Л. 60.

⁵⁰ Правительственный вестник. 1919. 1 ноября.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 528. Л. 33.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 529. Л. 182.

⁵³ Правительственный вестник. 1919. 12 октября.

⁵⁴ Правительственный вестник. 1919. 12 октября.

напечатано сообщение из Читы: «Японский посол Като, направляющийся в Омск, временно останавливался в Чите»⁵⁵.

В Омск Като Такааки прибыл лишь 14 октября 1919 г. Газеты сообщали: «На вокзале городской ветки собрались высшие представители военного ведомства, представители иностранных миссий и члены Правительства. Среди присутствующих министры: Пепеляев, Сукин, Устругов... почетный караул первого егерского батальона... Встреча носила исключительно сердечный характер»⁵⁶. Но кроме моральной поддержки, японские представители Верховному правителю больше ничего не предложили. Осенью 1919 г. член Омского правительства Г.К. Гинс отметил: «В Омске с половины октября находился высокий комиссар Японии, член верховной палаты Като. Зачем он прибыл в Омск в его предсмертные часы?» [Гинс Г.К., 2007, с. 533].

Осенью 1919 г. Япония оказывала и другие виды поддержки Белой Сибири. 1 ноября правительственная газета сообщала: «в Омск прибыла Японская делегация Красного Креста во главе с уполномоченным г. Хашитули, с пожертвованием лечебных средств и перевязочным материалом в количестве 324 ящика»⁵⁷. «Уполномоченный Японского Красного Креста Хишигучи» вместе с другими членами своей миссии 7 ноября выехали с эшелоном Французской военной миссии из Омска в Иркутск⁵⁸.

Демонстрация поддержки Японией правительству адмирала Колчака не могла заменить реальной военной помощи. В ноябре 1919 г. началась полномасштабная эвакуация из Сибири на восток всех, кто не готов был признать власть большевиков. Японская дипломатическая миссия покинула Омск последней, вместе в эвакуирующимся колчаковским правительством, 8 ноября 1919 г. В дальнейшем, до начала 1920 г., дипломатическая миссия Като Такааки находилась в Иркутске, объявив о своем нейтралитете.

Сибирская общественность до последнего надеялась на помощь Японии. Эвакуирующийся на восток купец Адольф Даттан в своем дневнике, который он вёл в конце 1919 г., отмечал: «29/12 декабря... в 10 часов утра прибыли в Красноярск. Но здесь пробка и не могут достать ни одного поезда – нет угля. Что будет? Не хотелось бы долго стоять в Красноярске, этом большевистском гнезде. Говорили, что здесь уже есть японцы, но о них ничего не слышно» [Деер, 2002, с. 45].

После поражения в борьбе за столицу Сибири армия А.В. Колчака, отступая, сопротивлялась ещё почти два месяца. Министры Омского правительства со всем имуществом выехали в Иркутск утром 10 ноября 1919 г. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак покинул Омск на поезде поздно вечером 12 ноября 1919 г., и в ночь на 14 ноября станция Омск была занята Красной Армией. В конце декабря эшелон адмирала Колчака въехал в Иркутскую губернию. Вскоре в Нижнеудинске конвой адмирала был заменён чехословацкой охраной, а затем чехословацкое командование в Иркутске передало Верховного Правителя России большевикам. 6 февраля 1920 г. Иркутский ревком постановил расстрелять А.В. Колчака

⁵⁵ Правительственный вестник. 1919. 10 октября.

⁵⁶ Правительственный вестник. 1919. 17 октября.

⁵⁷ Правительственный вестник. 1919. 1 ноября.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 129 Л. 43.

и премьера колчаковского правительства В.Н. Пепеляева, постановление было приведено в исполнение. В воспоминаниях генерала К.В. Сахарова показана позиция японцев по вопросу ареста верховного правителя А.В. Колчака: «Узнав об аресте Верховного Правителя, правильное, – о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким, – ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддерживали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска» [Сахаров К.В., 1923, с. 204].

После гибели адмирала А.В. Колчака японские войска оставались на территории России восточнее Байкала. Однако действовали они здесь уже в условиях как отсутствия русского правительства, могущего претендовать на статус всероссийского, так и какой-либо перспективы победы белых войск над РККА.

Таким образом, Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, армия которого в 1919 г. безуспешно пыталась разбить основные силы РККА, так и не получил весомой помощи от Японии. Можно предположить, что значительная часть российского общества, надеявшегося на военные силы Японии в борьбе с большевиками, было разочарована таким союзником. Для формирования устойчивого негативного отношения к японским интервентам, к фактам участия японских войск в карательных действиях против партизан, незаконной эксплуатации природных ресурсов и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела добавился фактор отсутствия реальной помощи японской армии вооружённым силам Омского правительства в борьбе с Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышев Э.А. Архивы и исторические исследования в Японии: на примере историографии «Сибирской военной экспедиции» 1918–1925 годов в послевоенный период // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. Москва: Этерна, 2017. С. 903–922.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. Т. I. Ч. I. Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. 325 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Айрис-пресс, 2007. 670 с.

Гражданская война в России: катастрофа Белого движения в Сибири. Москва: АСТ: Транзиткнига. 2005. 475 с.

Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). Москва: Госполитиздат. 1957. 200 с.

Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.) // Сб. док. – Новосибирск: Сибирский хронограф. 1996. 370 с.

Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Деег Лотар. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Пер. с нем. Владивосток. 2002. 315 с.

Зорихин А.Г. «Сибирская экспедиция» Японии (1918–1922) в свете новых источников // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX–XXI вв. (выпуск III). Хабаровск: КГБНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова». 2019. С. 116–140.

Зорихин А.Г. Деятельность органов военной разведки Японии против России на Дальнем Востоке, в Забайкалье, Сибири, Маньчжурии и Корее в 1874–1922 гг. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток. 2020. 201 с.

Из истории японской интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. // Документы. Сост. Н.Ф. Насимович-Чужак. Москва: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1931. 65 с.

Исповедников Д.Ю. Публикации документов по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1917–1923 гг.): источниковедческий и археографический аспекты // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва. 2015. 374 с.

Лившиц С.Г. Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т. 1991. 120 с.

Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. Москва: Мысль. 1972. 472 с.

Полутов А.В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 71–84.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

Сахаров К.В. Белая Сибирь: Внутренняя война, 1918–1920. Мюнхен, 1923. 324 с.

Чернобаев А.А. «...и на Тихом океане свой закончили поход»: Гражданская и иностранная военная интервенция в России в новейших документальных публикациях // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5. С. 94–100.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. Москва: Кучково поле. 2018. 1024 с.

Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Подготовка к печати И. Минц. Москва: Центрархив. 1934. 234 с.

REFERENCES

Baryshev, E.A. (2017). Arkhivy i istoricheskie issledovaniya v Yaponii: na primere istoriografii «Sibirskoi voennoi ekspeditsii» 1918–1925 godov v poslevoennyi period [Archives and Historical Research in Japan: The Example of the Post-War Historiography of the 1918–1925 “Siberian Military Expedition”], in Afiani, V. Yu., & Petrov, Yu. A. (eds.). (2017). *Rol' arkhivov v informatsionnom*

obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei [The Role of Archives in the Information Support of Historical Studies: A Collection of Articles] (pp. 903-922). Moscow: Eterna. (In Russian).

Chernobaev, A.A. (2013). «...i na Tikhom okeane svoi zakonchili pokhod»: Grazhdanskaya i inostrannaya voennaya interventsia v Rossii v noveishikh dokumental'nykh publikatsiyakh [“...And on the Pacific Ocean They Finished Their March”: Civil War and Foreign Military Intervention in Russia in the Newest Publications of Documents]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 5, 94-100. (In Russian).

Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy. T. 2. Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaya voina v Rossii. 1918–1920 gg. [Czechoslovak Corps. 1914–1920. Documents and Materials. Vol. 2. Czechoslovak Legions and the Civil War in Russia. 1918–1920]. (2018). Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Dal'nevostochnaya politika Sovetskoi Rossii (1920–1922 gg.) / Sb. dok. [Far Eastern Policy of Soviet Russia (1920–1922) / A Collection of Documents]. (1996). Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russian).

Datsyshen, V.G. (2020). Yaponskaya voennaya interventsia v trudakh sovremennykh rossiiskikh istorikov: inertsii fobii i nauchnoe poznanie. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3, 21–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Deeg, L. (2002). *Kunst i Al'bers Vladivostok. Istoriya nemetskogo trgovogo doma na rossiiskom Dal'nem Vostoke (1864–1924)* [Kunst and Albers Vladivostok. History of a German Trading House in the Russian Far East (1864–1924)]. Vladivostok. (In Russian).

Grazhdanskaya voina v Rossii: katastrofa Belogo dvizheniya v Sibiri [Civil War in Russia: The Catastrophe of the White Movement in Siberia]. (2005). Moscow: AST: Tranzitkniga. (In Russian).

Grigortsevich, S.S. (1957). *Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na Sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom (1918–1922 gg.)* [American and Japanese Intervention in the Soviet Far East and Its Defeat (1918–1922)]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Gins G.K. Sibir`, soyuzniki i Kolchak. Povorotny`j moment russkoj istorii. 1918–1920 [Siberia, allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Vol. I, Ch. I. Pekin: Tipolitografiya Russkoj Duxovnoj Missii, 1921. 325 s.

Gins G.K. Sibir`, soyuzniki i Kolchak. Povorotny`j moment russkoj istorii 1918–1920: vpechatleniya i my`sli chlena Omskogo Pravitel'stva [Siberia, allies and Kolchak. A turning point in Russian history 1918–1920: impressions and thoughts of a member of the Omsk Government]. Moscow: Ajris-press, 2007. 670 s.

Ispovednikov, D.Yu. (2015). Publikatsii dokumentov po istorii Grazhdanskoi voiny na Dal'nem Vostoke (1917–1923 gg.): istochnikovedcheskii i arkhograficheskii aspekty [Publication of Documents on the History of the Civil War in the Far East (1917–1923): Source-study and Archaeographic Aspects] (Candidate of History Dissertation). Moscow. (In Russian).

Livshits, S.G. (1991). *Politika Yaponii v Sibiri v 1918–1920 gg. Uchebnoe posobie po spetskursu* [Japan's Policy in Siberia in 1918–1920. A Teaching Material for a Specialty Course]. Barnaul: Barnaul.gos.ped.in-t. (In Russian).

Mints, I. (Ed.). (1934). Yaponskaya interventsia 1918–1922 gg. v dokumentakh [Japanese Intervention of 1918–1922 in Documents]. Moscow: Tsentrarkhiv. (In Russian).

Nasimovich-Chuzhak, N.F. (Ed.). (1931). *Iz istorii yaponskoi interventsii na Dal'nem Vostoke 1918–1922 gg. / Dokumenty* [From the History of Japanese Intervention in the Far East 1918–1922 / Documents]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. (In Russian).

Naumov, V.P. (1972). *Letopis' geroicheskoi bor'by. Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoi voiny i imperialisticheskoi interventsii v SSSR* [A Chronicle of Heroic Struggle. Soviet Historiography of the Civil War and Imperialist Intervention in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Polutov, A.V. (2012). Yaponskie voennye missii v Man'chzhurii, Sibiri i na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1922 gg.) [Japanese Military Missions in Manchuria, Siberia, and the Far East of Russia (1918–1922)]. *Vestnik DVO RAN*, 4, 71–84. (In Russian).

Romanov N.S. Letopis' goroda Irkutska za 1902–1924 gg. [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994. 560 s.

Sarkisov K.O. Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917–1937). M.: IV RAN, 2019. 528 s.

Saxarov K.V. Belaya Sibir': Vnutrennyaya vojna, 1918–1920. Myunxen, 1923. 324 s. Zorikhin, A.G. (2019). «Sibirskaya ekspeditsiya» Yaponii (1918–1922) v svete novykh istochnikov [Japan's "Siberian Expedition" (1918–1922) in the Light of New Sources]. In *Aktual'nye problemy izucheniya istorii stran ATR v XIX–XXI vv. (vypusk III)* [Contemporary Issues of Studying the History of the Nations of the Asia Pacific Region in the 19th–21st Centuries (Issue 3)] (pp. 116–140). Khabarovsk: KGBNUK «KhKM im. N.I. Grodekova». (In Russian).

Zorikhin, A.G. (2020). Deyatel'nost' organov voennoi razvedki Yaponii protiv Rossii na Dal'nem Vostoke, v Zabaikal'e, Sibiri, Man'chzhurii i Koree v 1874 – 1922 gg. [Activities of Japanese Military Intelligence against Russia in the Far East, the Transbaikalia, Siberia, Manchuria, and Korea in 1874–1922] (Candidate of History Dissertation). Vladivostok. (In Russian).

Книжная полкаBook Reviews

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения: история, литература, искусство»

В.В. Щепкин

Аннотация. Статья представляет собой обзор сборника статей и эссе Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения: история, литература, искусство» (Москва: Восточная литература, 2020. 327 с. ISBN 978-5-02-039851-1). Статьи сборника посвящены самым разным сюжетам из истории российско-японского межкультурного взаимодействия и истории отечественного японоведения. В рецензии отмечается широта интересов автора и глубина проработки каждой отдельной темы, внутренняя цельность сборника и его важность для истории российского японоведения.

Ключевые слова: российско-японское межкультурное взаимодействие, переводы японской литературы, история российского японоведения, Япония и Россия, японское искусство.

Автор: Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (адрес: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18), доцент НИУ ВШЭ СПб (адрес: 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Щепкин В.В. Зеркало российского японоведения. Рецензия на книгу Л.М. Ермаковой «Российско-японские отражения: история, литература, искусство» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 141–146. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova

V.V. Shchepkin

Abstract. The article reviews the book by Ludmila M. Ermakova “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” (Moscow: Vostochnaya Literatura, 2020. 327 pp. ISBN 978-5-02-039851-1). The book is a collection of the author’s recent articles which are devoted to a variety of subjects covering the history of Russian-Japanese cultural interaction and the history of Japanese studies in Russia. The review notes the breadth of the author’s interests and the depth of elaboration of each topic, the integrity of the collection and its importance for the history of Japanese studies in Russia.

Keywords: Russo-Japanese cultural interaction, translations of Japanese literature, history of Japanese studies in Russia, Japan and Russia, Japanese art.

Author: Shchepkin Vasilii V., PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (address: 191186 St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18); Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg) (address: 190121 St. Petersburg, ul. Soyuzna Pechatnikov, 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Shchepkin V.V. (2021). Zerkalo rossiyskogo yaponovedeniya. Retsenziya na knigu L.M. Ermakovoy «Rossiysko-yaponskiye otrazheniya: istoriya, literatura, iskusstvo» [A mirror of Japanese studies in Russia. Review of the book “Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts” by Liudmila M. Ermakova], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia]. 2021, 1, 141–146. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-141-146

Приступая к обзору новой книги Л. М. Ермаковой, я должен упредить возможные обвинения в пристрастности и признаться в своей глубокой симпатии ко всему, что выходит из-под пера этого учёного. Это моё чувство обусловлено, по меньшей мере, двумя причинами. Во-первых, сложностью материй, составляющих научные интересы Людмилы Михайловны, – древней японской словесности, мифологии, поэтики, литературной теории; само обращение к этим темам требует огромной научной смелости, ведь большинство источников сохранились в весьма отличных друг от друга письменных формах древнеяпонского языка. Во-вторых, высочайшим уровнем выполнения научной работы, который подразумевает разнообразие и широту используемых источников и литературы, строгое следование методу, великолепное знание трудов предшественников. Всё это с полнотой обнаруживается и в представляемой здесь книге «Российско-японские отражения: история, литература, искусство».

Книга эта является, по данной автором характеристике, сборником статей и эссе, написанных за последние двадцать лет. Часть из них публикуется впервые, часть уже увидела свет ранее, но и они были расширены и уточнены для настоящего издания. Сразу же упомяну о единственном недочёте, который мне удалось заметить в данном издании и который меня вынуждает озвучить жанр рецензии: на мой взгляд, для тех статей, что уже публиковались в том или ином виде, следовало указать выходные данные их предыдущих версий.

Сборник поделён на три раздела. В первый раздел, «Отражения: XVI – начало XX вв.», вошли восемь статей о различных сюжетах из истории российско-японского межкультурного взаимодействия. Первая из них рассказывает о двух предметах японского искусства, связанных с Россией: это портрет «великого князя Московского» на японской ширме начала XVII века и японская же лаковая миниатюра с репродукцией панорамы Санкт-Петербурга,

созданная в конце XVIII века. Оба предмета имели европейские прототипы: портрет (наряду с другими портретами с той же ширмы) стал увеличенным воспроизведением с голландской карты мира Виллема Блау, а лаковая миниатюра – уменьшенной копией медной гравюры российского мастера М.И. Махаева. Несмотря на связь с Россией, оба предмета скорее предвосхитили интерес японцев к нашей стране, чем явились его отражением. Портрет свидетельствует об эпохе, когда в Японию лишь начали проникать сведения о многообразии стран мира – жанр географических описаний с изображениями жителей стран мира будет оставаться весьма популярным на протяжении всего периода Эдо. Лаковую миниатюру же можно назвать одним из ранних образцов экспортного искусства: она была сделана с гравюры, принадлежавшей доктору И.А. Штюцеру, сотруднику голландской фактории в Нагасаки, наряду с ещё четырьмя миниатюрами с портретами европейских королей и Мартина Лютера.

Вторая статья сборника рассказывает почти детективную историю о табличке с текстами двух псалмов Давида и их переводами на японский язык, сделанными одним из участников первого японского посольства в Европу, состоявшегося в 1582–1590 гг. В статье автор рассказывает об обнаружении короткой записки на польском языке в одной книге, хранящейся в японском музее. Из записки стало известно о встрече польского епископа Б. Мациевского и членов японского посольства в 1585 г. в Ватикане. Описав предысторию посольства, деятельность иезуита Алессандро Валиньяно по организации миссии, а также – в деталях – весь её маршрут, автор установила возможные время и место встречи польского епископа с японцами. Завершает статью необычайный рассказ об обнаружении искомой таблички в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове, где она хранилась, по всей видимости, последние четыре столетия.

Остальная часть первого раздела посвящена российско-японским «литературным» отражениям. В статье «“Остров Шамуршир” и “Станционный смотритель”» рассказывается об анонимной повести о любви русского офицера и курильской айнки, опубликованной в 1810 г. в журнале «Аглая». С первой статьёй Л. М. Ермаковой, посвящённой этой повести – «Неизвестная повесть об айнах: текст и его предполагаемые связи» [Ермакова, 2007], я познакомился ещё лет десять тому назад. Помню, тогда я был поражён, сколь стремительно деятельность первых российских экспедиций у берегов Японии отзывалась в литературном мире Петербурга. В этот же раз я с гораздо бóльшим вниманием перечитал основную часть статьи, в которой автор убедительно показывает, что “Остров Шамуршир” мог стать одним из объектов пародирования для Пушкина в его знаменитом произведении из серии «Повестей Белкина». Кстати, текст самой повести также опубликован в сборнике как приложение к статье.

Тему Пушкина продолжает статья о Японии и Восточной Азии в круге его чтения. В ней автор сопоставляет каталог библиотеки Пушкина, составленный Б.Л. Модзалевским, с российскими и европейскими книгами XVIII–XIX вв., могущими поведать о Японии, и приходит к выводу, что поэт не только располагал основными доступными текстами об этой стране, но и явно имел устойчивый интерес к странам Восточной Азии. Действительно, неспециалисты редко обращают внимание на этот факт, но Пушкин, в глазах многих – образец русского европейца, никогда не бывал ни в Европе, ни вообще за пределами России, если не читать путешествия в Арзрум в ходе войны с Турцией. Известно, что Пушкин был дружен с бароном П.Л. Шиллингом и, возможно, обсуждал перспективу участия в его

поездке в Восточную Сибирь, Монголию и Китай. Данная статья наглядно показывает, что эти устремления поэта отразились и на круге его чтения.

В ещё одной статье анализируются четыре перевода на русский язык средневековой японской повести «Такэтори-моноготари»: два с европейских языков (М.П. Васильева 1899 г. и А. Цветинович 1915 г.) и два с японского языка (А.А. Холодовича 1935 г. и В.Н. Марковой 1962 г.). Такое количество делает эту повесть, по меткому замечанию автора, самым переводимым японским литературным произведением в нашей стране. Детальный и всесторонний анализ переводов рассказывает не просто об истории адаптаций отдельно взятого текста в иноязычной среде, но наглядно иллюстрирует эволюцию подходов к переводу на фоне развития японоведения в нашей стране. В результате автор приходит к выводу, что именно В.Н. Марковой удалось создать «словарь и систему приёмов», характерных для переводов японской литературы на русский язык в позднем СССР.

Следующая статья сборника рассказывает о знаменитой японской актрисе рубежа XIX–XX вв. Каваками Садаёко и о том, какое влияние она оказала на появление японских мотивов в творчестве Н.С. Гумилева и на российскую театральную публику – в статье публикуются тексты отзывов из российских газет начала XX в. о выступлениях японской актрисы на петербургских и московских сценах. Гумилев и Садаёко встречались в Париже в 1907 г. Под влиянием этой встречи Гумилев написал стихотворение, которое при внимательном рассмотрении представляет собой два текста с разным размером и настроением – первый из них был опущен в позднейших публикациях. Л. М. Ермакова приводит ещё два стихотворения 1917 года, которые свидетельствуют не только о неизменном интересе поэта к «японской» теме, но и о его интересе к японским поэтическим формам и методам.

Не менее ценные публикации содержатся и в следующей статье, «Танидзаки Дзюнъитиро и его “русские” письма». Речь в ней идет о трёх открытках и двух письмах, отправленных японским писателем осенью 1927 г. российскому японоведу Оресту Плетнеру, который, как и Танидзаки, проживал тогда в окрестностях Кобэ. Однако «русскими» письма названы не только поэтому: они имеют отношение к приезду в Японию другого российского японоведа, Н.И. Конрада, вынашивавшего тогда планы публикации первого перевода одного из романов Танидзаки на русский язык. Текст писем и встреча с Конрадом показывают, насколько сам писатель был заинтересован в такой перспективе. Первый перевод его романа «Любовь глупца» на один из европейских языков вышел уже в 1929 г.

Наконец, закрывает раздел замечательное эссе о русско-японских переводах и переводе вообще, основанное на личном опыте автора как переводчика, читателя и японоведа. Речь в нём идет о «преломлении» смыслов, т.е. о том, как в результате переводческой деятельности и целого ряда других причин в России формируется своё представление о японской литературе, отличное от того, что бытует в самой Японии. На ряде примеров автор также показывает, как такая «преломленная» японская литература стала оказывать влияние и на собственно российский литературный процесс в позднесоветские и постперестроечные годы. Я бы назвал это эссе центральным во всём сборнике и рекомендовал его к прочтению всем японоведам, особенно начинающим.

Второй раздел сборника «Из истории отечественного японоведения» составили ещё пять статей – каждая посвящена одному из российских японоведов прошлого. В первой изложена биография Г.Г. Ксимидова (1877–1910), который принадлежал к замечательной

плеяде первых российских японоведов начала XX в. и наряду с В.М. Мендриным был воспитанником Восточного института во Владивостоке – одним из двух наряду с Петербургским университетом центров подготовки японоведов в годы накануне и после Русско-японской войны. В статье также подробно рассматривается книга Ксимидова «Обзор истории современной японской литературы. 1868–1906», которая делает его первым исследователем мэйдзийской литературы в нашей стране. К сожалению, ранняя смерть учёного сделала этот труд единственной опубликованной работой и, вероятно, повлияла на долгое забвение его имени.

Следующая статья раздела, насколько мне известно, одна из самых ранних (наряду с воспоминаниями об А.Е. Глускиной) во всём сборнике. Впервые она увидела свет ещё в 1996 г. в альманахе «Петербургское востоковедение», в котором был помещён сборник «На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии». Тогда Л.М. Ермакова выступила комментатором ряда публикуемых впервые материалов Н.А. Невского (1892–1937), а данная статья стала предисловием к разделу «Японистика. Этнография» и представляет собой краткий обзор этнографических штудий учёного.

Ещё одна статья посвящена близкому другу Невского С.Г. Елисееву (1889–1975) и его «Истории японской литературы». При этом бó льшая часть статьи –подробнейший обзор сведений о японской литературе и её изучения в России и на Западе с XVII по начало XX в. И лишь в последней трети статьи коротко рассказывается о жизни Елисеева и даётся ёмкий анализ написанного им раздела «Японская литература» в сборнике «Литература Востока» (Петроград, 1920). Здесь хотелось бы уточнить предположение Л.М. Ермаковой о том, что этот текст был единственной работой Елисеева, опубликованной на русском языке при его жизни в России: есть, по крайней мере, ещё один текст, принадлежащий его руке – это вышедший в том же 1920 г. обзор Японского фонда Азиатского музея Российской Академии наук, в «Краткой памятке», выпущенной по случаю 100-летия музея (кстати, тоже первый обзор такого рода, коль скоро С.Г. Елисеев стал первым сотрудником-японоведом Азиатского музея после его жизни в Японии).

Четвёртая статья раздела рассказывает об Оресте Плетнере, замечательном лингвисте, оставившем больше следов на чужбине – в Японии, Европе и Вьетнаме, чем в России. Статья начинается с подробной биографии учёного, приводятся сведения о его отце и младшем брате Олеге, тоже японоведе, но бó льшую часть статьи составляет Приложение – письма к Оресту Плетнеру от его родственников и коллег, переданные Л.М. Ермаковой для публикации дочерью учёного Светланой Плетнер-Хаяси.

Закрывают раздел воспоминания Людмилы Михайловны о своём учителе – Анне Евгеньевне Глускиной (1904–1994). Строки о ней написаны и читаются, конечно, с особым чувством (признаюсь: я начал знакомство со сборником именно с этого текста). Все сведения – целиком и полностью из опыта личного общения Л.М. Ермаковой со своим учителем. К этому тексту нет и не требуется никаких приложений – он сам по себе документ. Но без приложений всё же не обошлось – здесь помещены переводы двух статей из японских газет о пребывании А.Е. Глускиной в Японии в 1928 году.

Наконец, в третий раздел, он же «Приложение», помещена лишь одна статья – «Первые рукописные труды о Японии в России XVII в.». Именно эта последняя статья делает весь сборник «Российско-японские отражения» буквально отражением другой книги Л.М. Ермаковой – «Вести о Япан-острове в стародавней России и другое», изданной в 2005 г.

Большая часть той книги была посвящена, как видно из названия, ранним письменным сведениям о Японии в России XVII – первой половины XIX в. (раздел «Найдено в России»), а за скромным дополнением «другое» укрылись две статьи о письменном наследии О.В. Плетнера и ещё одна – о той самой находке, в XVI веке связавшей Японию, Ватикан и Речь Посполитую. В новой же книге содержание словно зеркально отражено: большую часть уже составляют сюжеты из истории российско-японского межкультурного взаимодействия и истории отечественного японоведения, а последний раздел словно призван оттенить основную часть и отослать к книге-предшественнице.

Книга «Российско-японские отражения: история, литература, искусство», несмотря на заявленный жанр сборника статей и кажущееся разнообразие затронутых тем, воспринимается внутренне цельной и обладающей общим посылом. Каждую статью отличают глубочайшая проработка темы, подкреплённая широким взглядом и эрудицией автора, для которой, похоже, не существует дисциплинарных границ. Эта книга – ещё и неисчерпаемый кладёз, настоящий компендиум знаний об истории российского японоведения: за, казалось бы, узкими формулировками заголовков скрываются подробнейшие обзоры – и истории христианства в Японии, и изучения японской литературы в России, и её переводов на русский язык. Практически все статьи содержат также приложения в виде публикаций документов – как жест научной щедрости автора и призыв к дальнейшему изучению.

Я позволю себе – опять же под влиянием названия – сравнить эту книгу с небольшим зеркалом, висящим в просторной комнате, имя которой «российское японоведение». При взгляде издалека под тем или иным углом в зеркале видны лишь отдельные участки комнаты, но если подойти вплотную, то можно обозреть её во всей полноте. Так и здесь: на мой взгляд, это не просто сборник отдельных эссе и статей – при внимательном рассмотрении в нём находит отражение весь длительный путь взаимного знакомства и изучения Японии и России, его история, увиденная и прожитая одним из замечательных современных исследователей, Л.М. Ермаковой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ермакова Л.М. Неизвестная повесть об айнах: текст и его предполагаемые связи // *Japanese Slavic and East European Studies*. Vol. 28. 2007, pp. 49–77.

Ермакова Л.М. Российско-японские отражения: история, литература, искусство. Москва: Восточная литература. 2020. 327 с. ISBN 978-5-02-039851-1

REFERENCES

Ermakova, L.M. (2007). *Neizvestnaya povest' ob aynakh: tekst i ego predpolagayemyye svyazi* [The unknown story of the Ainu: the text and its alleged connections]. *Japanese Slavic and East European Studies*, Vol. 28, 2007, 49–77. (In Russian).

Ermakova, L.M. (2020). *Rossiisko-yaponskie otrazheniya: istoriya, literatura, iskusstvo* [Russian-Japanese Reflections: History, Literature, Arts]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian). ISBN 978-5-02-039851-1

Научное издание

Японские исследования
№ 1, 2021

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	09.04.2021

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 1, 2021

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	M.A. Kirichenko
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	9 April 2021

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日
本
研
究